

ЭКОНОМИКА
СОЦИАЛИЗМА:
АНТОЛОГИЯ
ИДЕЙ

и
и

Г.М.Кржижановский
С.Г.Струмилин
Н.Д.Кондратьев
В.А.Базаров

АКИМ
БЫТЬ ПЛАНУ:
дискуссии
20-х годов

ЭКОНОМИКА
СОЦИАЛИЗМА:
АНТОЛОГИЯ
ИДЕЙ

КАКИМ БЫТЬ ПЛАНУ: дискуссии 20-х годов

Г.М.Кржижановский
С.Г.Струмилин
Н.Д.Кондратьев
В.А.Базаров

Составитель и автор предисловия и комментария —
доктор экономических наук

Э. Б. Корицкий

Рецензент —

доктор экономических наук

Ю. А. Лавриков

Редактор

В. А. Кипрушев

**Каким быть плану: дискуссии 20-х годов: Статьи
K21 и современный комментарий/Сост.: Э. Б. Корицкий.—Л.: Лениздат, 1989.—224 с., ил.—(Экономика социализма: антология идей).**

ISBN 5-289-00837-3

Данная книга — первая в новой серии «Экономика социализма: антология идей». Впервые после долгого забвения к нам возвращаются острополемические выступления выдающихся ученых, кому советская экономическая наука обязана своим возникновением и развитием. Многие идеи, высказанные ими в дискуссиях 20-х годов, удивительно созвучны происходящей сегодня перестройке.

Вниманию широкого круга читателей предлагаются оригинальные статьи Н. Д. Кондратьева, С. Г. Струмилина, Г. М. Кржижановского, В. А. Базарова и современный комментарий к ним.

К 0601000000—309
М171(03)—89 КБ — 17—6—89

65.02

ISBN 5-289-00837-3

© Э. Б. Корицкий, составление,
предисловие, комментарии, 1989

Возвращение к истокам

Не будет преувеличением сказать, что сегодня советские люди проявляют поистине огромный интерес к истории своей страны, истории ее экономики, политики, культуры, науки. Этот интерес кровными узами связан с породившей его революционной перестройкой, ставшей переломным этапом в развитии нашего общества. Столь крутой поворот сделал неизбежным появление новых, порой совершенно неожиданных вопросов, ответы на которые мы настойчиво ищем, пристально вглядываясь не только в стремительно набегающее будущее, но и в столь же быстро удаляющееся прошлое. Только с помощью точно-го, беспристрастного научного анализа прошлого можно выявить перспективные тенденции, определить пути дальнейшего развития и совершенствования экономической и социально-политической структуры советского общества.

Оглядываясь назад, можно с законной гордостью назвать немало впечатляющих побед и свершений, в результате которых наша страна превратилась в могучую индустриальную державу. Однако говорить о пройденном пути лишь как о движении от победы к победе, игнорируя при этом историческую правду, умалчивая реальные факты, события, имена,— безнравственно. Этот путь — отнюдь не ровная, прямая линия, всегда круто восходящая вверх. В истории Страны Советов были и мощные рывки, и тяжелые ошибки, и драматические повороты. Ретроспективный анализ обязан охватить все светлое и все темное в их неразрывном, глубоко противоречивом симбиозе. Необходимо исходить только из уроков правды, отвергающих какое бы то ни было замалчивание «больных», «неприятных» для уха и глаза вопросов истории и исторических личностей, насильственно изъятых из нашей памяти, замалчивание, в свою очередь молчаливо предполагающее, что существуют критерии и «поважнее правды». Таких критериев нет! Народ, забывший свою историю, обречен повторить ее.

В удушливой атмосфере засилья административных запретов сталинского режима и застойного «безвременья» чахли все общественные науки, и история, увы, не составила исключения. Демократизация и гласность вывели общество из состояния глубокой летаргии. Прорвана плотина многолетнего умолчания нашего прошлого. Передовыми представителями искусства за последние годы создан ряд

талантливых произведений, осветивших многие темные, запущенные углы нашей истории и немало способствовавших тем самым нравственному очищению общества. Пробуждается и собирается с силами менее подвижная, более связанная стереотипами и авторитарными суждениями общественно-историческая наука. Именно она предназначена воссоздать точную, основанную на документах и огромном творческом наследии картину пройденного пути, критически осмыслить события прошлого, их причины и следствия, выявить исторические закономерности. И только решительное избавление от шор фальсифицированных оценок и примитивных выводов «Краткого курса ВКП(б)» позволит исторической науке заплатить по долгам прошлого и выполнить сложнейшую и благороднейшую задачу — возвратить народу память.

Немало «белых пятен» образовалось в области экономической теории и практики социализма, и прежде всего в планировании. Здесь хотелось бы особо подчеркнуть: осуществляемая ныне радикальная экономическая реформа в качестве основного ставит вопрос: каким быть плану, каким должен стать новый облик централизованного руководства? Как известно, реформа призвана коренным образом изменить сложившееся за долгие годы всевластия административной системы соотношение между раздутым до непомерных размеров централизованным плановым началом и «контузенным» хозяйственным демократизмом, восстановить реальную, подлинную значимость товарно-денежных отношений, экономических методов управления, придать, таким образом, хозяйственному механизму большую гибкость и экономичность.

Движение советской экономики по пути перестройки оказалось делом далеко не простым. Старые, административные методы планового руководства проявили необычайную адаптивность, они успешно приспосабливаются к новым условиям хозяйствования. Это вызывает необходимость обращения к мыслям и опыту выдающихся пионеров социалистического планового управления. Ведь вопрос о том, каким быть плану, был и остается для социалистического хозяйствования весьма актуальным.

С самых первых дней Советской власти идеи планового регулирования народного хозяйства заняли центральное место в экономической политике партии. Уже в марте 1918 г. В. И. Ленин писал: «Организация учета, контроль над крупнейшими предприятиями, превращение всего государственного экономического механизма в единую крупную машину, в хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководились одним планом, — вот та гигантская организационная задача, которая легла на наши плечи»¹. В

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 7.

сурое время «военного коммунизма», в значительной мере обусловленного гражданской войной и интервенцией, в советской экономической литературе активно обсуждается вопрос о едином хозяйственном плане. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно полистать хотя бы один журнал тех лет — «Народное хозяйство». Следует заметить, что в представлениях о едином плане, наиболее характерных для этого периода, господствовала слепая вера в магическую силу директивных форм управления, и конструкция сложившегося в эти годы хозяйственного механизма как бы впитала в себя эту веру, во-плотившись в образе знаменитой главкократической системы. Однако к концу гражданской войны все более рельефно стали проявляться изъяны такой конструкции. Чрезмерная централизация в управлении, сосредоточенном в главках, исключительное преобладание административных методов осуществления этой централизации, отсутствие хозрасчетной заинтересованности предприятий в результатах своей деятельности, сметно-бюджетное финансирование, омертвление кредитных отношений — все это заложило прочный фундамент под те разросшиеся до чудовищных размеров явления, которые сегодня перечисляются в сотнях различных публикаций: безынициативность, бесхозяйственность, отчужденность работников от государственной собственности, бюрократизм и волокита. Эти и многие другие явления стали неизменными атрибутами административно-командной, «разверсточной» системы управления экономикой.

Правда, гений В. И. Ленина сумел распознать всю грозную тяжесть грядущих последствий подобного типа планового управления. Решительно отвергнув «казарменный, военно-бюрократический» социализм, не имеющий ничего общего с действительно научным социализмом, В. И. Ленин провозгласил необходимость перестройки всей системы хозяйствования на принципах новой экономической политики. По существу, это была программа построения социализма, предусматривающая создание принципиально нового хозяйственного механизма, основанного на активном использовании рыночных отношений, денежной системы и торговли, на широком учете материальных интересов. Официальное принятие новой экономической политики состоялось на X съезде партии в 1921 г.

Означал ли переход на новые рельсы хозяйствования развитие лишь экономических методов управления, основанных на товарно-денежных отношениях, и ослабление плановых начал, забвение самой идеи единого хозяйственного плана? Изучение ленинских работ, партийных документов эпохи нэпа позволяет совершенно однозначно ответить на поставленный вопрос: нет, не означал. Так, в письме Г. М. Кржижановскому, опасавшемуся за судьбу планомерной организации общественного производства, В. И. Ленин специально подчеркивал: «...новая экономическая политика не меняет единого госу-

дарственного хозяйственного плана и не выходит из его рамок, а меняет *подход* к его осуществлению¹. Речь, таким образом, не шла об отказе от планового начала. Примечательно, что Госплан был создан уже в начале 1921 г.

Более того, как нам представляется, переход от политики «военного коммунизма» к нэпу, широчайшая демократизация общества в первой половине 20-х гг. как раз послужили мощным импульсом и для развития советской планово-экономической мысли. В атмосфере творческой состязательности идей, концепций, взглядов, в обстановке жарких, раскрепощенных дискуссий формировались первые научные школы вокруг таких выдающихся ученых-экономистов, как Н. И. Бухарин, Н. Д. Кондратьев, В. А. Базаров, Г. М. Кржижановский, С. Г. Струмилин, А. В. Чаянов, и многих других. Пожалуй, именно такая атмосфера и обусловленное ею «многоцветье» теоретических течений позволяют сегодня говорить о 20-х гг. как о «золотом веке» советской плановой науки².

В специальной литературе тех лет ставились и обсуждались важнейшие и сегодня вопросы. Каким должно быть перспективное планирование — индикативным или директивным? Как план должен относиться к рынку? Какие закономерности и тенденции должны быть положены в основу плана — общекономические,ственные и капитализму и социализму, или специфические, «своя, особенная стать», присущая лишь новому общественному строю? Какова роль субъективного фактора в социалистическом хозяйствовании, должно ли оно быть «генетическим», т. е. в значительной мере рыночным, базирующимся на изучении объекта планирования, объективных законов его «поведения» и развития, или «телеологическим», выдвигающим во главу угла момент целеполагания, волевого, властного регулирования?

Через ответы на эти (и многие другие) вопросы и пролегала демаркационная линия, разделившая советских экономистов-плановиков на два основных направления: генетическое и телеологическое. Разумеется, такое деление в духе «двоичной системы» имеет упрощенный вид, так как, во-первых, далеко не все «телеологии» начисто отвергали необходимость генетического подхода, равно как не все

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 101.

² Правда, некоторые авторы утверждают нечто прямо противоположное этому положению. Так, А. Белянова полагает, что существование в переходный период разных школ и течений экономической мысли «осложняло выработку научных методов управления...» (см.: Экономическая газета, 1988, № 2, с. 17). Подобное утверждение вызывает недоумение. Неужели автор искренне предпочитает единообразие взглядов и концепций, которое впоследствии пришло на смену богатейшей палитре мнений? Нужно ли говорить, сколь губительно для науки единодушие, беспроблемное единообразие?

«генетики» отказывали в праве на существование телеологическому принципу, а во-вторых, внутри самих этих направлений имели место существенные концептуальные оттенки и расхождения в представлениях о плановой экономике, темпах ее развития, путях индустриализации.

Телеологическое направление в планировании (Г. Кржижановский, С. Струмилин, В. Мотылев, Н. Ковалевский, В. Милютин и др.) ратовало за примат целевых установок в плане, за директивные методы управления — иными словами, за то, что сегодня принято именовать административной системой. Наиболее крайние представления некоторых сторонников этого направления сводились к утверждениям о необходимости детальнейшей регламентации «сверху» деятельности предприятий, трестов, объединений, весьма напоминая военную стратегию небезызвестного Пфуля¹ с его расписанием боя: 1-я колонна марширует... 2-я колонна марширует... 3-я колонна марширует... Подобные расписания, как справедливо отмечал еще С. Струмилин, хороши лишь для военных парадов, а не для серьезных операций в обстановке подлинного боя. Однако, выискивая Пфуля, сам С. Струмилин оставался ревностным поклонником директивного плана, детально расписывающего даже объем... телеграфных отправлений. Представители телеологической школы были строгими ревнителями административной системы и, раздражаясь шумным рыночным гамом эпохи нэпа, предавались плановофильским иллюзиям, слепо идеализируя централизованное начало и мечтая о быстрейшем наступлении тех времен, когда можно будет вынести «смертный приговор» товарно-денежным отношениям, подтачивающим, по их мнению, основы плановой экономики.

Сторонники же генетического направления (Н. Кондратьев, В. Базаров, В. Громан и др.), противостоя диктатуре плана, отстаивали рыночный механизм хозяйствования, опирающийся в значительной мере на тщательное изучение стихийных процессов, выявление законов их развития, учет конъюнктуры и т. д.

Дискуссии между представителями этих двух направлений достигали необычайной остроты, борьба шла с переменным успехом, но во второй половине 20-х гг. чаша весов в этом теоретическом сражении стала быстро и необратимо склоняться в сторону телеологов. Вооружившись идеологическими дубинками, представители телеологической школы осуществили стремительный маневр, переведя научный бой из экономической плоскости в политическую, в которой они, «естественно», оказались значительно сильнее.

К началу 30-х гг. разгром генетической школы был завершен. В теории и на практике установилось безраздельное господство адми-

¹ Генерал, составлявший план военных действий русских войск в 1812 г.

нистративной системы. И тогда-то началась настоящая вакханалия беззакония. Это, пожалуй, самый мрачный период в истории советской экономической науки, период, ставший бесконечно длинной варфоломеевской ночью. Блестящие экономисты, имена которых вошли в сокровищницу мировой экономической мысли (такие, например, как Н. Бухарин, Н. Кондратьев, В. Базаров, А. Чаянов, и многие другие), по сфабрикованным обвинениям были репрессированы. Научная дискуссия завершилась физическим истреблением лучшего генофонда экономической науки. Это был последний и самый «веский» аргумент могущественных поклонников телеологической теории, находившихся на вершине административной пирамиды и усмотревших в концепциях представителей генетической школы смертельную опасность для своего существования. Таким образом, генетики-экономисты были «сожжены на кострах инквизиции» гораздо раньше, чем генетики-биологи. Науки, как видим, были разными, но «аргументы» их противников оставались неизменными и впредь.

Разгромив выдающиеся экономические школы, административная система на протяжении многих десятилетий сохраняла в строжайшем секрете творческое наследие талантливых экономистов, духовно обкрадывая народ.

В результате таких поистине варварских приемов ведения дискуссий плановая наука в значительной степени как бы окаменела. Исчезли яркие, самобытные трактовки, сама теоретическая мысль обезличилась. Зато бурно прогрессировали суеверное поклонение цитатам, догматизм, начетничество. Разумеется, и в 30-е, и в последующие годы были честные, талантливые и мужественные экономисты, со своими оригинальными взглядами, гипотезами, но не они определяли общий уровень экономической науки. Его определяли культовые суждения и оценки тех экономистов (а их было подавляющее большинство), которые вслед за Сталиным связывали перспективу прогресса социализма только с государственной формой собственности, наращиванием централизованного планового начала, усечением товарно-денежных отношений. Все другие взгляды выкорчевывались с корнем, и таким образом поддерживалась стерильность экономики социализма. Вплоть до последнего времени эти догмы всасывались через институтские учебники, солидные книги и журнальные статьи в кровь многих поколений хозяйственных руководителей и плановиков. До последнего времени сохранены в нашей литературе однозначные оценки выдающихся научных школ 20-х гг., данные им их политическими палачами. Почему до сих пор критикуется теория больших и малых циклов Н. Д. Кондратьева, его же трактовка плана-прогноза? Почему вопреки реальностям до сих пор критикуется теория «затухающей кривой» В. А. Базарова? Откуда это упорство в борьбе с фактами? Несколько перефразируя самого В. Базарова, высажем

предположение, что источник критического вдохновения, хотя и не столь чист и высок, как у известного легендарного рыцаря в его незабываемом турнире с ветряной мельницей, все же имеет с ним нечто общее. И там и здесь защищается честь прекрасной дамы, но в наши практические 80-е гг. это уже не Дульсинея Тобосская, а централизованная плановая система управления, белоснежная репутация которой не может быть, по мнению ее верных рыцарей, запятнана порочащими связями с рынком. А поэтому... долой коварных обольстителей, даже если они уже несколько десятилетий назад были отправлены, как говорится, в мир иной.

Перед сегодняшней наукой встала трудная, но почетная и благородная задача — обстоятельно изучить творческий вклад первых советских исследователей, пересмотреть многие оценки, сделанные еще в ходе полемических боев 20—30-х гг. и расходящиеся с действительными фактами. Руководствоваться при этом следует честным пониманием и объективным отражением процесса формирования теории и практики социалистического планового хозяйствования. Чрезвычайно важно утвердить в памяти нашего и последующих поколений имена всех, кому советская наука о планировании обязана своим возникновением и прогрессом. Только такой подход позволит поставить на должное место смещенную эпохой административного культа нравственную систему координат. Выполнению этой задачи, бесспорно, послужит и переиздание трудов выдающихся зчинателей советской экономической науки.

Настоящая книга является одной из первых книг подобного рода. Ее содержание составляют дискуссионные статьи наиболее ярких лидеров как телеологического (Г. М. Кржижановский и С. Г. Струминин), так и генетического направления (Н. Д. Кондратьев и В. А. Базаров). Вполне понятно, что одна-две статьи не в состоянии отобразить все многообразие идей 20-х гг., снискавших их авторам мировую славу. Поэтому общая характеристика взглядов пионеров перспективного планирования, которая дается в персональных предисловиях, опирается на более широкий круг их работ. Это даст читателю возможность глубже осмыслить и помещенные в данной книге дискуссионные статьи.

**Глеб
Максимилианович
Кржижановский
(1872—1959)**

Сегодня идет интенсивный процесс установления исторической правды. Низвергаются кумиры, еще совсем недавно обладавшие в наших представлениях одними лишь выдающимися достоинствами. При характеристике таких, казалось бы, незыблемых авторитетов, как В. В. Куйбышев, С. М. Киров, Г. К. Орджоникидзе и др., к длинной веренице традиционных восклицательных знаков все чаще добавляются и знаки вопросительные. Да, воистину все течет, все изменяется, в том числе текут и изменяются наши представления.

Но среди выдающихся советских экономистов минувших лет есть и такие, которых буйные критические ветры мало коснулись. К их числу следует отнести Глеба Максимилиановича Кржижановского. Г. М. Кржижановский — видный партийный и государственный деятель, крупный ученый, академик АН СССР (1929 г.). В 1918 г. — председатель Комитета государственных сооружений ВСНХ, в 1919 г. — председатель Главэлектро ВСНХ. В 1920 г. назначен председателем Государственной комиссии по электрификации России (ГОЭЛРО). В 1921 г. по предложению В. И. Ленина был назначен председателем Госплана и возглавил работу по составлению первого пятилетнего плана развития народного хозяйства.

Центральное место в многочисленных работах Г. М. Кржижановского¹ занимают вопросы, связанные с планомерной организацией общественного производства. Автор глубоко обосновал идею объек-

¹ Большинство этих работ в систематизированном виде опубликовано в следующих изданиях: *Кржижановский Г. М. Сочинения, т. 1—3. М.—Л., 1933—1936; Он же. Избранное. М., 1957.*

тивной необходимости согласованного, скоординированного ведения народного хозяйства в масштабе всей страны, поскольку считал, что тенденция к планомерности пробивает себе дорогу уже в условиях крупного капиталистического производства. В пределах современных фабрик и заводов, писал Кржижановский, нередко представляющих собой гиганты, работающие на мировой рынок, встречается не только стройная система разделения труда, согласованности громадного числа работающих и сложной кооперации машин и механизмов, но и до тонкости продуманный план всего производства и воспроизводства в целом, часто охватывающий перспективу многих лет. К чести автора нужно сказать, что он был в значительно меньшей мере заражен тем высокомерием в оценке достижений современного ему капитализма в области реализации идеи предвидения, планомерности, которое, что греха таить, было свойственно многим советским экономистам как тех лет, так и последующих поколений. Они дружно постулировали положение о «подавляющем превосходстве» социализма над капитализмом, связанном с принципиальной невозможностью утвердить в рамках последнего систему всеохватывающего централизованного планового порядка. Нет, Кржижановский как раз достаточно высоко оценивал успехи капитализма в деле обеспечения общей планомерности, подчеркивая, что им «проделана громадная работа», что «оказалось бы, еще один шаг вперед и капитализм... сумеет справиться с самой цикличностью капиталистического процесса производства в его целом»¹. И все же этого-то шага не дано сделать старому строю, он может быть сделан лишь в условиях социалистического хозяйствования.

Ядром этого хозяйствования является, по глубокому убеждению Кржижановского, планирование, в котором в максимальной мере должны быть выражены учет, предвидение и сознательная коллективная воля участников общественного производства. Определяя содержание плановой работы, Кржижановский отмечал: «...мы, во-первых, стремимся к такому построению народного хозяйства, при котором благодаря соразмерности частей и научной выработанности методов производства и распределения, при правильном согласовании с объективными материальными ресурсами и наличной рабочей силой, достигается максимальный производственный успех с минимумом затрат и в минимальные сроки времени, во-вторых, вся хозяйственная система конструируется таким образом благодаря гармоничности своих частей, что обеспечивает плановый ход всего механизма, без кризисов и срывов, причем весь трудящийся колектив является сознательным участником общественного производства в це-

¹ Кржижановский Г. М. Плановые вопросы.— Плановое хозяйство, 1925, № 1, с. 26—27.

лом, ясно отдающим себе отчет в методах и степенях возможности подчинения мертвой природы его нуждам»¹.

Г. М. Кржижановский сыграл огромную роль в разработке плана ГОЭЛРО, который под его руководством стал, по существу, первым единым планом восстановления и развития народного хозяйства на основе электрификации страны и который был метко назван В. И. Лениным «второй программой партии». Кржижановский страстно отстаивал саму идею единого народнохозяйственного плана в полемике с теми экономистами, которые были склонны приуменьшить значение этой идеи. К числу последних относился, например, крупный русский экономист В. Г. Громуан, оставлявший в решении данного вопроса, по замечанию Кржижановского, «забавное впечатление». С одной стороны, Громуан отдавал должное работам ГОЭЛРО, с другой — ряд высказанных им положений ставит под сомнение целесообразность разработки единого народнохозяйственного плана. В дискуссионном задоре Кржижановский довольно язвительно сравнил Громуана с застенчивым дьяконом. Когда такого дьякона ранним утром пригласили выпить, то он отвечал, что, во-первых, он не пьет, во-вторых, еще слишком рано, а в-третьих, он уже выпил. Защищая идею полномасштабного планового начала, Кржижановский подчеркивал: «Ни на минуту мы не должны упускать из виду, что капиталисты и их идеологи могут оправдать свое историческое право на существование, только борясь с идеей планового хозяйства, лишающего их всех... преимуществ»².

Как видим, отстаивая идею планового хозяйства, Г. М. Кржижановский не всегда сохранял чувство меры, в отличие от очень небольшого числа советских экономистов он тоже не сумел избежать гипертрофии роли и значения всеобщего планового охвата всех сторон и граней экономической жизни. И не так уж просто, как может показаться на первый взгляд, прокомментировать это обстоятельство. Конечно, по прошествии семи десятилетий можно говорить о том, что, обладая преимуществами, определяемыми плановостью, мы все же еще далеко не «посрамили» развитые капиталистические страны в мирном экономическом соперничестве. Более того, сегодня очевидно, что жесткая, малоподвижная административная система управления, замкнувшая экономику в колючую изгородь многочисленных цифровых показателей, вряд ли способна обеспечить необходимый хозяйственный, научно-технический и социальный прогресс. Но все это сегодня... Тогда же, на заре перспективного планирования, подавляю-

¹ Кржижановский Г. М. К итогам работы Госплана за период с марта 1921 г. по январь 1924 г.—В кн.: Краткий отчет Госплана. 1921—1923. М., 1924, с. 4—5.

² Кржижановский Г. М. Пять лет борьбы за план.—Плановое хозяйство, 1926, № 3, с. 9.

щему большинству экономистов казалось, что преимущества детального народнохозяйственного плана, предусматривающего, словно топографическая карта, все возможные изгибы и повороты «местности», неоспоримы. В плену подобных представлений оказался и Кржижановский, правда, повторяем, в значительно меньшей мере, чем многие другие экономисты.

Заслуживает внимания и отношение Кржижановского к науке о социалистическом планированию. Первый председатель Госплана СССР неоднократно указывал на необходимость всесторонней разработки теоретических и методологических основ планирования, высказав важную мысль об опережающем развитии теории, которая должна освещать путь практике плановой работы. В противном случае, отмечал он, «там, где практическая деятельность опережает теорию, безошибочное творчество невозможно»¹. Эта мысль звучит весьма своевременно и сегодня, ибо до сих пор экономическая теория, в том числе наука о планировании и управлении народным хозяйством, нередко ограничивает себя ролью комментатора осуществляемых в хозяйственной практике изменений.

Вместе с тем Кржижановский предостерегал об опасности «голого теоретизирования», оторванного от практических нужд. «Методология,— писал он,— которая висит в виде обобщений в абстрактно написанных томах,— это одно дело; другое дело — та методология, которая вырастает на почве действительной практики»². Именно эту, вторую методологию отстаивал Глеб Максимилианович, считая, «что наука о планировании так же, как и всякая другая наука, вырастет на... стыке работников теоретической мысли с нуждами практической действительности»³. Сам Кржижановский, внесший существенный вклад в становление и развитие советской науки о планировании народного хозяйства, всегда органически увязывал теоретические изыскания с потребностями плановой практики.

Первым в советской экономической литературе Кржижановский высказал плодотворную и, как показала жизнь, в целом выдержанную испытание временем идею трехзвенной системы непрерывного планирования, состоящей из генерального, перспективного (пятилетнего) и годового планов. Говоря словами самого автора, «мы имеем как бы три оси координат, ориентируясь по которым мы находим для всей плановой системы в целом такое выявление, которое делает ее мощной основой всей нашей хозяйственной практики. Каждая из этих координат развертывает перед нами свои счета, каждая из них имеет свои цифры — показатели, свои балансовые счета, свои «допу-

¹ Кржижановский Г. М. О контрольных цифрах 1928/29 г.— Плановое хозяйство, 1928, № 11, с. 15.

² Кржижановский Г. М. Сочинения, т. 2, с. 364.

³ Там же.

ски» погрешностей. Потрудитесь сосчитываться во всех этих направлениях, и тогда вы действительно сумеете находить такое оформление наших хозяйственных планов в пространстве и времени, которое соответствует нашим объективным нуждам¹. И в настоящее время речь идет отнюдь не об отказе от знаменитой «цепочки Кржижановского». Речь идет прежде всего об отказе от установившейся диктатуры годового плана. Сама же идея сочетания долгосрочного и среднесрочного планирования остается доминирующей в концепции радикальной экономической реформы.

И еще одна интересная мысль Кржижановского — о необходимости разных подходов к годовому, пятилетнему и долгосрочному планам. «Здесь огромнейшее поле работы, — говорил он, выступая в дискуссии по пятилетнему плану, организованной Коммунистической академией.— Нельзя предъявлять пятилетнему плану такого рода запросов, которые мы можем предъявлять годичному плану или генеральному плану². И здесь же Кржижановский упрекнул некоторых экономистов в нежелании считаться с этим методологическим положением. Думается, что указанное положение и в настоящее время не оценено в полной мере, а упрек первого председателя Госплана, с известными, конечно, оговорками, вполне может быть отнесен в адрес современной плановой практики, допускающей, например, параллельное и малооправдываемое сосуществование целого ряда показателей во всех трех звеньях плановой цепочки.

Основным звеном всей системы социалистического планирования Кржижановский считал пятилетний план. Обращает на себя внимание обоснование им именно пятилетнего, а не какого-либо иного срока планирования. Причем приведенная автором аргументация безусловно и полностью сохраняет свое значение в настоящее время.

Провозглашенная XIV съездом партии генеральная линия на индустриализацию страны, реконструкцию народного хозяйства вызвала необходимость в таких грандиозных технических, экономических и социальных преобразованиях, осуществить которые в рамках годовых планов (контрольных цифр) было попросту невозможно. Как писал Г. М. Кржижановский в статье «К построению перспективной пятилетки», «над заботами текущего момента все более и более доминируют многолетние перспективы, из которых пятилетний цикл неизбежно должен привлечь наше особое внимание. Во-первых, потому, что пятилетний срок является достаточно охватывающим для крупных хозяйственных сооружений: больших районных централей, магистральных железных дорог, ирригационных работ и т. п. Во-вторых, потому, что в нашем сельском хозяйстве наблюдается известная

¹ Кржижановский Г. М. и др. Проблема построения генерального плана. М., 1930, с. 10.

² Кржижановский Г. М. Сочинения, т. 2, с. 364.

цикличность, позволяющая именно для периода в 5 лет положить в основу перспективного учета среднюю урожайность, ибо благополучные годы в редких случаях выходят за рамки трехлеток. И наконец, в-третьих, потому, что разбивка генерального плана на пятилетние циклы имеет свои удобства в подразделении общих хозяйственных заданий на крупные строительные этапы, позволяющие сконцентрировать мысль проектирующих на основных, важнейших моментах всего хозяйственного строительства в целом»¹.

Построение перспективных проектировок — дело чрезвычайно сложное, требующее колоссальных затрат труда. Как никто другой, Кржижановский это хорошо понимал. Он высмеивал облегченные представления о характере плановой работы, удачно используя высказывание великого немецкого философа Иммануила Канта: «Составлять планы дело легкое и тщеславное, посредством которого даешь себе вид творческого гения, требуя того, чего сам не можешь исполнить, порицая то, чего не можешь исправить, и предлагая то, чего сам не знаешь, где найти»². Нет, плановая работа — это совсем не то, о чем писал Кант. На дискуссии в Коммунистической академии Кржижановский говорил: «Мы отвергаем возможность того, что план может спуститься откуда-то в виде готового целого на землю и осчастливить человечество. Это действительно была бы тщеславная идея. Мы думаем, что путем практического строительства, путем правильного соотношения между теоретической обобщающей мыслью и практической хозяйственной работой... мы подходим постепенно к тому, к чему мы стремимся,— к созданию такого перспективного плана нашей хозяйственной работы, который органически вырастает из живой действительности»³.

Немалые трудности, с которыми сопряжена проработка пятилетнего плана, упираются главным образом в крайне несовершенный хозяйственный механизм, еще ждущий «своего хозяйственного Октября». Этот механизм заставляет с особой осторожностью взвешивать ресурсы пятилетнего прогноза. Кржижановский не подвергал ни малейшему сомнению положение о всевозрастающей роли системы управления в борьбе за реконструкцию народного хозяйства, в борьбе за социалистическое качество новой экономики. Решительная перестройка этой системы, указывал Кржижановский, может явиться громадным фактором ускорения темпов хозяйственного развития, привести к соответствующим сдвигам в материальной производственной базе. С другой стороны, она поможет выявить относительную значимость всех цифровых показателей перспективного плана, с тем чтобы

¹ См. настоящее издание, с. 24.

² О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР: Дискуссия в Коммунистической академии. Изд. 2-е. М., 1928, с. 60.

³ Кржижановский Г. М. Сочинения, т. 2, с. 362.

они не превратились в своего рода «узаконенное кладбище цифр».

Учитывая круг этих обстоятельств, Кржижановский настойчиво призывал изыскивать новые и совершенствовать уже сложившиеся на практике методы плановой работы. В частности, в его трудах, посвященных проблемам перспективного планирования, получил дальнейшее развитие апробированный в первом едином хозяйственном плане (ГОЭЛРО) метод последовательных вариантов приближений, ведущий, по его мнению, к повышению уровня научности планирования и степени его надежности. «В первоначальном очерке,— писал Кржижановский,— она (пятилетка.— Авт.) неизбежно будет страдать и изобилием излишнего материала, и неточной пригонкой отдельных частей. Не смущаясь этим обстоятельством, мы должны демонстрировать перед плановыми работниками СССР и перед широким кругом наших хозяйственников по возможности полный материал, лежащий в основе пятилетки, ввести их в лабораторию наших черновых работ, которые неизбежно еще значительный срок будут носить такой черновой характер. Переход от чернового материала к компактному окончательному материалу, к простым и сжатым формулировкам возможен будет лишь в результате работы обширного коллектива»¹.

Исключительно важное значение для развития всей плановой работы имел предложенный Кржижановским метод проектировки двух хозяйственных рядов — минимального и максимального. «Эти ряды,— писал он,— должны опираться на основной материал первоначального пятилетнего наброска, но выделить из ее многочленного организма основные хозяйственные показатели, численно по возможности ограниченные»².

Для чего следует разрабатывать два варианта пятилетнего плана? Кржижановский с чеканной четкостью отвечает на этот вопрос. Минимальный (или отправной) пятилетний хозяйственный ряд оценивает некоторый минимум возможностей, обеспечивающих прежде всего бесперебойное развитие хозяйства. Этот вариант наглядно обрисует перед нами те хозяйствственные грани, выход за пределы которых немедленно повлечет за собой то или иное функциональное расстройство нашего хозяйственного организма. Фактическое приближение к цифрам — показателям этого минимального ряда — будет сигнализировать о предстоящих опасностях и предостерегать должным образом в хозяйственном маневрировании. В этом, подчеркивал Кржижановский, громадное служебное значение минимального хозяйственного ряда.

Максимальный (или, как позднее его назвали, оптимальный) пятилетний хозяйственный ряд должен быть смело рассчитан на ряд

¹ См. настоящее издание, с. 25.

² См. настоящее издание, с. 33.

благоприятствующих хозяйственных факторов. Здесь, между прочим, можно учесть и возможности заграничного кредита, и такой коэффициент роста организационно-управленческого механизма, такой подъем суммарной советской культуры, которые естественным образом отброшены при учете средних возможностей. Эта проектная работа по созданию максимального варианта пятилетнего плана, предупреждал председатель Госплана, связана с известными трудностями: то напряжение, которое требуется для его осуществления, отнюдь не должно переходить в перенапряжение, могущее повлечь со своей стороны болезненные явления в области хозяйства. Цифры — показатели оптимального хозяйственного ряда — будут служить полезным масштабом при оценке успехов социалистического строительства. И не беда, если этот оптимальный вариант окажется выполненным не в полной мере. Важно лишь, чтобы «попадание» было в пределах намеченной «артиллерийской вилки».

Наличие минимального и максимального хозяйственных рядов позволит, по мнению Кржижановского, более взвешенно разрабатывать контрольные цифры (годовые планы), составление которых в этом случае не будет сводиться к простой переписке соответствующих показателей из проекта пятилетки, а будет требовать специфического анализа конкретной годичной конъюнктуры с дальнейшим нормальным уточнением плановых предположений более общего характера.

Идея Кржижановского о двухвариантной разработке пятилетнего плана в последующие пятилетки была предана глухому забвению. Поэтому сегодня она нуждается в более или менее обстоятельном комментарии. Что же произошло? Как известно, оптимальный вариант проекта первого пятилетнего плана превосходил отправной примерно на 20 процентов. Однако по мере упрочения позиций административной системы отправной вариант все чаще называется «контролистическим», «пораженным», «враждебным». Под влиянием этих бурно прогрессирующих настроений, умело насаждаемых с «самого верху», уже XVI партконференция (1929 г.) единогласно высказалась лишь за оптимальный вариант как единственно возможный и достойный переживаемой эпохи. Вслед за конференцией V съезд Советов СССР принял оптимальный вариант в качестве пятилетнего плана. В принципе он был достаточно реализуем, но, увы, лидеры административной системы не унимались. В дальнейшем многие позиции плана перманентно пересматривались, естественно в направлении их увеличения. Так, были резко взвинчены плановые показатели по выплавке чугуна, добыче нефти, производству тракторов и др. Брошенный в массы лозунг «Пятилетку — в четыре года!» стал расхожим. Любые, более осторожные подходы немедленно подвергались резкой критике, в них усматривался меч, занесенный над святыми святых социализма — директивным планом. В этой обстановке всеоб-

щей эйфории сообщение В. М. Молотова, нового Председателя Совнаркома (сменившего в 1930 г. на этом посту А. И. Рыкова), о намечаемых 45 процентах прироста промышленной продукции в 1931 г. вместо запланированных 22 процентов было встречено одобрительно. А это означало, как пояснял уже Стalin, выполнение пятилетки... в три года по основным отраслям. В январе 1933 г. он же, выступая с докладом на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), объявил, что пятилетний план выполнен за 4 года 3 месяца¹.

Вряд ли здесь целесообразно анализировать итоги первого пятилетнего плана. По этому поводу отсылаем читателя к интересным статьям О. Р. Лациса, опубликованным в периодической печати². Отметим лишь, что итоги эти весьма не однозначны и не могут трактоваться сегодня или только в мажорном, или только в минорном тоне. В результате коренным образом была преобразована структура нашего народного хозяйства, появились совершенно новые отрасли, модифицировались уже существовавшие. Народ претворял в жизнь индустриализацию. Принимая во внимание столь короткий промежуток времени (менее 5 лет), вполне правомерно говорить о высоких экономических результатах. Однако по многим позициям план оказался невыполненным, по некоторым — весьма существенно. В особенности это касалось натуральных показателей (по чугуну, тракторам, автомобилям и др.), многие из которых оказались даже меньше проектировок отправного варианта. Был провален такой важнейший показатель, как производительность труда, которая возросла (в промышленности) на 41 процент вместо запланированных 110 процентов. Добавим к этому сильнейшие диспропорции, омертвление капитальных вложений, упадок сельскохозяйственного производства... К сожалению, предупреждение Кржижановского о том, что напряжение, требуемое для осуществления оптимального варианта, не должно переходить в перенапряжение, повисло в воздухе.

С тех пор идея двухвариантности плана, по существу, подверглась остракизму. Плановые работники свято уверовали в безошибочность своих предвидений, хотя, как это ни парадоксально, реальные факты никак не могли служить источником столь вдохновенной веры во всесилие плана. Ведь ни одна из пятилеток не была выполнена в полном объеме, и это вряд ли можно объяснить недостаточной технической оснащенностью плановых расчетов, недостаточной их точностью и т. п. Наивно полагать, будто даже при самом невероятном, фантастическом техническом уровне возможно с абсолютной точностью предусмотреть все без исключения параметры будущей хозяйственной жизни, отличающиеся достаточной неопределенностью.

¹ См.: Лацис О. Р. Проблема темпов в социалистическом строительстве.—Коммунист, 1987, № 18, с. 82—84.

² См.: Лацис О. Р. Перелом.—Знамя, 1988, № 6, с. 128—132.

Следовательно, проектировки будущего состояния общества должны, как это и мыслил Кржижановский, представлять собой своеобразные «артиллерийские вилки», значительно увеличивающие и «поле обстрела», и вероятность «попадания». Однозначно же заданная, возведенная в ранг закона детальная плановая схема всегда оказывается беднее жизни, а потому обречена стать «кладбищем цифр». Сегодня наконец следует окончательно уяснить, что сила плана небеспредельна. Много уроков преподнесла нам жизнь, неизменно таящая в себе неожиданности, и пора уже становиться более прилежными ее учениками.

Огромное внимание уделял Г. М. Кржижановский проблемам разработки генерального (долгосрочного) плана. Развивая идею непрерывности и преемственности социалистического планирования, ученый указывал на необходимость при составлении пятилетки базироваться на тех хозяйственных вехах, которые намечаются генеральным планом. Однако обстоятельства практической плановой работы в 20-х гг. сложились таким образом, что процесс разработки генплана отстал от завершения пятилетнего проектирования. Это произошло в силу ряда причин, и прежде всего ввиду значительно больших масштабов и большей сложности работ по долгосрочному планированию, чем предполагалось. Из этого следовало извлечь уроки. И Кржижановский подчеркивал, что составление второго пятилетнего плана должно быть подкреплено хотя бы эскизным проектом генерального плана, в противном случае дефекты новой пятилетней проектировки могут оказаться весьма выраженным¹.

В генеральный план Кржижановский вкладывал не только экономический, но и огромный политический смысл: «Он должен явиться генеральным заданием для передового отряда интернационального пролетариата, на плечи которого выпала великая нагрузка... решающих боев. Можно ли такой план писать, что называется, «легким пером»? Не думаем. Может ли явиться такой план результатом некоторой легкой игры ума?.. Свободная игра ума может быть весьма занимательна и остроумна, но... голое остроумие — это чихание ума. А такое чихание в плане до добра нас не доведет»¹.

Дискутируя с экономистами, занимавшимися конкретной разработкой гипотез генерального плана, Кржижановский предостерегает их от опасности утопических построений, ведущих, по его мнению, к опрометчивой выдаче своего рода фальшивых векселей. В нашем генеральном плане, указывал он, невозможно охватить все будущие нюансы технического и социально-экономического развития страны, поэтому следует сознательно идти на некоторый «недорисованный портрет», не пытаясь объять необъятное. «Наш генеральный план —

¹ Кржижановский Г. М. Сочинения, т. 2, с. 11.

так прямо и скажем — лишь некоторый экскурс для синтетического охвата важнейших генеральных линий нашего строительства. А товарищам до последней степени хочется получить, насколько можно судить по уже развернувшейся дискуссии, готовую модель первых этапов коммунистического общества в СССР»¹.

Критикуя концепцию генерального плана Л. М. Сабсовича, в соответствии с которой СССР через 15 лет уже перейдет к высшей фазе — коммунизму, а также гипотезу Н. А. Ковалевского, согласно которой через 12—15 лет (горизонт генплана) СССР будет выпускать более чем ушестеренную по сравнению с США продукцию, Г. М. Кржижановский показал неубедительность сделанных в проектах расчетов, необоснованность методологии всего построения плана. Он прекрасно понимал, что в подобных ориентировках больше экспрессии, нежели холодного рассудка. Необходимо быть материалистами, настаивал Глеб Максимилианович, справедливо охлаждая эти бурные «коммунистические» порывы. «Когда мы развернем на глазах всего мира генеральный план народного хозяйства такой огромной страны, тогда пролетариату придется этот день записать у себя в календаре. Это будет праздник трудящихся всего мира»². Но это не дается легко.

Большое внимание Кржижановский уделял проблеме методов планирования. Достаточно скептически относиться к экстраполяции и считая ее пригодной лишь для сельского хозяйства, ученый последовательно отстаивал балансовый метод, позволяющий добиться необходимой пропорциональности. Этот метод был широко применен уже при разработке плана ГОЭЛРО, когда составлялись материальный (металл, топливо) и финансовый балансы электрификации. В последующие годы, особенно при составлении пятилетних планов, идея балансов получила дальнейшее развитие. Начались разработки народнохозяйственного баланса. Оценивая эту работу, Кржижановский писал: «Нам кажется, что в философии итогов народнохозяйственного баланса следует еще раз вернуться ко всей работе в целом и сказать, что, вероятно, большинство из нас даже не в состоянии ясно оценить гигантское значение проделанного нами опыта, имеющего колossalное мировое значение, опыта борьбы за плановое хозяйство...»³

Анализ многочисленных работ Кржижановского, его выступлений в дискуссиях дает достаточно веские аргументы для вывода об известном тяготении автора к телеологическому направлению. Конечно, подобное суждение весьма и весьма условно, но тем не менее оно

¹ Кржижановский Г. М. Сочинения, т. 2, с. 11.

² Там же, с. 364.

³ Кржижановский Г. М. К пересмотру плана ГОЭЛРО.— Плановое хозяйство, 1925, № 7, с. 25.

достаточно обоснованно. Так, он поддерживает тех советских экономистов, которые отстаивают приоритет особенного перед общим в развитии экономики нашей страны, подчеркивая необходимость первоочередного учета специфических закономерностей. Столь же безоговорочно Кржижановский называет «бесполезными» экономистов-генетиков, утверждавших важность общеэкономических путей, по которым якобы в формах чуждой идеологии идет обычный для всех стран процесс трансформаций капиталистического общества. Сейчас, подчеркивает ученый, «когда творческая целевая установка с каждым шагом вперед играет все более и более крупную роль, эти прежние сменовеховские элементы являются для нас вредными»¹.

Кржижановский энергично защищает идею директивности социалистического плана, усматривая в «правильной установке» залог нашей победы. А вот еще одно высказывание, не оставляющее, казалось бы, и тени сомнения в «первозданном телеологическом грехе» автора: «Я себе не представляю, каким более совершенным методом можно создать волеустремленность для громадных народных масс, как не путем таких планов, в которых мы будем конкретизировать ясно и точно, доступно массам, строительные задания по всем главным направлениям хозяйства и быта, работая в смычке с этими масштабами»².

Показательны и симптомы типично телеологического отношения Кржижановского к проблемам соотношения плана и рынка, нашедшего отражение прежде всего в его книге «Товарообмен и плановая работа», изданной еще в 1924 г., т. е. в эпоху расцвета нэпа. Касаясь товарно-денежных связей, автор выделяет «ту основную задачу, которую при всех и всяческих условиях нам придется считать основной в борьбе именно за социалистические позиции: каковы бы ни были формы менового процесса, нас прежде всего будет интересовать ход обмена продуктов города и деревни, и за всякими итогами товарооборота, с его движением денежных ресурсов и с его элементарной погоней за уравнением нормы прибыли, нам придется с неослабной энергией прослеживать фактическое удовлетворение жизненных потребностей... В этом смысле товарообмен *ни на минуту не должен переставать быть в наших глазах продуктообменом*»³. И далее в работе высказываются мысли о необходимости «борьбы за плановое хозяйство», о «решающем значении единого государственного котла», о «естественных шансах крупного, доведенного до масштабов целого государства хозяйственного предприятия» и др. Он критикует эконо-

¹ О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР: Дискуссия в Коммунистической академии, с. 67.

² Там же, с. 62.

³ Кржижановский Г. М. Товарообмен и плановая работа. М., 1924, с. 20.

мистов, «поющих дифирамбы» в честь развития товарно-денежного хозяйства и соответственно игнорирующих необходимость непосредственного «нажима на рынок», и т. п. И это, повторяем, писалось в 1924 г. Понятно, что позднее, во второй половине 20-х гг., эта нигилистская позиция по отношению к рынку стала гораздо откровеннее. «Здесь начинается ликвидация товарно-денежных отношений по существу,— писал автор в 1928 г.— хотя рыночная внешность сохраняется. Мы являемся свидетелями своеобразных отношений переходного периода, открывающих путь нарастанию социалистических форм»¹.

И все же, можно ли без колебаний определить место Кржижановского в стане ревностных и беспалляционных приверженцев телеологической школы, таких «алмазно-твёрдых», каким был, к примеру, Струмилин? Думается, нельзя. И уж если и причислять Кржижановского к лагерю телеологов, то необходимо при этом сделать оговорку о том, что он был, несомненно, одним из наиболее умеренных, наиболее лояльных к оппонентам экономистов. Следуя в относительно безопасном в идеологическом отношении фарватере становившихся все более доминирующими телеологических воззрений, критикуя идею «плана-прогноза», не соглашаясь с генетическим методом планирования, основанным на учете тенденций стихийного, рыночного развития и явно недооценивающим значения целеполагания, Кржижановский вместе с тем с величайшей осторожностью и взвешенностью подходил к оценке телеологического метода. Этот метод, умоляя роль рыночного регулирования, в своем чистом виде гипертрофировал целевую установку, таил в себе опасность отрыва от реальной экономической действительности, что неизбежно вело (и привело!) к бюрократизации, волюнтаризму, административному произволу. Понимая это, Кржижановский прямо предупреждал: «Самая большая опасность для идеи планирования — это превращение ее... в икону»².

Да, Кржижановский отнюдь не был «классическим» представителем телеологического направления, ставшего теоретической основой нарождавшейся административной системы. Он умел смотреть фактам в глаза, прекрасно понимая, что нельзя разработать план, который априори учтет все колебания погоды, рынка, международной конъюнктуры. Кроме того (и это обстоятельство непременно должно быть отмечено), Кржижановский был интеллигентом в самом высоком смысле этого слова. Он умел полемизировать, не осыпая оппонента площадной бранью, не оскорбляя, не пиная его, уже лежачего. Увы, этими качествами обладали не все тогдашние полемисты.

¹ Кржижановский Г. М. Десять лет хозяйственного строительства СССР. 1917—1927. М., 1928, с. 73.

² Кржижановский Г. М. К теории и практике планирования народного хозяйства.— Плановое хозяйство, 1925, № 3, с. 22.

Вспомним, например, вышеупомянутую дискуссию Кржижановского с В. Г. Громаном. Казалось бы, разгневанный председатель Госплана разнесет Громана в «ключья». Уже была подготовлена к печати и соответствующая статья, причем одобренная В. И. Лениным!¹ Но что же дальше? Послушаем самого Глеба Максимилиановича. «Я предпочел статью не печатать,— признается он,— а его (Громана.— Авт.) пригласить на работу в Госплан. По другую сторону баррикад Громан не был. Громан — человек известный в том смысле, что впечатительность его превосходит его марксистскую учебу. И я бы не сказал так резко, как говорил т. Струмилин относительно громановского примата „производительных сил“»².

Да, от других экономистов-теоретиков Кржижановский явно отличался терпимостью к иным мнениям, готовностью их принять, если они покажутся убедительными. Он был истинным демократом, сторонником плурализма взглядов. И думается, что он внутренне был и оставался противником сталинских методов «ведения дискуссий» и, наоборот, сторонником взглядов В. И. Ленина. «Стратегия т. Ленина,— как бы подтверждая высказанное предположение, говорит Кржижановский,— между прочим, заключалась и в том, чтобы посадить каждого человека на подходящее место и использовать его так, чтобы он дал все лучшее, что он может дать... Мы, товарищи, должны чрезвычайно внимательно отнестись к этой стратегии Владимира Ильича и быть чрезвычайно бережливыми»³. Здесь — тревога за каждого человека, понимание роли каждого человека в жизни страны. Как это отличается от пресловутого лозунга «Кадры решают все», прикрывшего наготу сталинской стратегии человека — «винтика» в огромном государственном устройстве.

Без учета этой внутренней позиции Кржижановского, вероятно, нельзя рассматривать и смещение его в 1930 г. с поста председателя Госплана страны. Стиль руководства Кржижановского был стилем демократическим, свойственным духу экономической системы хозяйствования. Естественно, что он одновременно был генетически чужероден административной системе, а потому и оказался отторгнутым ею. Новой системе потребовался более адекватный руководитель главного хозяйственного штаба страны. Таковым был признан В. В. Куйбышев.

Думается, что обстоятельное изучение работ Г. М. Кржижановского, выдающегося организатора социалистического планирования, соратника В. И. Ленина, сегодня является важным условием дальнейшего развития советской планово-экономической мысли.

¹ См.: О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР: Дискуссия в Коммунистической академии, с. 70.

² Там же.

³ Там же, с. 68.

Г. М. Кржижановский

К ПОСТРОЕНИЮ ПЕРСПЕКТИВНОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Feci quod potui. Faciunt meliora potentes¹.

1. Переход к фазе реконструкции выдвигает в нашей хзработе явную необходимость «расширенного воспроизводства» в сфере работы плановой. Контрольные цифры, оперативные годовые хозпланы и конъюнктурные учеты становятся недостаточными; над заботами текущего момента все более и более доминируют многолетние перспективы, из которых пятилетний цикл неизбежно должен привлечь наше особое внимание. Во-первых, потому, что пятилетний срок является достаточно охватывающим для крупных хозсооружений: больших районных централей, магистральных железных дорог, ирригационных работ и т. п. Во-вторых, потому, что в нашем сельском хозяйстве наблюдается известная цикличность, позволяющая именно для периода в 5 лет положить в основу перспективного учета среднюю урожайность, ибо благополучные годы в редких случаях выходят за рамки трехлеток. И наконец, в-третьих, потому, что разбивка генерального плана на пятилетние циклы имеет свои удобства в подразделении общих хозяйственных заданий на крупные строительные этапы, позволяющие сконцентрировать мысль проектирующих на основных, важнейших моментах всего хозяйственного строительства в целом.

Не следует, однако, переоценивать вспомогательные возможности таких пятилетних перспективок, в особенности в ближайшие переходные годы от восстановительной фазы наших хозяйственных работ к работам по глубокому преобразованию всего нашего хозяйства. Не подлежит сомнению, что этот период, как период ломки хозяйственного организма, особенно труден для всякого прогноза, так как по самому существу своей переходной структуры он в значительной степени исключает работу экстраполирования из хозяйственной динамики прошлого, долженствующей изменить в своем дальнейшем теч-

¹ Сделал, что мог. Могущие пусть сделают лучше (лат.).

чении законную инерцию ранее установившихся связей и отношений. А между тем сам по себе взятый пятилетний срок, с другой стороны, слишком короток, чтобы мы могли противопоставлять законосообразностям прежней хозяйственной структуры те законообразности, которые мы предвидим в развернутой фазе новых строящихся хозяйственных отношений. Выходит, что работники проектируемых хозяйственных пятилеток находятся в исключительно неблагоприятном положении: от старых берегов они отплывают, а очертания новых берегов рисуются перед ними лишь в весьма общих неясных контурах. Отсюда — крайняя *условность* пятилетнего прогноза и особая опасность такого бюрократического восприятия материала пятилетних планов, относительно которой в свое время так заботливо предостерегал нас Владимир Ильич. Можно заранее предвидеть, что и в этой работе, в общем и целом, мы пойдем тем же путем, по которому шли и при компоновке наших контрольных цифр, и в наших работах по генплану. Из года в год, начиная с несовершенных попыток, выработкой целого ряда вариантов, учась на собственных ошибках, мы нащупываем более совершенные методы работы и отбираем более совершенный материал для опорных пунктов нашей хозяйственной деятельности. Если по своим отдельным разделам наша нынешняя пятилетка представляет отбор из многих и многих вариантов, проектировавшихся ранее, то, очевидно, и вся пятилетка в целом найдет свою типизированную форму лишь по методу таких *постепенных вариантных приближений*. В первонаучальном очерке она неизбежно будет страдать и изобилием излишнего материала, и неточной пригонкой отдельных частей. Не смущаясь этим обстоятельством, мы должны демонстрировать перед плановыми работниками СССР и перед широким кругом наших хозяйственников по возможности полный материал, лежащий в основе пятилетки, ввести их в лабораторию наших *черновых* работ, которые неизбежно еще значительный срок будут носить такой *черновой* характер. Переход от чернового материала к компактному окончательному материалу, к простым и сжатым формулировкам возможен будет лишь в результате работы обширного коллектива. На ближайшем съезде госпланов и плановых работников мы лишь приступаем к первым этапам переработки первичного материала, рассчитывая, что коллективная

работа — наиболее верный путь для необходимых улучшений и уточнений.

2. Условность хозяйственного прогноза пятилетней перспективки усугубляется тем обстоятельством, что, трактуя ее проблемы, охватывающие искусственно выделенный календарный срок, мы не можем и не должны жестко ограничивать себя рамками этого срока. При правильной постановке работ составление пятилетки должно бы было предваряться законченной проработкой тех основных хозяйственных вех, которые намечаются *генпланом*. К сожалению, обстоятельства нашей работы сложились таким образом, что пересмотр нашего первого генплана, проекта ГОЭЛРО, по времени затягивается и отстает от завершения наших работ по пятилетнему плану. Причина заключается не только в том, что общий масштаб работ по генплану гораздо более обширен, чем по пятилетке, но и в том, что организация самого круга работников, вовлекаемых в проработку генплана, требует преодоления целого ряда дефектов в нынешнем построении плановых органов. В частности, как это уже отмечалось на Первом съезде госпланов, чрезвычайно отрицательным моментом является наше запоздание в проведении реформы экономического районирования Союза. Считаясь с этим основным недостатком, мы все же должны извлечь из обширного материала генплана все, что возможно, чтобы предохранить наш пятилетний план от будущих неувязок с генпланом. Как ни затруднительна эта работа, но на нее мы должны будем обратить особое внимание, ибо только таким путем пятилетки, скомпонованные Госпланом, смогут приобрести то качество работ высшего порядка по сравнению с работами ведомств, которым они должны обладать, сообразно с заданиями, оправдывающими самое существование Госплана.

Останавливаясь на этом вопросе, мы должны будем в значительной степени вынести из пределов пятилетнего обзора и заимствовать из генплана прежде всего все то, что составляет становой хребет и генплана и всей программы реконструкции,— проблему энергетики в ее целом. Сделать это мы можем с тем большей легкостью, что как раз в этом направлении мы работаем со значительным опережением, и наш прогноз по электростроительству, и по топливоснабжению, и по топливоиспользованию, как показала практика, вполне обладает

желательной точностью. Это обстоятельство, между прочим, позволило уже нам выступить с предположениями по пятилетнему плану электрификации, не дожидаясь даже компоновки настоящей пятилетки. Материал ее только лишний раз подтверждает правильность тех обобщений основного характера, которые сделаны в проекте ГОЭЛРО. Сопоставляя главнейшие показатели хозяйственной структуры в СССР, Германии и С.-А. С. Ш.*¹, работники нашего Сектора мирового хозяйства приходят к таким выводам общего характера:

«1) Намеченное перспективным планом развитие, несомненно, приближает структуру нашего хозяйства к структуре Германии и С.-А. С. Ш.

2) Это обнаруживается прежде всего в *быстром уменьшении веса рабочей силы (как двигателя) и населения (как потребителя)* по сравнению с размерами всего хозяйства в целом.

3) Особенno выпячивается *увеличивающийся относительный вес производства электрической энергии*. Однако необходимо обратить внимание на то, что к 1930/31 г. мы будем производить на одного рабочего вдвое больше энергии, чем в Германии в 1926 г., что указывает на коренное многообещающее отличие в нашем развитии от характера развития Германии и С.-А. С. Ш. за прошлое время.

4) То, что увеличение веса производства электрической энергии происходит без увеличения веса потребления каменного угля, указывает на то, что увеличение производства электрической энергии будет происходить главным образом за счет использования гидравлической силы и местного топлива. На этой стадии развития, в процессе реконструкции нашего хозяйства, мы самым целесообразным образом уклоняемся от отношений в Германии и С.-А. С. Ш.».

Мы позволили себе ссылку на этот черновой материал одного из отделов нашей пятилетки потому, что он превосходно характеризует правильность всей нашей энергетической реконструкционной установки, и потому, что он представляет самостоятельный вывод новой группы работников Госплана, работающих в недавно организованном нами Секторе мирового хозяйства.

Область энергетики, однако, не исчерпывается теми

* США.—Примеч. сост.

ресурсами энергии, которые мы заимствуем из мертвых стихий природы. В последнем счете все *наши достижения в этом направлении — лишь подсобный материал для вооружения живого труда*. То же обстоятельство, что мы заняты во всей нашей хозяйственной концепции построением *социалистического общества*, с еще большей резкостью выдвигает на авансцену именно этот момент живого труда. Таким образом, гигантская проблема организации живого труда, выявление надлежащих *социалистических перспектив* по организации этого труда является для нас командной высотой энергетики, и здесь как раз мы чувствуем особую необходимость использования соответствующих вех генплана. Следует отметить, что на этот раз нам значительные услуги может оказать тот материал общей демографии, который дает нам только что произведенная всесоюзная перепись населения. Даже в той частичной форме, в которой он может быть использован в настоящее время, этот материал позволяет резко выявить основные моменты нынешних диспропорций в этой области и наметить общую установку по решающим вопросам: безработицы, аграрного перенаселения, жилищного вопроса, вопроса о соотношениях экстенсивных и интенсивных форм хозяйства, крупного и мелкого типа производства, сезонных и общественных работ и т. п.

Вторым разделом пятилетки, постулируемым из генплана, является весь раздел, посвященный крупнейшим хозяйственным сооружениям как в области промышленности и сельского хозяйства, так и в особенности в области транспорта. Уже одно то обстоятельство, что пятилетний срок является как бы нормальным строительным сроком для крупных сооружений и что развертывание их действительной эксплуатации и включение в действующий хозяйственный оборот выпадает за пределы пятилетия, в достаточной степени подтверждает справедливость этого положения.

Третий раздел, выпадающий в игре своих решающих факторов из рамок пятилетия, должен был бы быть введен из той части генплана, где мы устанавливаем взаимоотношения целостных экономических районов, их относительный хозяйственный вес и их специфическую роль в общественном разделении труда. К сожалению, здесь мы чувствуем особую неподготовленность по причинам, отмеченным уже ранее, и здесь придется ограни-

читься только отрывочным материалом. Однако наличие целого ряда республиканских и областных плановых органов поможет нам хотя бы в предварительной ориентировке.

3. В большинстве тех проработок пятилетних планов, которые имели место до настоящего времени, мы наблюдаем преобладающее стремление базироваться во всей работе на методах экстраполяции из хозяйственной динамики прошлого. Это в значительной степени объясняется тем обстоятельством, что в наших плановых работах и до настоящего времени наблюдается рассыпной, ведомственный фронт, при котором надобность в подобного рода работе проистекает прежде всего из конъюнктурных обстоятельств текущего момента, из нужд самой действующей хозяйственной практики.

Отрицательную сторону такой постановки работы мы охарактеризовали выше. Но в ней есть и своя сильная сторона. Поскольку в генплане мы сосредоточиваем внимание на главнейших хозяйственных вехах, на самых широких обобщениях и конечных целях строительства, поскольку же в пятилетнем хозяйственном плане мы обязаны преследовать прежде всего ближайшие хозяйственные нужды практического хозяйственного опыта. К этому следует добавить, что есть огромная область хозяйственной деятельности, а именно область всего нашего сельского хозяйства, в которой наша целевая установка подвергается наиболее жестким ограничениям и при которой закон больших чисел и метод экстраполяции отвоевывают для себя гораздо большие права. Если, таким образом, мы имеем здесь гораздо меньшую свободу действия, то, с другой стороны, здесь же как раз, при надлежащей постановке хозяйственной статистики, мы имеем целый ряд *страхующих моментов* от целого ряда такого рода ошибок, в которые легко впасть при целевой установке планирования. Тов. Вишневский правильно отмечает, что при наших работах в области промышленности и транспорта мы с необходимостью и с достаточно полновесными аргументами можем занять позицию *предуказаний*, тогда как при планировке сельского хозяйства мы по преимуществу должны ограничиваться той областью *предвидения*, к которой мы можем апеллировать в меру наличности соответствующего научно-статистического материала. Недостаточность такого материала немедленно отразится на

соответствующей дефективности прогноза, но эта дефективность уже совершенно другого рода и отводит нас в область тех ошибок, которые по сути дела приходится заключить в особые кавычки, по крайней мере постольку, поскольку самый прием работы даже и при наличии этих ошибок сохраняет в общем и целом характер научного анализа. Отсюда один несомненный вывод: *отдел перспективной пятилетки, трактующий вопросы сельского хозяйства, представляет для нас особо существенный интерес не только по тому относительно-му весу, который имеет сельское хозяйство в нашей общей экономике, но и потому, что правильная компоновка этого отдела может предохранить нас самым существенным образом от недооценок и переоценок во всех целевых установках наших перспективных хозяйственных планов.*

4. Выше мы старались показать все *условное значение нашей проработки пятилетки* как в силу общих обстоятельств переходного хозяйственного периода, так и по обстоятельствам связи с генпланом и с такой областью хозяйственного предвидения, в которой весь наш прогноз ограничивается в своей состоятельности лишь *относительно научным* охватом наблюдаемых явлений. Но есть еще один момент, который в настоящем случае заставляет с особой осторожностью взвешивать ресурсы пятилетнего прогноза. Если реконструкция сводится к борьбе за *социалистическое качество* нашей новой экономики, то особую роль в наших успехах в этом направлении будут играть те *организационные формы*, в которые сложатся в этот ближайший период действующие органы нашего хозяйственного и государственного организма. Недаром борьба с бюрократизмом и поиски организационных переустройств, наших важнейших хозяйственных ведомств и учреждений как раз в последнее время приняли такой оживленный характер. Причина и следствие здесь самым наглядным образом меняются своими местами. Наши завоевания за весь восстановительный период во всей широкой материальной базе, конечно, являются основой устойчивости той советской хозяйственной и общественной организации, которая и в нынешнем своем виде резко и выгодно может противоположить себя соответствующему фронту капиталистического окружения. Теперь наступает пора своеобразного обмена услуг: решительная организационная рекон-

струкция этой общей действующей советской установки в сторону дальнейшего использования ставки на огромный коллектив трудящихся может явиться, в свою очередь, громадным фактором для соответствующего сдвига в материальной производственной базе. Именно эта ставка обуславливает целый ряд положительных сдвигов в нашей государственной и хозяйственной работе. Здесь достаточно будет сослаться на интересное указание проф. М. И. Боголепова о центральной хозяйственной установке нашего бюджета в противоположность государственному бюджету царских времен, когда расходы на те же хозяйствственные нужды едва составляли 18% общих статей, а сальдо ежегодных вложений в промышленность за наиболее экономически прогрессивные предвоенные годы не превосходило скучной цифры в 80 миллионов довоенных рублей.

Однако эта апелляция к организационному моменту с несомненностью выявляет всю *относительную значимость наших цифровых иллюстраций*.

Едва ли можно оспаривать, что, с другой стороны, именно эта ставка на работу огромного трудового коллектива и громадные хозяйствственные концентры социалистического хозяйства лишь с величайшей относительностью может быть взвешиваема языком тех или иных конкретных цифр нашей пятилетки. Отсюда принудительная необходимость ссылок этой пятилетки на стратегию социальной инженерии, т. е. *апелляция не только к науке, но и к искусству*.

5. Для того чтобы материал нашей пятилетки не превратился в своего рода узаконенное кладбище цифр, нам необходимо подвергнуть его дальнейшей упрощающей, систематизирующей и рационализирующей проработке. Мы прежде всего должны отдавать себе ясный отчет в *относительном значении календарных годичных разделов* этой пятилетки. Если в основе ее лежит ряд предположений, относящихся к конкретным цифрам отдельных хозяйственных лет, то это лишь не более как вспомогательный иллюстрационный метод, тогда как по существу дела мы отнюдь не претендуем на жесткость этой календарной установки. При некоторых определенных конъюнктурных условиях и нашего и мирового хозяйства может случиться, что цикл хозяйственных событий, отмечаемых нашей пятилеткой, найдет свое завершение в какое-нибудь трехлетие, а при условиях обрат-

ного направления наша пятилетка сможет быть выполнена в 6 и более лет. Мы должны рассматривать эту пятилетку не как календарную программу, не как проектировку хозяйственных событий 1927/28, 1928/29 гг. и т. д., а как один из вариантов некоторого хозяйственного ряда, рассчитанный на наличность так называемой *средней хозяйственной конъюнктуры*. Мы знаем, однако, что при всяком научном наблюдении сложного явления, представляющего функцию от многочисленных переменных, средняя обобщающая кривая является лишь некоторым отвлечением от действительности, фактически отступающей зигзагообразно вверх и вниз от плавного течения идеальной кривой средних величин. Практическая применимость такой идеальной средней кривой поэтому всегда осложняется необходимостью учета целого ряда конъюнктурных моментов, и отсюда вся та относительность в применении пресловутого закона цепной связи хозяйственных факторов к практике действительного руководства хозяйством, которую нам неоднократно приходилось отмечать.

Рекомендуя нашу пятилетку как своеобразный *хозяйственный ряд*, мы сосредоточиваем наше внимание на возможностях *темпа* нашего хозяйственного развития, заранее зная, что наши искания в этом направлении будут совершенствоваться лишь ранее нами отмеченным методом последовательных вариантов приближений. Таким образом, проектом настоящей пятилетки мы лишь *открываем дискуссию по важнейшим хозяйственным вопросам*, и лишь в этом смысле должна трактоваться приложимость этой пятилетки и всего арсенала ее средств к действительной хозяйственной практике.

Наши предшествующие работы в области перспективного планирования наглядно нам показывают, какие трудности нас здесь ожидают. Рассматривая характер тех ошибок, которые мы сделали в области перспективных планов за восстановительный период нашего хозяйства, мы приходим к тому выводу, что в общем и целом эти планы страдали значительной *недооценкой* наших восстановительных возможностей. Внесение соответствующих корректировок создало в рядах плановых работников такое настроение, при котором в настоящее время, так сказать, задним числом, мы начинаем явным образом страдать от некоторой своеобразной *переоцен-*

ки того обстоятельства, что в настоящее время мы приближаемся к завершению восстановительного периода и что те пертурбации, которые в свое время вносили в нашу плановую компоновку эти недоучтенные возможности восстановительной фазы, будут резко ликвидированы с нашим вступлением в фазу реконструкции. Отсюда преувеличенный нажим в сторону снижения намечаемых темпов нашего дальнейшего хозяйственного развития. Я весьма опасаюсь, что период реконструкции чреват для нас новыми неожиданностями того же характера, какой нами обнаружен в наших недоучетах за восстановительную фазу. Не надо забывать, что эта восстановительная работа в различных областях нашего хозяйства ставит нас лицом к лицу с функционированием крайне несовершенного хозяйственного механизма, еще ждущего событий своего хозяйственного Октября. Элементарная рационализация наших основных хозяйственных ячеек может сопровождаться таким подъемом всего темпа нашего хозяйственного воспроизводства, правильная наметка которого в настоящее время является крайне затруднительной. Тем более что естественная осторожность скорее склоняет нас к недоучету этих реконструкционных возможностей, чем к переучету их. Учитывая эти обстоятельства, мы предлагаем при дальнейшей проработке пятилетки *сосредоточиться на проектировке новых двух хозяйственных рядов — минимального и максимального¹.* Эти ряды должны опираться на основной материал первоначального пятилетнего наброска, но *выделить из ее многочисленного организма основные хозяйственные показатели, численно по возможности ограниченные.* Наш Сектор мирового хозяйства предлагает, например, свои 15—16 основных показателей, и мы должны будем учесть и это предложение, а также и те ограничения, которые неизбежно будут лежать в основе конечных сводок нашей общей пятилетки. Правильное выделение этих основных показателей — труднейшая работа всего того хозяйственного анализа, который лежит в основе настоящего проекта. Здесь мы должны будем учесть и энергетический момент нашего хозяйственного строительства, и все те уз-

¹ Во избежание неправильного толкования мы подчеркиваем, что под «рядом» мы понимаем ряд в математическом смысле, т. е. ряд, увязанный внутренней законосообразностью. Такой ряд является демонстрацией системы цифр.

кие места нашей текущей хозяйственной практики, которые находят себе такое яркое отражение в предуказаниях наших правительственные и директивных органов. Жизненность нашей пятилетки целиком зависит от наших успехов в этом анализе¹.

Минимальный пятилетний хозяйственный ряд наглядно обрисует перед нами те хозяйственные грани, выход за пределы которых немедленно повлечет за собой то или иное функциональное расстройство нашего хозяйственного организма. Фактическое приближение к цифрам — показателям этого минимального ряда будет наглядным образом сигнализировать нам о предстоящих опасностях и предостерегать нас должным образом в нашем хозяйственном маневрировании. В этом свое громадное служебное значение этого минимального хозяйственного ряда.

Максимальный пятилетний хозяйственный ряд должен быть смело рассчитан на ряд благоприятствующих хозяйственных факторов. Здесь, между прочим, мы можем учесть и возможности заграничного кредита, и такой коэффициент подроста всей нашей организационной установки, такой подъем нашей суммарной советской культуры, которые естественным образом отброшены при учете средних возможностей. Эта проектная работа максимального хозяйственного пятилетнего плана имеет свои трудности: то напряжение, которое требуется для его осуществления, отнюдь не должно переходить в *перенапряжение*, могущее повлечь со своей стороны, болезненные явления в области хозяйства. Цифры — показатели этого максимального хозяйственного ряда будут служить нам полезным масштабом при оценке успехов нашего социалистического строительства.

Именно на эти два хозяйственных ряда мы будем опираться при составлении наших ежегодных контрольных цифр, ибо как раз эти ряды будут рядами *своегоразных контрольных цифр, проектируемых пятилеткой*. При такой постановке нашей плановой сетки работ составление контрольных цифр отнюдь не будет сводиться к простой переписке соответствующих показателей из проекта пятилетки, а будет требовать от нас того специфического анализа конкретной *конъюнктуры*,

¹ Превосходным почином в этом отношении являются обобщающие статьи С. Г. Струмилина.

который будет дальнейшим нормальным уточнением плановых предположений более общего характера, тем необходимым уточнением, которое предуказывается при переходе к хозяйственной практике. Каждому свое.

6. По мере углубления нашего хозяйственного поля работ множится и число тех фронтальных направлений, отступление по линии которых совпадало бы с нашим поражением. Мы начали с элементарной идеи о необходимости такого вооружения нашей рабочей силы, которая корреспондировала бы вооруженности труда капиталистических стран. В согласии с указаниями Ф. Энгельса и тов. Ленина мы в особенности выделили работы в области *электрификации*, позволяющие произвести это перевооружение труда с минимумом затрат и с максимумом хозяйственного и социального эффекта. Изучение послевоенного уклада хозяйства на Западе и учет обстоятельств нашего послевоенного кризиса привели нас к необходимости особо подчеркнуть то обстоятельство, что электрификация является и движущим и завершающим началом реконструкции *общей энергетики* страны, наиболее совершенным методом подъема *ее общей работоспособности*.

Изучение диспропорций нашего хозяйства вынуждает нас с особой настойчивостью поддерживать ставку на быстрейшую *индустриализацию* этого хозяйства, вне какой мы не видим возможности подъема и в общем энергетическом направлении.

Эта индустриализация не может совершаться у нас по обычному империалистическому методу, т. е. на основе экспроприации крестьянских масс и грабежа колониальных стран. Отсюда принудительная необходимость *планового хозяйственного строительства* и дружного союза между пролетариатом и крестьянством, советскими республиками и освобождающимися от империалистического насилия колониальными и полуколониальными странами.

Неизбежная непримиримость по отношению к нам всего капиталистического окружения вынуждает нас обратить сугубое внимание на организацию *нашего собственного внутреннего рынка* и на строительство такого хозяйственного комплекса, который обеспечивал бы нам и оборону, и дальнейший хозяйственный подъем «свою собственной рукой». Отсюда неизбежность *нажима и на тяжелую индустрию, и на производство*

средств производства как на центральный момент нашей общей трудо- и обороноспособности.

Уже первые опыты с налаживанием бесперебойного хозяйственного механизма показывают нам, какие трудности ожидают нас на этом пути в специфических условиях нашего полуизолированного от потребительского мирового рынка и рынка капиталов хозяйства.

Недочеты по линии сырьевого снабжения и от недоразвития транспорта дают себя чувствовать все с большей остротой. Однако наряду с этим уже начало наших работ в области энергетики явно обещает благополучное разрешение тех трудностей, которые во всем прошлом нашего хозяйства были связаны с нашим топливным бюджетом.

Сырьевая проблема вновь ставит нас лицом к лицу перед сложными и громадными вопросами рационализации всего типа нашего сельского хозяйства, его специфического районирования, а вопросы транспорта ставят перед нами ребром вопрос всего нашего товарооборота и межрайонных связей в их целом.

Изучение обращения хозяйственных ценностей и общей проблемы наших хозяйственных связей, проблемы экономической оценки всего механизма расширенного воспроизводства выдвинули перед нами острейшие вопросы нашей внутренней и внешней торговли, проблемы цен и валюты. И в этой области наряду с крупнейшими достижениями развертываются и новые трудности, и новые этапы наших хозяйственных работ и т. д., и т. п.

Уже первые попытки нашей Центральной комиссии по перспективным планам иллюстрировать, конкретизировать, детализировать и обобщить наши запросы по этим директивным направлениям, опираясь на материалы пятилетки, показывают нам, какое обширное практическое значение могут иметь соответствующие прикидки по вариантным рядам этой пятилетки. Подсчеты тов. Струмилина выдвигают целый ряд новых моментов для нашей хозяйственной дискуссии и дают богатую иллюстрацию по главенствующему вопросу дальнейшего укрепления смычки с крестьянством, дальнейшего разрешения вековых противоречий между городом и деревней. Они, между прочим, свидетельствуют, что намечаемый нашими директивными органами в ближайшие годы цикл крупнейших капитальных работ является для нас своего рода исторической необходимостью, обеспе-

чивающей наиболее целесообразное использование громадных ресурсов нашей живой силы. Они выдвигают перед нами целый ряд специфических трудностей фазы реконструкции нашего хозяйства, особенно концентрирующихся в ближайшее пятилетие.

Но там, где большие трудности, там же и величайшие достижения. Мы преодолеем эти трудности, ибо нас воодушевляет великая идея социалистического строительства, основоположником которого суждено быть нашему Союзу Социалистических Советских Республик.

Плановое хозяйство, 1927, № 3

**Станислав
Густавович
Струмилин
(1877—1974)**

С. Г. Струмилин (Струмилло-Петрашкевич) — видный советский экономист, статистик, историк, социолог, академик АН СССР (1931 г.). После Октябрьской революции — заведующий отделом статистики Петроградского областного комиссариата труда, затем заведующий отделом статистики Наркомата труда и ВЦСПС. С 1921 г. Струмилин работает в Госплане СССР, занимая различные ответственные посты (заместитель председателя, член президиума, член совета научно-технической экспертизы и др.). Одновременно он ведет большую научную работу. Его перу принадлежит более 700 трудов по экономике, статистике, управлению производством, политической экономике, социологии, философии и, конечно же, планированию народного хозяйства¹. Бесчисленное множество книг, статей, очерков, воспоминаний написано об С. Г. Струмилине. Защищены диссертации, посвященные анализу и оценке его взглядов. Имя этого ученого и государственного деятеля неотделимо от истории русской и советской планово-экономической науки, которой он служил семь десятилетий из отмеренных ему счастливой судьбой 97 лет жизни.

Вклад патриарха отечественной экономической мысли в дело строительства социализма велик — таков лейтмотив исследований, по существу, всех «струмилиноведов», такова общая, итоговая оценка его деятельности, доминирующая в 70—80-х гг. Вместе с тем, не оспаривая научных заслуг Струмилина, не подвергая даже малейшему

¹ В 1963—1965 гг. были изданы избранные произведения С. Г. Струмилина в пяти томах, куда вошло большинство опубликованных к тому времени трудов ученого.

сомнению его яркий, самобытный талант экономиста, не покушаясь на заслуженный им благодаря сделанным научным открытиям авторитет, отметим недостаточность, односторонность сложившихся представлений о старейшине нашей экономической теории, отражающих лишь половину правды. Другая же половина заключается в том, что он был неразрывно связан с административной системой планового управления, сложившейся в 30-х гг., являлся ее виднейшим теоретиком и практиком. Принадлежа, так же как и Г. М. Кржижановский, к телеологическому направлению в экономической теории, Струмилин отличался значительно большей непримиримостью к сторонникам генетической школы, занимая диаметрально противоположные позиции. Возможно, что секрет долголетия Струмилина кроется не только в его прекрасных природных данных, но и в его видении путей развития социализма, всегда находившемся в полном соответствии со взглядами верховых руководителей страны. Сегодня, представляется, существует необходимость выработать современный подход к оценке воззрений советского экономиста, едва ли не самого крупного составителя первых пятилетних планов.

В предлагаемой читателю теоретической статье Струмилина «К теории планирования»¹ он высказывает свои соображения о том, каким быть плану. Разумеется, для близкого знакомства со взглядами Струмилина одной статьи явно недостаточно, поэтому, комментируя его теоретическую платформу, мы будем прибегать и к другим работам ученого. Вместе с тем подчеркнем, что вошедшая в книгу статья вполне представительна и достаточно полно выявляет теоретические воззрения академика.

Итак, послушаем Струмилина. По вопросу об объективной необходимости планового ведения хозяйства он высказывает положения, весьма сходные с тезисами Г. М. Кржижановского. В статье «К теории планирования» Струмилин справедливо указывает на такую имманентную черту хозяйствования, как *предусмотрение*. Забота о будущем свойственна даже некоторым животным. Классические примеры в этом отношении — муравьи, пчелы. Однако проявляемая этими животными хозяйствская предусмотрительность детерминирована всего лишь генетически унаследованными навыками. Но навыки эти, пусть даже самые искусные, порождены врожденными инстинктами, они не являются сознательными усилиями по осуществлению какой-то заранее продуманной программы действий, т. е. плана. И только хозяйствование людей выражается в определении программы действий, ведущей в данной конкретной обстановке к намеченной цели с наименьшими затратами времени и усилий.

¹ См. настоящее издание, с. 54.

Рассмотрение проблемы плана под таким углом зрения позволяет признать плановым и индивидуальное хозяйство капиталистического предприятия. Каждый предприниматель строит свое хозяйство по тщательно продуманному плану, с учетом всей совокупности конкретных обстоятельств. Однако этот вывод, справедливый в отношении отдельного предприятия, не может быть распространен на хозяйственный уровень капиталистического общества в целом, основанного на принципах конкуренции и рыночной борьбы. На этом уровне происходит столкновение интересов отдельных предпринимателей с интересами всего остального общества, и всякий крупный успех одних есть одновременно столь же крупное поражение других. В результате — хозяйственный хаос, хроническая трагедия расточительства производительных сил и т. п.

Главный, органический порок капиталистической экономики, таким образом, Струмилин усматривает в отсутствии *единого хозяйственного плана*, а ведь только он, по глубокому убеждению ученого, отвечает объективным потребностям дальнейшего прогресса производства, развивающегося в условиях углубляющегося общественного разделения труда. В связи с этим Струмилин гораздо пессимистичнее Кржижановского расценивает шансы капиталистического хозяйства, полагая, что отсутствие такого единого плана, сама принципиальная невозможность его осуществления лишают это хозяйство динамизма, обрекают на быстрое поражение в борьбе с грядущим социализмом и коммунизмом.

Октябрь создал первую, необходимейшую предпосылку, позволяющую воплотить в жизнь идею единого народнохозяйственного плана. Но это пока только политическая предпосылка. Для успешной реализации идеи необходимы также экономические и культурные предпосылки. Свергнув политическое господство буржуазии, следует далее изжить ее экономические влияния и культурное наследие. Сегодня мы понимаем исторически предопределенную «легковесность» этих рассуждений ученого. А ведь в них заключалась теоретическая разработка основных направлений развития общественно-хозяйственной жизни страны. Так, по мнению Струмилина, к числу экономических предпосылок установления «законченного планового хозяйства», «законченного социализма» относится полная ликвидация влияния на наше хозяйство «рыночной стихии» (пока оно, это влияние, с глухим раздражением констатирует Струмилин, только ограничивается плановым вмешательством Советской власти). Нетерпимо в этой связи и дальнейшее сохранение «единоличных хозяйств мелкой индивидуалистической буржуазии». Необходимо также изжить «наследие буржуазной культуры», которая, оказывается, по Струмилину, «виновата» в том, что «так часто превращает общественных деятелей в бездушных бюрократов, заслуженных инженеров — в злостных вре-

дителей, доверенных кооператоров — в воров и растратчиков...»¹. Мы уже знаем, как чуть позже «изжили» это «буржуазное наследие» Сталин и его окружение. Под девизом борьбы с «буржуазной культурой» были уничтожены лучшие представители культуры, науки, искусства, и очень грустно, что Струмилин внес свой «вклад» в эту «борьбу», увязав указанные в цитате действительные и надуманные факты не с пороками крепнущей административной системы, а с «буржуазным наследием культуры».

Однако вернемся к рассуждениям Струмилина о плане. План — гигантское, «врожденное» преимущество социализма, но при этом автор правильно подчеркивал, что какими-либо готовыми рецептами разработки планов мы не располагаем. Дело это исключительно сложное и новое, «такой готовой плановой науки, которую мы могли бы откуда-нибудь позаимствовать с какой-нибудь кафедры одного из наших вузов или даже, пожалуй, и из мировой практики, таковой науки еще нет. Нам приходится создавать, в сущности, совершенно новые методы, новые области знания, причем мы учимся, как говорится, на собственных ошибках»².

Действительно, создавать плановую науку приходилось в труденейшей хозяйственной обстановке, неумолимо требовавшей первоочередного сосредоточения усилий на решении практических вопросов. Вспоминая впоследствии об этом периоде, Струмилин отмечал, что повседневная практическая работа мешала поднять на должную высоту теорию планирования. И все же, несмотря на свою чрезвычайную загруженность, он много и плодотворно работал в области методологии, хорошо понимая, что без надежного методологического арсенала невозможно и успешное решение практических задач. Струмилин — неизменный и активный участник, по существу, всех крупных дискуссий о перспективном плане, проводившихся в стенах Госплана СССР, Коммунистической академии, ВСНХ СССР.

Центральными вопросами этих дискуссий были, как уже отмечалось, вопросы о характере и содержании плана, его целях и задачах. Позиция Струмилина по всему кругу обсуждаемых проблем достаточно полно представлена в его опубликованных избранных произведениях. Обратимся, например, к статье «К перспективной пятилетке Госплана на 1926/27—1930/31 гг.». В ней, излагая госплановский проект первого пятилетнего плана, подвергшийся в ходе широкого обсуждения определенным корректировкам, Струмилин сформулировал ряд интересных, но во многом спорных методологических положений. В частности, им обосновывается утверждение, в соответствии с которым планы неизбежно содержат в себе, с одной стороны, элементы

¹ См. настоящее издание, с. 62.

² О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР: Дискуссия в Коммунистической академии. Изд. 2-е. М., 1928, с. 26.

предвидения, с другой — элементы проектировки заданий или директив. Убеждая в том, что план есть единство этих двух начал, автор сравнивает плановое строительство («социальная инженерия») со строительным искусством. Ведь многие задачи строительного искусства теоретически неразрешимы, но практически они вполне выполнимы с достаточным для жизни приближением. При этом, как правило, существует не один, а несколько вариантов решений. Такая поливариантность обусловлена различными творческими способностями инженеров, проектирующих тот или иной объект. Всегда может прийти другой инженер и дать новый проект, еще более эффективно разрешающий ту же задачу. Нечто подобное имеет место и в социальной инженерии, т. е. в плановом строительстве «новых социальных конструкций».

Итак, плановая работа есть одновременно и наука, призванная глубоко изучать объективную реальную обстановку, множество скрывающихся сил и влияний, законы их взаимодействия, и искусство, уровень которого во многом определяется субъективным фактором. Этот методологический подход представляется правильным и должен быть отнесен в актив Струмилина. Действительно, планирование, как и управление в целом, является сплавом науки и искусства, научного предвидения (прогноза) и волевого задания (директивы). Но каково соотношение этих двух начал? При ответе на этот вопрос между экономистами и развернулась острые полемика. Содержание анализируемой статьи свидетельствует о том, что в представлении Струмилина приоритет принадлежит именно плановому искусству. Как подчеркивал будущий патриарх советской экономической науки, наши планы строятся не для более или менее беспочвенных гаданий и захарских предсказаний о том, что будет через пять или десять лет, а прежде всего для создания определенной *системы хозяйственных заданий* в области социалистического строительства.

Здесь Струмилин совершенно ясно дает понять, что он — твердый сторонник телеологического направления. Он не приемлет трактовку плана, напоминающего средневековый гороскоп, предсказывающий грядущие судьбы. Эту свою позицию ученый подтверждает и в статье «К теории планирования». Характер плана, по его мнению, всегда зависит от социального положения «зодчего», его классовых устремлений. «У одного проектировщика его плановая постройка вырисовывается, скажем, в стиле индустриализации, а у другого — в стиле аграризации. На одной и той же хозяйственной базе можно запроектировать план и в стиле Сталина и Бухарина, и в стиле Сокольникова и Шанина, а то и в стиле Кондратьева и Макарова, причем диапазон «нюансов» в построении этих планов, несомненно, получился бы поразительный»¹.

¹ См. настоящее издание, с. 65.

Сформулированная позиция, согласно которой план есть прежде всего система императивных указаний, варьируемая в зависимости от классовых привязанностей «архитекторов» этого плана, вызвала понятные возражения. В частности, на первую струмилинскую статью последовал мгновенный отклик Н. Д. Кондратьева в виде статьи «Критические заметки о плане развития народного хозяйства», которая опубликована в настоящей книге¹. Анализируя трактовку Струмилина, критик высказал довольно обоснованное опасение, вызванное такой расстановкой приоритетов. От нее, как замечает Н. Д. Кондратьев в своей статье, остается уже только один, и при том небольшой, шаг к построению совершенно произвольных плановых конструкций. Этому замечанию трудно возразить. Действительно, абсолютизация волевого начала в плане и принижение роли научного анализа, выявляющего объективные возможности общества, чреваты, как показали дальнейшие события, далеко не эфемерной опасностью субъективизации экономики, вырождения ее в административно-командную систему хозяйства.

Если читатель внимательно ознакомится со статьей Кондратьева, он, несомненно, обратит внимание на меткие замечания автора, его логически трудно опровергимые доводы, излагаемые в спокойном, выдержанном тоне, в предельно корректной форме. И когда сегодня раздаются призывы учиться полемическому искусству, искусству ведения научных споров, невольно вспоминается Н. Д. Кондратьев, в том числе и эта его статья, может быть эталонная в данном отношении.

Но если читатель по прочтении статьи Кондратьева решит, что Струмилин оказался «припертый к стене» неумолимой логикой критика, то он совершил серьезную ошибку. Реакция Струмилина была стремительной. В двух номерах журнала «Плановое хозяйство» за 1927 г. он публикует огромную статью с весьма выразительным называнием «Индустриализация СССР и эпигоны народничества»². Отстаивая свою концепцию, Струмилин проявил недюжинную изобретательность в отражении, казалось бы, неотразимых атак.

Констатируя противостояние двух примерно равных по своим силам ученых, необходимо вместе с тем заметить, что ответ прославленного «патриарха» нельзя при всем желании признать образцом корректности. Увы, написанная в состоянии «праведного гнева» (как это Кондратьев осмелился подвергнуть сомнению проектировку самого Госплана?), статья изобилует бранными выражениями, политическими ярлыками. Такие из них, как «эпигон народничества», «кондратьевщина» и другие, стали вскоре своеобразным жупелом, частень-

¹ См. настоящее издание, с. 95.

² См.: Плановое хозяйство, 1927, № 7 и 8.

ко выставляемым в самых различных дискуссиях. Это печальное обстоятельство должно быть отмечено уже хотя бы потому, что оно само по себе означало некий рубеж, начало сползания экономической науки в некую «мертвую зону», где нет места поискам истины, где любое несогласие с авторитарным мнением объявляется «изменой революции», «вражескими происками», «предательством высоких идеалов социализма» со всеми теперь хорошо известными трагическими последствиями. Честные полемические поединки все более вытеснялись массовой травлей, организуемой на страницах печати, «дискуссиями», в которых преобладали клеветнические наветы, ультрапреволюционное фразерство, истерические заклинания и кровожадный экстремизм. Примером такой «научной полемики» могут служить многие статьи, опубликованные в 1930 г. в журнале «Большевик».

К сожалению, такой действительно талантливый экономист, как Струмилин, не оказался на должной нравственной высоте в этом творческом состязании. Мастерски владея словом, он тем не менее не любил дискуссий. Так, споря по экономическим проблемам с Г. Я. Сокольниковым (наркомом финансов), он апеллирует к материалам XIV съезда партии. С непривычным чувством удовлетворения Струмилин восклицает: «Это решение (решение съезда.—Авт.), надо надеяться, ликвидирует всякие дискуссии. Оно дает нам основание и впредь строить свое хозяйство по Госплану... И на этом мы можем поставить точку»¹. Здесь, пожалуй, наиболее полно выражено «дискуссионное кредо» Струмилина — не искать истину, внимательно прислушиваясь к иным мнениям, а, поскорее их ликвидировав, «поставить точку». Да и зачем прислушиваться, если ему уже известна установка на то, что они ошибочны. Скажем, упрекнул известный экономист В. Е. Мотылев Струмилина в недостаточности качественного анализа пятилетней проработки Госплана и тут же получил отповедь на страницах печати. Оказывается, «качественный экономический анализ... дан составителям пятилетки, поскольку они учились у Маркса и Ленина, уже в готовом виде (курсив наш.—Авт.) — во всех тех теоретических исследованиях и директивных документах, которыми располагает наша партия»². Ну а чего стоит, говоря словами самого Струмилина, противник, проявивший столь «удивительное непонимание» роли решений верховного партийного органа? Это же совершенно конченный человек. С таким оппонентом спорить уже нетрудно.

Аналогичные «методы доказательств» Струмилин применяет довольно часто. Например, в дискуссии с Г. Я. Сокольниковым, опа-

¹ Струмилин С. Г. На плановом фронте.— Плановое хозяйство, 1926, № 1, с. 39.

² Струмилин С. Г. К дискуссии о пятилетке Госплана (Ответ тов. Мотылеву).— Большевик, 1928, № 13-14, с. 110.

савшимся за судьбу сельского хозяйства, Струмилин никакой почвы для такого «пессимизма» не видит. Он обещает скорый «расцвет нашей советской деревни», который будет обеспечен индустриализацией, что же касается «аграрного уклона» Сокольникова, то он «как нельзя больше соответствует... глубоко меткой характеристике Т. Сталина»¹. Вот какого авторитетного союзника избрал себе Струмилин.

Вулканическая эмоциональность Струмилина нередко опережала в нем спокойного, вдумчивого исследователя. Истовая борьба за утверждение концепции примата директивного волензъявления над научным началом — достаточно убедительное тому свидетельство. Особенно показательно в этой связи его выступление в Коммунистической академии. С гранитной убежденностью Струмилин объявил целевую установку, которая дается нам «нашим классовым положением в международном масштабе и внутри страны... организующим, главенствующим принципом, по отношению к которому наука, несмотря на высокое звание этой особы, и все остальные вспомогательные средства являются только служанками (курсив наш. — Авт.)»². Таким образом, отправляясь от верной, им же сформулированной методологической посылки о плане как синтезе науки и искусства, Струмилин затем впадает в крайность и договаривается до редкостного по откровенности утверждения, определившего существо административно-командной системы.

Нельзя сказать, чтобы тезис Струмилина о науке как о «служанке» партийных установок встретил дружный отпор участников дискуссии. Но один из участников все же подверг этот тезис глубокому критическому разбору. Им оказался В. А. Базаров — крупный русский и советский экономист, философ, публицист. Его выступление на дискуссии в Коммунистической академии — слово честного и мужественного человека. С тревогой отмечая наметившуюся тенденцию к постепенному забвению учения К. Маркса и Ф. Энгельса, указывая на то, что великие классики с гордостью применяли к своему учению характеристику «научный», Базаров резонно спрашивает: «Могло ли бы это быть, если бы они рассматривали науку как «служанку» социалистических директивных установок... Тезис, что наука есть служанка некоторых высших непререкаемых директив, ведет свое начало не от основателей научного социализма. Он имеет гораздо более древнее происхождение. Он зародился в средние века и был краеугольным камнем церковно-христианской теории познания в эпоху феодализма. Вся «теоэология» того времени имела своим источником рели-

¹ Струмилин С. Г. На плановом фронте.— Плановое хозяйство, 1926, № 1, с. 38.

² О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР: Дискуссия в Коммунистической академии, с. 39.

гиозную догматику — теологию. Наука же была служанкой теологии¹. В условиях социализма, продолжает Базаров, наука должна быть свободной и независимой, находясь в то же время в полной гармонии с волевыми установками и директивами руководящих органов. Попытка же «приклеть» к марксизму рабью «церковно-христианскую гносеологию» является, по справедливому мнению Базарова, реакционной, причем не только теоретически, но и практически, ибо «в науке нельзя создавать ничего путного, сознательно руководясь положением, что наука есть чья-то служанка. Можно сказать с полной уверенностью, что ученый, поставивший перед собой такую гносеологическую максиму, пороху не выдумает и большой пользы тем директивам, о которых он так заботится, не принесет»².

Можно, конечно, видеть, что, гневно отвергая неудачный тезис Струмилина, Базаров рискует власть в противоположную крайность, освобождая науку вообще от принципа классовости, ратуя за некую чистую науку. Но не менее, если не более, опасна концепция «служанки». В полной мере отвечая духовному миру Сталина и его сподвижников, эта концепция в конечном счете обрекла общественную науку на бесплодие, превратила ее в простого комментатора партийно-правительственных решений, создала необходимую питательную среду для появления в сфере науки многочисленных добровольцев, которые в порыве бьющей через край благонамеренности спешат взять на себя обязанности защиты господствующего учения всякий раз, когда, по их мнению, ему что-нибудь угрожает.

Более других грядущему «господствующему учению», т. е. телологической концепции плана Струмилина и его единомышленников, угрожали научные воззрения Н. Д. Кондратьева. Но ему, как писал Струмилин, не удастся «кастрировать плановую волю пролетариата в нашей стране», волю, которая, по горячему убеждению автора, способна преодолеть любые объективные препятствия. Иной подход, имеющий в основе «пассивное» научное предвидение, а не «активное», преобразующее мир предуказание, является, по выражению Струмилина, «преступным капитулянием».

Так формировалась вера в чудодейственную силу плана, инструкций, директив, в магические возможности административной системы, умеющей «сказку сделать былью», претворяющей в жизнь любое желание — стоит лишь захотеть. И эта средневековая религиозная вера в безграничные потенции административной системы оказалась весьма живучей. Не она ли питала уже в наше время замыслы поворота рек и многие другие «проекты века»?

Миф о беспредельной силе директивных методов централизован-

¹ О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР: Дискуссия в Коммунистической академии, с. 77—78.

² Там же, с. 79.

ного планового руководства сегодня все решительнее развеивается, но процесс этот протекает мучительно трудно, ибо наталкивается на многочисленные административные препятствия, всевозможные подводные камни и рифы. Тем важнее ознакомление с материалами дискуссий экономистов далеких 20-х гг. Именно в эти годы большинство из них кирпичик за кирпичиком складывали здание административной плановой системы хозяйства, твердой рукой отвергая нестандартные мнения других.

Было бы неверно думать, что телеологический подход, элемент предуказания, волеизъявления вообще не должны иметь места в планировании. Повторяю, Струмилин заблуждался не тогда, когда он провозгласил необходимость целевых установок, и даже не тогда, когда аргументировал их чрезвычайную важность. Ошибка произошла тогда, когда телеологический подход заслонил или, лучше сказать, оттеснил научное начало, необходимость предвидения объективного хода развития народного хозяйства, т. е. когда целеполагание и директивность были возведены в абсолют. Ясно, что не может быть плана без цели. Бесцельный план — это нонсенс. Поэтому игнорирование телеологического начала вообще чревато своеобразным экономическим детерминизмом, в соответствии с которым существует лишь один путь хозяйственного развития, заранее предрешенный объективными тенденциями и закономерностями, и задача заключается в том, чтобы его «открыть». Это — неоправданное упрощение, которое справедливо высмеивал Струмилин. Такое понимание, кстати говоря, делает само планирование достаточно иррациональной задачей и уж во всяком случае лишает его преобразующей, творческой силы. Но в пылком опровержении таких представлений Струмилин зашел слишком далеко и «перегнул палку» в противоположном направлении. Теперь получалось, что заниматься нужно не предсказанием погоды, а директивными предуказаниями того, какой ей быть.

Тем не менее академик Струмилин внес большой вклад в разработку методов построения планов. Он был убежден, что в основе этого построения должно лежать обеспечение пропорциональности развития важнейших отраслей народного хозяйства, сбалансированности, согласованности ресурсов с потребностями. Именно Струмилин был одним из пионеров балансового метода. В первые же дни работы Госплана им была поставлена задача подготовки ежегодных проектов общего перспективного баланса народного хозяйства по плановому использованию и распределению труда в пределах республики на предстоящий год. Идеи Струмилина нашли свое воплощение уже в продовольственном плане на 1921/22 гг. в виде хлебоуражженого баланса. Дальнейшее развитие балансовый метод получил в проекте первой схемы отчетного народнохозяйственного баланса, разработанном в Госплане по его инициативе. В феврале 1923 г. Струмилин вы-

ступал с докладом о схеме баланса народного хозяйства, в которой были выделены три большие группы: а) все виды частного хозяйства; б) государственное хозяйство; в) здравоохранение, народное просвещение, вооруженные силы и др.¹

Накапливаемый опыт балансового планирования широко использовался при разработке годовых контрольных цифр. Он был применен и при подготовке первого пятилетнего плана для увязки его разделов и показателей. В процессе разработки пятилетнего плана была выработана система таблиц баланса народного хозяйства, охватывавшая расчеты по отправному и оптимальному вариантам плана: объем и структура национального дохода; соотношение фондов потребления и накопления; баланс производства и распределения национального дохода по социальным секторам и классам; план финансирования народного хозяйства СССР (финансовый баланс); расчетный баланс взаимоотношений государства с деревней; расчеты народного богатства СССР. Эта система таблиц сохранила свое значение при разработке последующих пятилетних планов.

Вокруг балансового метода планирования также развернулась напряженная полемика телеологов с экономистами-генетиками, отстаивавшими приоритетное значение методов экстраполяции и экспертных оценок в плановой работе. Струмилин весьма скептически относился к этим методам, считая их второстепенными в сравнении с балансовым планированием. Он резко выступал против автоматической экстраполяции коэффициентов, не учитывающей специфики новых условий. Что же касается экспертных оценок, то этот метод, по мнению Струмилина, мог быть использован с большой осмотрительностью, ибо «в области плановой работы «экспертные» оценки, к сожалению, еще слишком часто не имеют под собой никакого научного фундамента»².

Большое значение Струмилин придавал и методу последовательных вариантов приближений, считая его центральным в ряду других методологических идей планирования. Однако наиболее ценным с современных позиций является тезис Струмилина о необходимости системного подхода к использованию всех методов планирования с учетом их сильных и слабых сторон. По его мнению, метод ведущего звена должен обязательно применяться в органическом единстве с балансовым методом и методом вариантов приближений, иначе неизбежны диспропорции в экономическом развитии. Выделение, например, крупной промышленности в качестве ведущего звена в государственном плане должно сочетаться с балансовой проверкой пря-

¹ См.: Струмилин С. Г. Экономико-статистическая секция: Схема народнохозяйственного баланса.— Бюллетень Госплана, 1923, вып. 3-4, с. 73—74.

² Струмилин С. Г. На плановом фронте. М., 1958, с. 373.

мых и обратных связей промышленности с сельским хозяйством и транспортом в целях предупреждения перебоев в их взаимном обмене продукцией и услугами.

Такая проверка потребует внесения соответствующих корректировок в проекты планов и, следовательно, должна проводиться много-кратно методом последовательных вариантов приближений. Следуя в проектировках плана от ведущего звена — промышленности — по всей цепочке плановых элементов, необходимо, как отмечал Струмилин, добиваться оптимального соответствия между производством, потреблением и накоплением во всех отраслях хозяйства. Этот путь является неизбежным, когда в процессе составления народнохозяйственного плана приходится идти от частного к общему и от общего к частному. Таким образом, Струмилин одним из первых обосновал положение о комплексном, синтетическом подходе к планированию народного хозяйства.

Вместе с тем в решении проблемы методов планирования Струмилину не удалось избежать, на наш взгляд, ошибок, органически вытекающих из его представлений о примате телеологии над генетикой. В частности, трактуя план как систему хозяйственных задач, он понимал их прежде всего как количественные, цифровые параметры, детально расписывающие каждое хозяйственное движение. Так, при обсуждении проекта первой пятилетки на дискуссии в Коммунистической академии Струмилин проявил прямо-таки гипнотическую приверженность к конкретным числовым характеристикам, к цифрам. По его настоянию в перспективном плане нашлось место и расчету числа телеграмм, которые будут посланы в 1931 г., и среднего числа слов в них, и сумме ассигнований на ремонт почтовых сумок и т. д. Базаров объяснял эту привязанность Струмилина гипертрофированными профессиональными навыками: «Станислав Густавович является одним из самых видных и продуктивных наших научных работников в области конкретной экономики и статистики... А статистику всякая вещь кажется «неосознанной», туманной и неотчетливой, раз она не получила цифрового выражения. И как в глазах сапожника производство обуви есть занятие наиболее достойное человека, так в глазах статистика — сущность мира есть цифра»¹. Нельзя не отметить, что подобное «цифропоклонство» передавалось из поколения в поколение плановых работников, вот уже более шести десятилетий движимых единым дружным стремлением уложить экономику в прокрустово ложе количественных показателей. Постоянно нараставшая цифровая эскалация, регламентированная сверх всяких мыслимых пределов экономическую жизнь страны, неумолимо вела к возникно-

¹ О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР: Дискуссия в Коммунистической академии, с. 77, 82.

вению многих уродливых явлений, и среди них такого, как коррупция. «При чем здесь цифры?» — спросит читатель. А между тем связь самая непосредственная.

Многочисленные позиции планов, спускаемых предприятиям, становились предметом «торга», спекулятивных сделок. Представителям нижних ярусов огромной административно-управленческой иерархии часто приходится просить «подкорректировать» план, верхние же инстанции нередко «в порядке исключения» соглашаются это сделать. Естественно, за определенное вознаграждение. Иными словами, «классическая» административно-плановая система под давлением цифровой экспансии рано или поздно должна была перерости в коррумпированно-бюрократическую систему, функционирующую чаще на исключениях, нежели на хозяйственных нормах и правилах.

Для характеристики взглядов Струмилина исключительно важен анализ его отношения к рынку, товарно-денежным формам и основанным на них экономическим методам управления. Надо сказать, что представления Струмилина по данному вопросу находятся в четком логическом соответствии с положениями телеологической концепции, с трактовкой плана-директивы и науки-«служанки».

Товарно-денежные отношения, по мнению Струмилина, представляют собой несоциалистические элементы хозяйства, они — наследие прошлого и уже потому есть зло. Без них, правда, на данном этапе строительства социализма не обойтись, но они будут решительно, энергично преодолены, ибо полный, «законченный» социализм несовместим с подобнымиrudimentами. Увы, в таком понимании вопроса Струмилин был не одинок. «Похоронная» трактовка стоимостных категорий разделялась подавляющим большинством советских экономистов (разумеется, всеми без исключения телеологами и даже некоторыми генетиками). Особенно бурно эти антитоварные настроения прогрессировали после смерти В. И. Ленина. Уже с середины 20-х гг. Stalin и его окружение предприняли наступление на новую экономическую политику, на ленинскую демократическую систему хозяйствования. И это рассматривалось как движение к «законченному» социализму! «При законченном построении социализма,— пояснял Струмилин,— у нас уже не будет рыночного распределения общественной продукции. И потому вопрос о «ценах» вообще потеряет всякий смысл и актуальное содержание»¹. Как просто. Но отнюдь не безобидно для нашей экономики. Тотальная централизация руководства, основанная на диктате государственной формы собственности на средства производства, объявление рынка «персоной non grata» спровоцировали непреодолимый для административной системы со-

¹ Струмилин С. Г. Процессы ценообразования в СССР.— Плановое хозяйство, 1928, № 5, с. 46.

блазн организовать всю хозяйственную жизнь огромной страны по единому плановому графику, на манер железнодорожного расписания.

Конечно, предположения и наметки Струмилина не заходили столь далеко. Так, защищая контрольные цифры Госплана на 1925/26 гг., он предостерегал от опасности впасть в крайности плановой централизации: «Легко себе представить, что за архибюрократическое произведение получилось бы, если бы Госплан СССР, сидя у себя в Москве, на Воздвиженке, взял на себя роль всесоюзной няньки или какого-то попечительского провидения по отношению к каждому захолустному тресту, до которого в три года не доскачешь»¹. Золотые слова, однако телеологическая концепция плана и «похоронная» трактовка рынка слабо увязывались с мудрыми предостережениями. Призыва к осторожности в практическом плановом охвате народного хозяйства, Струмилин своей теоретической позицией объективно приближал то время, когда плановый джинн будет выпущен из бутылки. Действительно, как преодолеть несоциалистические элементы, т. е. товарно-денежные отношения, это пока неизбежное зло? Единственное орудие избавления, по Струмилину, директивный план. Достаточно ясно эта мысль была им сформулирована в дискуссии с Г. Я. Сокольниковым, предлагавшим «приспособливать план к рыночной обстановке». Сокольников позволил себе «осквернить» святая святых — сам народнохозяйственный план. Разве это не кощунственно, разве это не «богохульство»? И Струмилин грудью защищает свое детище. «Нет,— говорит он,— не приспособляться к ней, а сознательно приспособлять ее самое к нашим плановым устремлениям— вот единственно надежный путь к наиболее безболезненному и бескризисному развертыванию нашего социалистического хозяйства»². Что ж, сегодня мы уже хорошо знаем, что получилось из указания «сознательно приспособлять рыночную обстановку», каких усилий требует перестройка предначертанного Струмилиным «единственно надежного пути».

Но особенно рьяно свою концепцию диктатуры плана Струмилин отстаивает в полемике с Кондратьевым. «Патриарху» просто смешны доводы Кондратьева, ратующего за постоянный учет конъюнктурных колебаний, кредитных ставок, рыночных цен, равновесия валютных курсов, за динамический план, предполагающий преимущественное использование тех самых экономических методов, которые «исторически обречены». Для Струмилина вообще не существует такого вопроса — о соотношении плана и рынка. Он не подвергает ни малейшему сомнению непреложное для него обстоятельство, что планово-дирек-

¹ Струмилин С. Г. На плановом фронте, с. 199—200.

² Там же, с. 35.

тивные, административные методы воздействия на экономику должны будут вытеснить экономические рычаги и стимулы, весь рыночный инструментарий регулирования. Поэтому не может идти речи не только о преимущественном использовании экономических методов, но даже об их паритете с методами планово-административными. Нельзя же, в самом деле, уподобляться человеку, мучительно размышлявшему о том, что к чему пришивается, пуговица к пальто или пальто к пуговице, и пришедшему в итоге к выводу об их... равноправии.

Струмилин в этих вопросах менее всего напоминает человека, раздиаемого сомнениями. Если Кондратьев усматривает в рыночном механизме достаточно действенный регулятор производства, поддерживающий пропорциональность, сбалансированность экономики, хозяйственное равновесие ее различных частей, то Струмилин видит в нем постоянный источник всех бед. Столь диаметральные расхождения во взглядах ученых наглядно просматриваются в объяснении ими причин хозяйственных успехов и затруднений за предшествующие годы нэпа. Стремительный скачок нашего хозяйства в первые годы нэпа Кондратьев связывал с вводом в действие именно экономических методов управления, с активизацией товарно-денежных отношений, а Струмилин объяснял этот подъем созданием Госплана и проводимым им плановым регулированием хозяйства. Что касается хозяйственных трудностей, то они, по мнению Кондратьева, есть рождение излишней планово-централизованной регламентации деятельности предприятий, трестов, объединений; по мнению же Струмилина, они связаны с недостаточным плановым вмешательством, с недостаточным развитием системы планового регулирования народного хозяйства и отсутствием плановой дисциплины в стране.

Так концепция Струмилина определила официальный «единственно верный путь» дальнейшего социалистического строительства — путь перманентного наращивания централизованного планового начала. Такое понимание перспективных тенденций социалистического хозяйствования на долгие десятилетия стало господствующим, спределив сугубо административный характер управления экономикой. Порождаемые административной системой в массовом порядке негативные хозяйствственные явления, хронический дефицит то одних, то других продуктов, бесхозяйственность всегда интерпретировались сторонниками струмилинской концепции как следствие «неполной планомерности», «недостаточного планового охвата» и т. п. Поэтому планы, будто снежный ком, обрастали новыми дополнительными позициями. Казалось, еще немного — и жар-птица управления всем народным хозяйством как одним предприятием будет поймана. Но число показателей возрастило, а количество хозяйственных затруднений и недостатков отнюдь не убывало, более того, они множились.

К счастью, понимание тупиковости подобного пути к нам все же пришло. Может быть, поздновато, но ведь лучше поздно, чем никогда. Сегодня мы избавляемся от многих стереотипов и штампов, возникших во второй половине 20-х гг., но, признаемся, дается это нелегко. Концепция постоянного усиления централизованного планового начала и чисто символического признания важности экономических методов, базирующихся на рыночных связях,— эта телеологическая концепция стала как бы генетическим элементом экономического мышления всех последующих поколений. Радикальная экономическая реформа предполагает решительный сдвиг в наших теоретических представлениях, революционную перестройку не только хозяйственного бытия, но и хозяйственного сознания.

Все вышеприведенное позволяет утверждать, что сложившаяся во-сторженная оценка взглядов С. Г. Струмилина нуждается в известных коррективах. Подчеркнем еще раз, Струмилин — крупнейший советский экономист, внесший большой вклад в разработку перспективных народнохозяйственных планов, обогативший рядом выводов экономическую науку. Вместе с тем нельзя закрывать глаза и на то обстоятельство, что он был виднейшим теоретиком административно-плановой системы хозяйствования и верным рыцарем этой системы, отстоявшим ее честь от посягательств различных «пораженцев» и «уклонистов».

И Г. М. Кржижановский, и С. Г. Струмилин — политические победители. До последнего времени ход и итоги дискуссий 20-х гг. мы видели их глазами, побежденных ими оппонентов оценивали их оценками. Сохранили и воспроизводили их видение социалистического плана, считая его единственным, подлинно социалистическим видением и отвергая любые отличные от него взгляды. Но перестройка потребовала критического переосмысливания наших теоретических, во многом унаследованных традиций. Это пробудило интерес к концепциям и других экономистов 20-х гг., по которым проехала тяжелая колесница истории. Каким же им виделся план?

С. Г. Струмилин

К ТЕОРИИ ПЛАНИРОВАНИЯ

1. Хозяйство и план

Понятие хозяйства предполагает, во-первых, наличие хозяина, т. е. субъекта хозяйственной деятельности, во-вторых, известный комплекс *объектов*, подвергающихся хозяйственному воздействию, и, в-третьих, самую *деятельность*, т. е. сознательное воздействие хозяина на эти объекты с целью обеспечения себе известного *запаса* материальных благ, необходимых для удовлетворения не только текущих, но и будущих его потребностей. Только такая деятельность, продиктованная заботой о нуждах грядущих дней, заслуживает имени хозяйственной. Забота о будущем, т. е. известная *предусмотрительность*, вот истинная душа всякого хозяйства.

Хозяйственная забота о будущем свойственна не только человеку. Ей не чужды и некоторые виды животных. Так, например, если какой-нибудь бесхозяйственный зайчишка, изо дня в день промышляя лишь о своем насущном пропитании, отнюдь не беспокоится о завтрашнем дне, то предусмотрительная белка, заготовляя себе запас орехов на всю долгую зиму, проявляет уже вполне оформленные хозяйственные инстинкты. У зайца нет еще «идей» хозяйства. А вот белка является уже в известном смысле заправским хозяином-скопидомом. Еще сложнее хозяйство бобров или муравьев и пчел. У них мы находим не только простое накопление жизненных припасов на черный день, а весьма сложное и совершенное хозяйственное строительство. Бобры строят огромные плотины и очень хитроумные подводные жилища. Муравьи занимаются животноводством и доят своих домашних тлей так, как мы доим своих коров или коз. А постройка пчелиных сот представляет собою и подавно такое архитектурное достижение, которое заслуживает изумления даже прекрасно вышколенного человеческого ума.

И все же, говоря словами К. Маркса, даже самый плохой архитектор превосходит самую искусную пчелу в том отношении, что раньше осуществления своей по-

стройки в конкретной действительности он конструирует ее предварительно в своем сознании.

Чтобы оценить по достоинству это противопоставление искусной пчелы плохому архитектору, необходимо усвоить себе идею плана. Архитектор раньше самой постройки конструирует у себя в уме или на бумаге *план* этой постройки, т. е. задается известной целью, которую должна осуществить эта постройка, обдумывает, как из наличного материала ее можно создать в данной обстановке с наименьшими затратами времени и усилий, и соответственно с этим намечает конкретную программу действий. Пчела строит свои ячейки без такого плана, повинуясь лишь унаследованным навыкам своей работы, т. е. инстинкту. Ее «искусство», в котором запечатлен опыт тысячелетий, велико. А архитектор может оказаться весьма неопытным и неискусным. Но искусство пчелы омертвело в своей автоматичности. Оно недоступно никакому прогрессу. Пчела никогда ничего нового не построит, кроме своей ячейки. А живой ум архитектора, создавая для каждой *новой* обстановки *новые* планы, способен построить и первобытный шалаш из ветвей, и деревянный домишко, и мраморный дворец, и железобетонные небоскребы.

Конкретные цели или задачи плана могут быть весьма многообразны. Можно задаваться не только созидающими планами, но и разрушительными. Например, можно запроектировать план сражения, войны, революции, хотя нас интересуют здесь только хозяйствственные планы, т. е. планы, направленные на осуществление хозяйственных задач и предположений. Однако всякий план мыслится прежде всего как определенная *программа действий, ведущая в данной конкретной обстановке к намеченной цели с наименьшими затратами времени и усилий*.

Мы уже говорили выше, что всякое хозяйство исходит из предусмотрительной заботы о будущем и выражается в определенной системе целевого воздействия субъекта хозяйства на данный комплекс его объектов. Такая предусмотрительность и целеустремленность,ложенная в самой идее хозяйственной деятельности, как будто бы уже сама по себе предполагает наличие известного плана в каждом хозяйстве, и действительно, *рациональное ведение хозяйства немыслимо без плана*. Но значит ли это, что *всякое* хозяйство можно назвать

плановым, т. е. ведущимся разумно по заранее намеченному плану в вышеуказанном смысле этого слова?

Нет, не значит. Даже если ограничиться сферой отдельных индивидуальных хозяйств, составляющих лишь в своей совокупности то, что мы называем народным хозяйством, то и в этой сфере далеко не всякое хозяйство строится по сознательно намеченному и в какой-либо мере продуманному плану. Более того, если обратиться к нашей деревне, то про огромное большинство крестьянских хозяйств можно было бы сказать без ошибки, что они велись до сих пор без всякого плана, руководствуясь лишь наполовину хозяйственным инстинктом, наполовину вековой традицией, т. е. почти так, как ведется хозяйство пчелиного улья. Проф. Дояренко, чтобы подчеркнуть эту особенность нашей деревни, как-то высказал в Госплане следующую мысль. То, чем занимаются наши крестьяне-землеробы, вовсе *не* хозяйство. Это просто известный быт. Если наш землероб выезжает весной на пашню, летом на луга и т. д. и производит там известные операции, то делает он это отнюдь не из тех или иных хозяйственных соображений, а просто потому, что такие точно действия, в ту же самую пору, той же самой вековечной сохой или косой исстари и отцы и деды его творили. Таков, уж, дескать, этот исконный обычай, тем более нерушимый, что истинный смысл его давно уж забыт и утерян.

Конечно, в таком изображении имеется большая до-за преувеличения. Наш крестьянин вовсе не чужд хозяйственных соображений. Но все эти соображения не выходят из рамок известного жесткого трафарета. Он хозяйствует, ибо его ни на минуту не оставляет забота о средствах существования на завтрашний день. Но организация его хозяйства и приемы труда, унаследованные от другой эпохи, отнюдь не отвечают требованиям современности. Усвоенная им пассивно и осуществляемая по обычаям «отню и дедню» программа действий в *данной конкретной обстановке* вовсе уж не ведет его к намеченной цели кратчайшим путем. Она не удовлетворяет требованиям рационального плана. Архаическое крестьянское хозяйство управляет властью окостеневших традиций, властью земли, властью рыночной стихии, наконец, властью всяких иных фетишей, только не собственной волей хозяина, не его собственным хозяйственным планом.

Несколько иначе обстоит дело в индивидуальном хозяйстве современного капиталистического предприятия. Над ним не тяготеет бремя мертвящих патриархальных традиций. Каждый такой предприниматель, взятый в отдельности, строит свое хозяйство обычно по строго продуманному плану с учетом всех требований современности. Но если рассматривать их все вместе в общей совокупности всего народного хозяйства, взятого в целом, то окажется, что и здесь господствует в конечном счете не план, а стихия.

Это объясняется, конечно, тем, что в капиталистическом обществе каждый предприниматель строит свой хозяйственный план на индивидуалистическом принципе конкуренции, т. е. рыночной борьбы каждого против всех и всех против каждого. Обогащение всей буржуазии в целом строится здесь прежде всего на *классовой эксплуатации* всего пролетариата в целом. Но это только первая *производственная* стадия капиталистического хозяйства. Чтобы иметь возможность дальнейшей эксплуатации пролетариата, создаваемые на этой стадии товары необходимо еще реализовать. И здесь уже не только буржуазия в целом, а и каждый буржуа-предприниматель в отдельности противопоставляет свои индивидуальные хозяйствственные интересы интересам всего остального общества. На капиталистическом рынке всякий человек человеку — волк. Здесь всякий крупный успех одного хозяйства рассматривается как явная неудача других, с ним конкурирующих. И наоборот — полное разорение и банкротство одних хозяйств ведет обычно к сугубому обогащению и процветанию других.

К чему же должна привести такая антагоничность интересов и противоречивость хозяйственных устремлений отдельных членов капиталистического общества? Хозяйственные планы отдельных предприятий могут быть хорошо продуманы и рационально построены только в той части, в которой они не зависят от других предприятий, т. е. в части внутренней организации каждого частного предприятия. Но благодаря крупным масштабам капиталистического производства и высокой его технике, основанной на чрезвычайно развитом разделении труда, ни одно капиталистическое предприятие не замыкается на себя. Тысячью экономических нитей и в деле снабжения материалами, и в деле сбыта готовой продукции оно теснейшим образом связано через рынок

с десятками и сотнями других предприятий. Каждое из них строит свой собственный хозяйственный план, ревниво оберегая его как коммерческую тайну от всех конкурентов. Каждый из этих планов строится независимо от всех других, исходя только из учета частных интересов данного индивидуального хозяйства или капиталистического треста, и потому строится в неизбежном противоречии с другими планами. Спрашивается, могут ли все эти не только несогласованные друг с другом, но, более того, заведомо противоречивые планы одновременно оказаться в достаточной степени реальными и осуществимыми? Разумеется, нет.

Миллионы скрещивающихся хозяйственных устремлений складываются, конечно, в последнем счете в ту или иную равнодействующую. Но эта равнодействующая не совпадает по своей величине и направлению ни с одной из составляющих. И слагающийся в ней хозяйственный эффект тем меньше общей суммы затраченных усилий, чем гуще скрещиваются они в узел неразрешимых капиталистических противоречий. В этом именно узле противоречий находит свое разрешение *та трагедия расточительства*, которая столь характерна для капиталистического хозяйства¹. В этом узле сумма, казалось бы, очень разумных волевых усилий превращается в неразумную стихию. Здесь каждый хозяин в отдельности что-то предполагает, а стихия рынка всеми ими властно располагает. А в результате от множества внутренне противоречивых частнохозяйственных планов мы приходим к хозяйственному хаосу, к периодически потрясающим капиталистическое общество хозяйственным кризисам, к хронической трагедии расточительства его производительных сил.

Имени хозяйственного плана, по нашему определению, заслуживает, однако, лишь такая программа действий, которая обеспечивает достижение намеченного эффекта с наименьшей затратой сил, а не ценою стихийного их расточительства. Этому требованию принципа экономии сил не удовлетворяет в полной мере ни один из частнохозяйственных планов капиталистического общества. И не может удовлетворять уже в силу множественности этих планов и связанной с этим их внутренней несогласованности. Хозяйственный план в усло-

¹ См. Чэз, «Трагедия расточительства».

виях общественного разделения труда должен быть *единым* для всего общества. Всякий иной план, не удовлетворяющий этому требованию единства, не удовлетворит полностью и основному плановому принципу экономии сил, а потому может быть рассматриваем лишь как известный элемент целостного плана или, в лучшем случае, как недоразвившийся эмбрион такого плана.

Капиталистическое общество зиждется на основе общественного разделения труда, и потому его следует рассматривать как целостный хозяйственный организм, как единое *народное хозяйство* в рамках каждого государственного образования или даже как единое *мировое хозяйство*, поскольку оно постепенно преодолевает и всякие государственные границы. Правда, капиталистическое хозяйство иногда называют псевдохозяйством, рассматривая его *как хозяйство без хозяина*. Но к этой характеристике необходимы весьма существенные оговорки. Капиталистическое хозяйство не располагает *единоличным* хозяином. Это верно. Но у него имеется зато коллективный хозяин — буржуазия. И этот классовый коллектив в лице своих президентов и министров располагает достаточно централизованным аппаратом управления. Чего действительно недостает капиталистическому хозяйству даже в высшей его форме монополистического капитализма, это — *единого хозяйственного плана*. В этой его особенности воистину можно усматривать *органический порок* названного хозяйства. Но пороком бесплановости страдают нередко и единоличные хозяйства.

Однако вправе ли мы рассматривать бесплановость как органический, т. е. неизлечимый, порок капиталистического хозяйства? Это вопрос огромного для нас значения. Если бы капитализм мог собственными силами, не изменяя в корне своей природы, рано или поздно реорганизоваться в чуждое всякого расточительства, т.е. вполне экономически рациональное, *плановое хозяйство*, то шансы его в борьбе с грядущим ему на смену социализмом и коммунизмом возросли бы до чрезвычайности.

Но, к счастью для всего человечества, капитализм не располагает такими шансами. Капиталистическое хозяйство строится на хищнической эксплуатации труда и беспощадном разорении всех конкурентов. Частный интерес личной наживы стоит здесь неизмеримо выше ин-

тересов общественной экономии. В этом расточительном пренебрежении к общественным интересам и выражается истинная «природа» капитализма. Буржуазия вовсе не заинтересована в ликвидации той трагедии расточительства производительных сил общества, которая вызывается отсутствием плановости, ибо в этой трагедии отнюдь не она является жертвенным козлом отпущения. Наоборот, такие социальные бедствия, как народная нищета и массовая безработица, представляющие собою одновременно и следствие, и причину хронического расточения производительных сил общества, являются естественной и совершенно необходимой *предпосылкой* капиталистической эксплуатации и обогащения буржуазии.

Не таковы предпосылки планового хозяйства. Анализируя условия наиболее эффективного использования наличных хозяйственных ресурсов, объективная экономическая наука пришла к нижеследующему выводу. *Оптимальный эффект* дает такое хозяйство, которое планомерно распределяет свои производительные силы в точном соответствии с общественными потребностями и обеспечивает, таким образом, вполне равномерное удовлетворение потребностей всех членов общества¹. Спрашивается, приемлем ли для капитализма этот основной постулат планового хозяйства, в корне отвергающий принцип классовой эксплуатации? Разумеется, нет.

Рассуждая абстрактно, мы можем себе представить, что тигры капиталистической эксплуатации, основательно передувши друг друга в конкурентной борьбе и добившись концентрации всех средств производства и самой государственной власти в руках какого-нибудь одного сверхтresta, охотно усвоили бы себе вместе с тем и идею единого хозяйственного плана. Исторически, при сложившихся соотношениях классовых сил, эта чисто логическая возможность уже исключена победным шествием социальной революции. Но если бы она даже осуществилась в рамках такого, достигшего своей вершины, империализма, то это был бы все же план опустошительной эксплуатации и истощения пролетариата в небывалых еще масштабах, а не план оптимальной

¹ Подробнее об этом см. нашу «Формулу хозяйственного плана» в книге: С. Струмилин, «Проблемы экономики труда». М. 1924 г., стр. 213 и след.

рационализации хозяйства в интересах всего общества в целом. Говоря иначе, буржуазия даже в рамках наиболее развитого государственного капитализма в лучшем случае могла бы воспринять лишь голую форму, т. е. внешнюю пустую оболочку планового хозяйства, но не его внутреннее экономическое содержание.

Опыты такого псевдопланового хозяйствичанья буржуазии мы уже испытали в период последней империалистической войны. И тогда уже оно служило целям величайшего расхищения, а не накопления производительных сил общества. Капитализм — это почти синоним анархической бесплановости и бесхозяйственной расточительности человеческого труда. А потому первой предпосылкой планового хозяйства является принципиальный отказ от классовой эксплуатации труда и свержение капитализма.

Октябрьская революция осуществила у нас эту первую предпосылку планового хозяйства. Диктатура пролетариата, овладевшая в результате революции всеми командными хозяйственными высотами внутри страны и оградившая себя от внешних влияний капиталистического окружения монополией внешней торговли, представляет собой основную предпосылку планового хозяйства. Это совершенно необходимое условие народнохозяйственного планирования, но отнюдь еще не достаточное. Кроме этой политической предпосылки для успешного планирования необходим еще целый ряд экономических и культурных предпосылок.

Диктатура пролетариата только открывает собою, но далеко еще не завершает эру социальной революции. Мы уже свергли политическое господство буржуазии, но еще не изжили ее экономических влияний и культурных наследий. Наряду с растущим социалистическим сектором хозяйства у нас еще сохраняются десятки миллионов единоличных хозяйств мелкой индивидуалистической буржуазии. В связи с этим влияние на наше хозяйство рыночной стихии только ограничивается плановым вмешательством советской власти, но отнюдь еще не исключается. Советская власть — это идеальный аппарат диктатуры пролетариата. Но ведь мы знаем, что эта диктатура — временное явление. Из аппарата классового господства она с уничтожением классов должна постепенно переродиться в аппарат чисто хозяйственного планового управления — методами убежде-

ния, а не принуждения. Имеется ли, однако, у нас уже налицо соответствующая культурная подготовка и этого аппарата и всего населения? Нет, не имеется. Чтобы изжить наследие буржуазной культуры, которая так часто превращает общественных деятелей в бездушных бюрократов, заслуженных инженеров — в злостных вредителей, доверенных кооператоров — в воров и расстратчиков, нам предстоит еще проделать целую культурную революцию. Говоря короче, мы далеко еще не располагаем всеми предпосылками для вполне успешного рационального планирования. Наше время — переходная эпоха. Мы живем только под знаком *борьбы за плановое начало*. Законченное плановое хозяйство, как и законченный социализм, у нас еще впереди.

2. Цель в плане

Давая формальное определение хозяйственного плана, мы можем ограничиться общим указанием, что такой план есть программа действий, ведущая к намеченной цели с *наименьшими затратами сил*. Задачей всякого плана, взятого вне времени и пространства, является, стало быть, осуществление экономического принципа наименьшей траты сил. Но мы планируем во времени и пространстве. И потому нам вовсе не безразлично, какую именно хозяйственную цель следует наметить в данной обстановке для осуществления ее с наименьшими затратами времени и усилий.

Целевая установка плана подлежит четкой конкретизации в зависимости от той конкретной обстановки времени и места, от которой мы исходим, тех сроков действий плана, какими мы располагаем, и той конечной цели или, говоря иначе, тех общественных идеалов, к которым мы стремимся. Таким образом, в числе моментов, определяющих собою целевую установку, а стало быть и все содержание плана, наряду с *объективными фактами* — исходная хозяйственная обстановка — мы сразу же наталкиваемся на *субъективный фактор* — идеологию субъекта планирования. Если хозяйственный план проектируется идеологом интересов пролетариата, содержание плана будет одно, если он проектируется идеологом буржуазии, содержание плана будет совсем иное.

С того момента, как целевая установка плана задана, все остальные стадии его проектирования могут быть сведены полностью к разрешению чисто познавательных задач. Конечно, не все эти познавательные задачи уже теперь могут быть разрешены вполне научно. Многие из них только впервые ставятся перед нами той или иной целевой установкой и потребуют еще немало исследовательской научной работы для своего разрешения. Но принципиально такие задачи входят целиком в область вполне объективного научного исследования.

Чтобы наш план стал вполне рациональной программой действий, мы должны, помимо той хозяйственной цели, которую мы себе поставили, знать ту хозяйственную среду, которая подлежит воздействию, те законы социальной закономерности, которым она подчинена, те хозяйственные ресурсы, которыми мы располагаем по своему произволу, и точную меру эффективности каждого мероприятия, которую мы включаем в свою программу действий. Тогда нам остался бы лишь выбор из арсенала возможных мероприятий тех, которые наиболее эффективны в данной обстановке и всего скорее приводят к намеченной цели.

Однако объем указанных познавательных задач чрезвычайно велик. Социальные закономерности, управляющие динамикой общественных отношений в таком огромном комплексе, как народное хозяйство СССР, необычайно сложны и мало изучены. Говоря о переходном характере переживаемого нами периода, мы имеем в виду борьбу в нем за преобладание только двух основных хозяйственных укладов — социализма и капитализма. Но более углубленный анализ вскрывает перед нами гораздо более сложное сплетение целых пяти исторических наслойений: от наиболее архаического натурального хозяйства через простое товарное к частнокапиталистическому и кончая такими новообразованиями, как прослойки государственного капитализма и мощные уже пластины последовательного социализма. Все эти осложняющие моменты в социальной структуре СССР создают в области познавательных задач, связанных с планированием, такие почти непреодолимые трудности, которые приводят нередко к преувеличеному скептицизму, если не к полному отрицанию возможности рационального планирования.

Откровенные враги социализма, конечно, без всяких обиняков заявляют, что задача планового хозяйства в масштабе целой страны вообще *иррациональна*, т. е. не поддается *научному разрешению*, и в этом смысле непостижима человеческому разуму.

И если трактовать понятие *научного познания* с высоты академического педантизма, то такая оценка возможностей планирования не лишена некоторого правдоподобия. Действительно, возможности точной науки весьма ограничены. Астрономия — одна из самых совершенных наук. И все же задача о взаимном тяготении только трех свободных тел в пространстве не разрешена еще до сих пор *в общем виде*. Насколько же сложнее должна представляться задача о взаимодействии того необозримого множества социальных сил и хозяйственных молекул, какие сплетаются в сложное образование народного хозяйства. Построить план народного хозяйства — это значит предначертать пути движения всех этих молекул на несколько лет вперед. Законы взаимодействия этих молекул несравненно сложнее ньютоновского закона тяготения. Какой же человеческий мозг мог бы охватить движение этих молекул в строгой математической формуле, дающей точный ответ об их взаимоотношениях для любого момента времени.

Если бы мы подходили к задачам планового предвидения с требованиями такой их общности и такой астрономической точности, то наше дело пришлось бы сразу признать почти безнадежным. Но в области обществоведения такой подход вообще неуместен, а в области планового дела и подавно.

Мы не ставим себе задач построения какого-то *абстрактного* плана «*в общем виде*», годного для любого хозяйственного строя, где угодно и когда угодно. Вследствие этого мы кое-что теряем в общности задачи, но зато многое выигрываем в определенности. Задача о тяготении трех тел в общем алгебраическом виде — т. е. без данных о том, где они находятся, по каким орбитам движутся, какова их масса, скорость движения и т. д., — не разрешена, но конкретная задача о взаимном тяготении гораздо большего числа тел *солнечной системы* решается без труда, и затмения луны и солнца предсказываются с точностью до долей секунды. Абсолютная точность в решении плановых задач тоже не имеет

практической ценности. А между тем нам уже приходилось отмечать в печати, что целый ряд научных задач, например квадратуры круга или трисекции угла, перед которыми до сих пор в бессилии отступала строгая математическая наука, практически, т. е. с допуском известной погрешности, разрешаются вполне удовлетворительно. И потому в конкретной плановой работе мы отнюдь не склонны преувеличивать теоретических трудностей практики планирования.

В связи с этим уместно, однако, поставить вопрос: как нам следует рассматривать плановое дело? Наука это или искусство?

Конечно, дело не в словах. Назовем ли мы плановое строительство особой *теоретической наукой*, или особым *искусством хозяйственного управления*, или *прикладной наукой* планирования, от этого не изменится суть дела. Известные элементы в нем, несомненно, могут со временем развиться в специальную теорию планирования. Другие всегда будут сохранять характер искусства. Соединение тех и других в одно целое можно будет назвать прикладной наукой. Во всяком случае, на настоящей ступени своего развития всего приложимее к этому делу, на наш взгляд, термин *плановое искусство*, по аналогии со строительным искусством и с инженерным делом вообще. И вот почему.

Мы уже отметили, что характер народнохозяйственного плана всегда в известной мере определяется тем социальным зодчим, который его строит, его классовым стилем или, говоря иначе, его социальными устремлениями. У одного проектировщика его плановая постройка вырисовывается, скажем, в стиле индустриализации, а у другого — в стиле аграризации. На одной и той же хозяйственной базе можно запроектировать план и в стиле Сталина и Бухарина, и в стиле Сокольникова и Шанина, а то и в стиле Кондратьева и Макарова, причем диапазон «нюансов» в построении этих планов, несомненно, получился бы поразительный. Уже это сближает плановое дело с искусством в отличие от точных наук, решения которых обычно гораздо более однозначны и не зависят от субъективных свойств исследователя¹.

¹ В общественных науках, впрочем, классовая идеология исследователя оказывает уже гораздо большее влияние на решения даже, казалось бы, чисто познавательных задач.

Еще в большей степени, однако, отличает это дело от понятия науки другая его особенность. Чистая наука ставит перед собой только познавательные задачи. Она стремится только *познать* мир, приемля его таким, какой он есть, был или будет. Это *пассивное восприятие* мира. А хозяйственный план — это прежде всего программа действий. Он формулирует и концентрирует коллективную волю трудящихся вокруг известных задач. Он «предвидит» не то, что будет, а то, что может и должно случиться при известном напряжении воли хозяйствующего коллектива. И он дает директиву к соответствующим действиям. Плановое искусство не приемлет существующего мира. Оно ставит перед собой задачу не познания, а пересоздания этого мира. Оно *активно создает свой новый мир*. Это *творческое отображение* мира.

Вокруг этого основного различия в подходе к плану в нашей литературе возникал уже целый ряд споров. Многие из наших советских ученых явно недооценивают и умаляют роль целевой установки в плане, творческое в нем начало, выдигая вперед чисто познавательный момент планового предвидения.

Если послушать, например, рассуждения проф. Н. Д. Кондратьева о плановой методологии, то у него задача построения хозяйственного плана сводится почти целиком к одному лишь научному предвидению грядущих хозяйственных процессов. А так как пределы возможного предвидения он ограничивает лишь выявлением наиболее общих тенденций развития, то и вообще роль хозяйственного плана суживается им до рамок весьма абстрактного академического трактата о вероятных перспективах хозяйственного развития. Всякая конкретизация плана в определенную программу действий в соответствии с намеченной системой вполне конкретных цифровых лимитов и заданий представляется этому ученому совершенно незаконным выходом за пределы доступного познанию.

Вокруг этого противоположения пассивно-познавательных моментов в планировании активно-творческому его значению у нас уже высказывалось довольно много весьма разноречивых мнений. Собственно говоря, против того, что в каждом плане должны сочетаться и научный прогноз, и целевые директивы или, как это по-иному выражается, и генетика, и телеология, никто не спорит. Спор идет лишь об относительном значении

каждого из этих моментов в плановом деле. Одни высказываются за «примат» генетики надteleологией. Другие, наоборот, познавательным моментам приписывают лишь весьма подчиненное, *служебное* значение, а целевой установке плана — решающее. Третьи пытаются эклектически примирить обе эти точки зрения, утверждая, так сказать, равноправие и генетики, и телеологии в каждом хозяйственном плане. Находятся, наконец, и такие, которые вообще не придают этому спору никакого значения, признавая его чересчур академическим. Однако на деле, несмотря на весьма отвлеченную постановку спора и сугубо философскую терминологию, речь здесь идет о таких проблемах, которые чреваты весьма немаловажными практическими последствиями.

Возьмем хотя бы для примера концепцию проф. Н. Д. Кондратьева. В качестве решительного сторонника примата генетики при построении перспективных планов он все свое внимание сосредоточивает на типах и пределах возможного предвидения. Правда, он не исключает из плана и целевых установок, но подчиняет и их все тому же «генетическому методу» построения плана. *«...Построение всех основных элементов плана, весь план, начиная с анализа хозяйственной действительности и ее вероятного хода, переходя к системе мероприятий и кончая системой самих перспектив, представляет проф. Кондратьеву — как бы пронизанным стоящей перед нами на каждом основном этапе работы над планом необходимостью практического разрешения проблемы предвидения».* Из намеченных в порядке предвидения перспектив следуют и директивы. *«...Выдвигая те, а не иные перспективы, — поясняет проф. Кондратьев, — мы тем самым даем или, точнее, принимаем на себя определенную директиву в организации наших мероприятий и действий»¹.*

Более пассивной роли для хозяйствующего субъекта, как «принимать на себя» директивы, извлеченные научным сознанием из анализа объективного хода вещей, трудно придумать. Но зато роль науки в этой концепции чрезвычайно почетна. Научное сознание в ней целиком определяет собою всю хозяйственную деятельность, а вместе с тем и все общественное бытие страны. Прав-

¹ Н. Д. Кондратьев, «План и предвидение». «Пути развития сельского хозяйства», М., 1927 г., № 2, стр. 11, курсив наш.

да, это не совсем гармонирует с нашим опытом и учением Карла Маркса. До сих пор, наоборот, всегда бытие определяло собою сознание. Но может быть, и наш опыт, и учение Маркса в данном пункте уже устарели для современного момента? Может быть, все же прав проф. Кондратьев? Тем более что довольно неожиданно он нашел себе в этом пункте поддержку со стороны весьма авторитетных и сведущих ученых. Мы имеем в виду В. Г. Громана и В. А. Базарова.

В. Г. Громан в своих «Тезисах» о методологических принципах перспективного планирования, предложенных Госплану, определенно высказался за «синтез генетической иteleологической точек зрения *при примате первой*». «Научный социализм,— по его словам,— в отличие от утопического выводил телеологию из генетического процесса развития»¹.

В. А. Базаров формально не приемлет примата генетики. «Телеология и генетика,— по его утверждению,— не конкурирующие между собою антагонисты, а диалектически связанные друг с другом моменты единого органического целого»². Но, утвердив таким образом известное равноправие этих моментов, В. А. Базаров очень быстро отступает от него в следующем разъяснении:

«С точки зрения марксистской гносеологии все общественное развитие строжайшим образом детерминировано. Не только грядущие стихийные процессы, но и грядущая воля отдельных лиц и организованных классов, грядущие действия, направляемые личной или коллективной волей, и результаты этих действий с совершенной необходимостью вытекают из прошлого. Если бы мы располагали идеальным познанием, мы могли бы на любое число лет вперед с точностью рассчитывать путем генетического научного исследования и развитие материального базиса в данном обществе, и трансформации надстроек, и результаты взаимодействия базиса

¹ См. «Материалы к заседанию Экономбюро 5/1 1928 г.», Тезисы 3 и 2. Курсив Громана. В последнем замечании кроется явное недоразумение. Из генетического процесса К. Маркс выводил лишь историческую необходимость социализма, а не телеологическую его желательность. Последняя же в классовом обществе вообще не отвечает тем требованиям *всебобщей* значимости, какие составляют логическую принадлежность объективной науки.

² В. Базаров, «Принципы построения перспективного плана». «План. хоз.», 1928 г., № 2, стр. 38.

и надстроек. Ни о каких априорных целевых заданиях, ни о каких предварительных конструкциях или «моделях» в нашей плановой работе не было бы тогда и речи. Мы не строили бы никаких вариантов, но, опираясь исключительно на изучение прошлого, сумели бы с полнейшей логической непререкаемостью начертать единственно возможный и необходимый путь грядущего. К сожалению, мы бесконечно далеки от такого бесконечно глубокого и исчерпывающего познания. Поэтому в плановой работе мы, не умея предвидеть, вынуждены предвосхищать результаты развития в форме априорных целевых заданий и уже потом, апостериори, научно оправдывать и обосновывать их¹.

Построение весьма определенное. Конечно, если целевые задания в плановой работе только суррогат недостающих нам знаний, приемлемый лишь по нужде и требующий себе последующего «оправдания» перед судом науки, то о равноправии этого подсудимого с самим судьей говорить не приходится. Примат генетики надteleологией и даже более того — полная диктатура генетического метода в плановом деле здесь сама собою подразумевается. Неясным остается только одно. Не отпадает ли при такой «гносеологии» самая потребность в построении каких-либо планов?

Намечая в плане известную программу действий, мы, несомненно, рассчитываем на известный их эффект. Мы исходим из предположения, что благодаря плану мы достигнем известных целей с меньшими затратами усилий, в более короткий срок и т. д. План строится для нахождения оптимальных путей грядущего. А понятие оптимального, т. е. наилучшего, пути предполагает прежде всего наличие и других, худших путей к намеченной цели, а затем и возможность выбора между ними со стороны планирующего субъекта. Но в построении В. А. Базарова этого выбора нет. Понятия оптимальности намечаемого в плане пути развития он не исключает. Напротив, в тезисах, предложенных Госплану, он прямо утверждал, что, располагая идеальным знанием, мы, «опираясь исключительно на изучение прошлого, сумели бы с полнейшей логической непререкаемостью начертить оптимальный путь будущего». И в то же время,

¹ В. Базаров, «Принципы построения перспективного плана», «План. хоз.», 1928 г., № 2, стр. 40, курсив наш.

по его концепции, таким генетическим путем открывается вообще «единственно возможный и необходимый путь». По-обыкновельски это выражается формулой: че-му быть, того не миновать. При таких предпосылках, конечно, и наихудший план дела не испортит. Но и наилучший, исходящий из идеальнейших знаний, делу не поможет. Мы и в том и в другом случае, несмотря на худой или хороший план, пойдем все тем же единственным возможным и необходимым путем.

В этом построении, несомненно, чувствуется философская углубленность. Но, увы, в отличие от революционной философии марксизма здесь чувствуется совершенно иной философский дух — дух незабвенного д-ра Панглосса. В самом деле, попробуем расшифровать эту премудрость.

Если при идеальном знании «оптимальный путь будущего» может быть предначертан, опираясь *исключительно на изучение прошлого*, то, стало быть, все будущее уже целиком *предопределено* прошлым. Строить планы, чтобы изменить что-либо в этом будущем, в сущности, бесполезно, ибо для этого пришлось бы изменить определяющее его прошлое, а прошлое, увы, уж во всяком случае вне нашего воздействия. К тому же в этом нет и никакой нужды, ибо приведенная выше «генетическая» формула и без того гарантирует нам единственно возможный и необходимый — «*оптимальный* путь будущего». Правда, у нас нет еще идеального знания, чтобы уже теперь *познать* этот путь. Но это ничего не может изменить в прошлом, а стало быть, и в будущем. Будущее, очевидно, — даже без нашего о том ведома и сознательного в этом деле участия — осуществит *самотеком* свой «*оптимальный*» путь. А если это так, то разве не прав старик Лейбниц в своем учении о предустановленной гармонии? И разве не имел основания почтенный д-р Панглосс даже в лиссабонском землетрясении усматривать осознательный аргумент в пользу того, что мы живем в наилучшем из возможных миров?

Мне кажется, что уважаемый В. А. Базаров пошел в данном случае гораздо дальше, чем он сам этого хотел. Его «генетическая» формула не принадлежит к числу тех, которыми изменяют мир. Такая философия, как гашиш, услаждая воображение, может лишь угашать волю и расслаблять мышцы борцов за лучшее будущее. Если б ее воспринял революционный пролетариат, то

это было бы, конечно, только на руку буржуазии. Но может ли мировой пролетариат в современной обстановке кому-либо поверить, что он уже обрел наилучший из возможных миров? Захочет ли он все дальнейшее предоставить своей собственной судьбе, возложив все надежды на оптимальное течение генетического самотека?

Конечно, нет. Такая опасность ему, во всяком случае, не угрожает.

Правда, марксисты были всегда детерминистами. Историческая обусловленность и закономерность событий — это основа, на которой зиждется социалистическое учение Маркса и Энгельса. Но в число факторов, созидающих из прошлого и настоящего — наше грядущее, мы всегда включаем не только материальный базис, но и самих людей с их творческой волей и конкретными социальными устремлениями. Мы отнюдь не преувеличиваем этим роль личности в истории. В сущности говоря, отдельные личности сами по себе вообще, на наш взгляд, не входят в предмет *обществоведения*. Но историческую роль целевой устремленности и прямого действия *mass* в классовой борьбе трудно преувеличить. Даже оставаясь в рамках капиталистического общества, где с максимальной силой царят стихийные факторы исторического процесса, наши учителя не сомневались, что революционная партия пролетариата может и должна стать повивальной бабкой истории, чтобы *сократить* объективно неизбежный, но весьма мучительный процесс родов нового — социалистического общества. А самый переход из рамок капиталистического господства рыночной стихии к новым условиям рационального планового хозяйства они рассматривали как *прыжок из царства необходимости в царство свободы*.

Как надо понимать это царство свободы? Означает ли оно «свободу воли» в смысле неограниченного произвола каждого человека ставить перед собой любые цели? Нет, не означает. Наша воля, как и все остальное, исторически обусловлена. Часто говорят даже: свобода — это познанная необходимость. Но это изречение не следует истолковывать слишком вульгарно. Московские старожилы, вероятно, помнят на Мясницкой две вегетарианские столовые: одну под вывеской: «Убедись» и другую, рядом с первой, под столь же лаконическим лозунгом: «Примирись». Эти лозунги вегетарианского

смиренномудрия, по-видимому, ставили своей задачей в отношении посетителей столовых заставить их не только убедиться из состава предлагаемых им меню, что их рассматривают здесь без всякой романтики в качестве весьма непрятательных травоядных-жвачных, но и добровольно примириться с этой незавидной участью. Вступив на эту стезю, нетрудно и «свободу» детерминистов истолковать в духе такого же сознательного примирения со своей горькой участью и добровольного подчинения непреодолимой необходимости.

Иначе понимаем мы взаимоотношения между свободой и необходимостью. Каждый человек имеет определенные желания и потребности. Их можно изжить двумя путями. Либо путем аскетического самоограничения, как Диоген в бочке. Либо путем активной борьбы за их удовлетворение. Первый из них — это путь слабых, рабов, угнетенных, второй — путь сильных и свободных. Лишь превращаясь из слабой твари в мощного творца, человек становится свободным. Возможность осуществления воли к творчеству — вот свобода. Чем шире эта возможность у человечества, тем оно свободнее, и наоборот — чем она уже, тем оно зависимее от окружающей его среды. Что же дает эту свободу? Познание тех объективных закономерностей, которые присущи природе вещей и строю данного общества. Но не для того, чтобы им подчиниться, а для того, чтобы, овладев ими, находить путем целесообразного их отбора кратчайшие дороги к осуществлению своих творческих задач. Познавая необходимость, мы тем самым вооружаемся для творческого ее преодоления. Таким образом, познанная необходимость — это путь к творчеству, а стало быть, и к свободе. Говоря иначе, *познанная необходимость* — это уже не узы, а орудие свободы. И если говорят: «Свобода — это *познанная необходимость*», то подразумевают: свободы — это преодолеваемая путем познания необходимость.

Познание законов объективной необходимости является крайне важным условием свободного творчества, но отнюдь не достаточным. Знакомство с механизмом вселенной вообще и хитрой механикой социальных взаимоотношений в особенности для того, чтобы управлять в меру своих сил этим механизмом и по-своему регулировать эти взаимоотношения, совершенно необходимо. Но сверх того необходима еще известная организация тех

сил и средств, которые требуются для успешного регулирования соответствующих механизмов в интересах человечества. Мы имеем здесь в виду прежде всего *организацию коллективной воли* к рациональному хозяйственному творчеству. Это второе, не менее важное условие для реализации возможно полной свободы человеческого общества, взятого в целом.

При капитализме мы уже достигли довольно высокого уровня теоретических и технических знаний, чтобы творчески использовать их в интересах всего человечества. Но при той анархической организации этого раздираемого внутренними противоречиями строя, которая делала человека человека — волком, вышеуказанные задачи были неразрешимой. Накопляемые знания, как и все другие блага, концентрировались и монополизировались в руках одной, меньшей части общества, чтобы служить орудием угнетения всего остального человечества. При этом строение возможно было только *индивидуальное* творчество и, стало быть, только индивидуальная свобода отдельных членов общества за счет еще большего обездоления в этом отношении огромного большинства остальных. Только социализм, разрушающий все монополии, преодолеет эту анархию. Только плановое хозяйство, организуя волю трудящихся масс, координируя хозяйственное устремление всех людей и направляя их параллельным пучком к общей цели, создает новые условия *коллективного* творчества. Лишь единый хозяйственный план создает необходимые и достаточные условия полного использования стихийных сил природы и хозяйственных ресурсов общества для достижения тех или иных сознательно поставленных им перед собой задач.

Вот в каком смысле социальная революция, утверждающая плановое начало в хозяйстве, знаменует собою *прыжок из царства необходимости в царство свободы*.

Мы готовы согласиться с В. А. Базаровым, что телология и генетика в плане представляют собою «диалектически связанные друг с другом моменты единого органического целого». Но мы не забываем, что диалектика — это развитие путем противоречий. Диалектическая связь, стало быть, отнюдь не исключает, а даже, наоборот, прямо предполагает возможность известного антагонизма между собою названных моментов. Чтобы не расплываться в абстракциях, обратимся к конкретно-

му примеру. Исследуя генетически, куда ведут естественные пути хозяйственного развития нашего Союза, любой ученый мог бы в порядке вполне объективного прогноза начертать перед нами блестящую перспективу аграрного развития СССР. Естественные условия СССР в связи с идеей наиболее рационального разделения труда в международном масштабе прекрасно оправдывали бы такую генетику и с точки зрения принципа общего подъема производительных сил мирового хозяйства. И все же эта генетика сразу же столкнулась бы с резко противоположной ей телеологией. Социалистическому пролетариату отнюдь не улыбается такая перспектива, несмотря на всю ее правдоподобность и осуществимость. В интересах мировой социальной революции нам невыгодно превращать единственную пока страну победоносного социализма в колониальный придаток западного империализма. И вопреки всяkim генетическим аргументам в пользу аграризации страны мы выдвигаем совершенно противоположную целевую установку — на индустриализацию СССР.

Спрашивается, чему же пришлось бы отдать предпочтение в случае такого столкновения генетики с телеологией?

Я не сомневаюсь, что всякий идеолог пролетариата высказался бы в этом случае без колебаний за «примат» телеологии. И в этом не было бы никакого пренебрежения ни к естественным тенденциям общественного развития, ни к законам природы и т. п. категориям научного мышления, а был бы просто трезвый учет удельного значения в общей цепи социальной закономерности и той силы, какую представляет собою классовая воля организованного пролетариата. Не нос создан для табакерки, а табакерка для носа. Не пролетариат должен служить науке, а наука пролетариату. И если, согласно указаниям научного прогноза, самотек истории в том или другом частном случае угрожает вылиться не в то русло, какое ему нами предназначено, то мы используем это предвидение только для того, чтобы вовремя преградить этому самотеку дорогу соответствующими инженерными сооружениями и направить его в надлежащую сторону.

Конечно, и классовые устремления пролетариата отнюдь не случайны. Нельзя же себе представить, чтобы по мании какого-то каприза буржуазия устремилась

вдруг к социализму, а пролетариат — к капитализму. Но раз эти волеустремления класса уже налицо, о них уж нет нужды гадать в порядке тех или иных генетических прогнозов, а следует считаться как с заранее данным фактом. Целевые установки пролетариата, его классовая воля и программа действий нам уже даны. В наиболее общем виде они зафиксированы в программе Коминтерна. Дальнейшее развитие этой программы применительно к рамкам СССР мы находим в партийной программе ВКП(б). Хозяйственный перспективный план СССР в своих целевых установках должен явиться дальнейшим экономическим развитием этой программы на тот или иной календарный отрезок времени. Недаром В. И. Ленин первый же из наших хозяйственных планов, генеральный план электрификации ГОЭЛРО, назвал второй программой партии.

В условиях СССР хозяйственный план является, стало быть, лишь календарным отрезком партийной программы революционного пролетариата. Уже из этого следует, что основной задачей наших перспективных планов на весь переходный период от капитализма к социализму будет строительство социализма. Но эта основная историческая наша задача в каждом плане, в зависимости от конкретной обстановки данного отрезка времени, подлежит развитию в целую систему соподчиненных основной цели и внутренне согласованных между собою экономических заданий. Конечно, в порядке последовательной конкретизации задач хозяйственного плана одни, более общие, непосредственно выводятся из основной задачи строительства социализма и ближе к ней примыкают, другие, более конкретные, связаны с ней целой цепью промежуточных звеньев. Таким образом, может быть установлена известная цепная связь этих заданий с основной целевой установкой.

На этой стадии построения плана мы, стало быть, идем не генетическим, а телескопическим путем. Одни задания или директивы выводятся из других не в порядке перехода от причины к следствию, а в обратном порядке следования от конечной цели к отбору тех средств, которые ведут к ней кратчайшим путем. Конечно, в качестве последователей научного социализма мы не можем себе ставить утопических задач. Мы должны иметь полную уверенность в осуществимости наших директив. А для этого надо твердо знать меру эффектив-

ности всех тех средств, которые избираются нами для осуществления наших целей. Мы должны предвидеть, ведет ли данное средство к намеченной цели, т. е. является ли оно достаточной причиной для наступления желаемого следствия. Иначе говоря, мы должны телеологическую цепь средств и целей строить на твердом научном базисе изучения генетической их между собой связи в качестве причин и следствий. Телеология должна опираться на генетику. Вот в каком смысле наш план должен представлять собою синтез директив с прогнозом, или телеологии с генетикой.

В чем же, однако, заключается выгода такого следования при построении плана от целей к средствам, вместо того, чтобы идти, казалось бы, более нормальным с точки зрения требований науки путем от причин к следствиям?

Основное методологическое преимущество этого пути заключается в его экономности. Отправляясь от известной цели к отбору пригодных для этой цели средств, мы резко ограничиваем поле и объем своих познавательных задач. Вне этого поля остается сразу вся та огромная масса возможных причинных связей, которая не имеет прямого и непосредственного отношения к намеченной цели. При обратном, т. е. генетическом, ходе исследования мы должны были бы подвергнуть своему анализу для построения прогнозов о будущем всю совокупность явлений прошлого и настоящего, ибо каждое из них чревато каким-то будущим. Необъятность этой задачи усугублялась бы еще тем, что в круг фактов, подлежащих предвидению, пришлось бы включить и сумму тех волеизъявлений, которые должны определяться нашим хозяйственным планом. А это предполагает уже в начале работы известным тот план, который может быть построен только в качестве ее завершения.

Конечно, исходя из заранее заданных целевых установок мы уже тем самым ставим перед собой плановую проблему нахождения оптимальных путей хозяйственного развития *не в общем ее виде*, а сознательно ограничиваем ее пределы одним лишь вполне определенным *частным случаем*. Но именно это и позволяет нам достигать весьма элементарным путем вполне научного разрешения столь сложных задач, которые в общем виде вообще едва ли поддаются разрешению.

К тому же мы очень сомневаемся в целесообразно-

сти постановки таких проблем «в общем виде» и по другим соображениям. Понятие «оптимального» пути развития весьма соотносительно. Оно неизбежно подразумевает какого-то определенного субъекта, для которого этот путь является оптимальным. Ставить эту проблему в общем виде — это значит искать таких путей, которые для *всего общества* в целом оказались бы оптимальными. Но в классовом обществе то, что явилось бы оптимальным для буржуазии, не может оказаться таковым же и для пролетариата. И наоборот — оптимальное для пролетариата отнюдь не заслужит такой же оценки со стороны буржуазии. Если же мы заранее исходим из интересов только одного пролетариата, осуществляющего свою диктатуру в данной стране, то этот «частный случай» разрешается, конечно, несравненно проще. Но тут уж примат телеологии, т. е. определенной целевой *классовой установки*, в проектировках *оптимального плана* сам собою подразумевается.

Постановка задачи нахождения оптимальных путей развития в общем виде, исходя только из прошлого, таким образом игнорирует прежде всего классовое строение нашего общества. И если даже такая генетическая постановка плановой проблемы претендует на звание сугубо *научной*, мы не можем оказать ей должного кредита, ибо не верим в силу и объективность общественной науки, парящей *над классами* в безвоздушном пространстве.

Плановое хозяйство, 1928, № 11

**Николай
Дмитриевич
Кондратьев
(1892—1938)**

Вначале приведем несколько оценок, характеризующих взгляды Н. Д. Кондратьева и его сторонников, и попросим читателя определить если не авторов этих высказываний, то хотя бы время, к которому относится каждое из них. Итак: «Генеральная линия кондратьевщины — линия на создание крупного капиталистического производства... Прикрываясь разговорами о подъеме производительных сил вообще, кондратьевцы отождествляли развитие производительных сил с развитием капитализма... Кондратьев — это циничнейший певец капитализма...» Или: «...Кондратьев и другие идеологи кулачества... откровенно заявляли, что... только «богатеющий мужик» является «творческой фигурой»... Кондратьев призывал развязать руки «творческой фигуре деревни», требовал взять курс на «крепкого зажиточного мужика». По мнению этих откровенных идеологов кулачества, только через развитие сельского хозяйства можно прийти к индустриализации...» Еще одна оценка: «Социально-классовый смысл программы, с которой выступали буржуазные экономисты на плановом фронте (Н. Кондратьев, Н. Макаров, А. Огановский и др.— Авт.), состоял в том, чтобы, используя временные хозяйствственные трудности, посеять неверие в саму возможность строительства социализма, подорвать усилия Советской власти по налаживанию плановой организации народного хозяйства, навязать пролетарскому государству такое «планирование», которое способствовало бы восстановлению позиций частного капитала». И последнее: «Полностью отождествляя развитие производительных сил с развитием капитализма, [Кондратьев] отрицал ведущую и преобразующую роль промышленности по отношению к сельскому хозяйству... Выступал против коллективи-

зации сельского хозяйства... Автор апологетической теории «больших циклов конъюнктуры»... которая объективно затушевывала сущность общего кризиса капитализма, представляя его как простую конъюнктурную депрессию длительного порядка...».

Перечень этих сходных по своему обличительному пафосу, по своей гневной непримиримости к «чуждой» идеологии цитат мог бы быть продолжен до бесконечности. Но вернемся к нашему вопросу. Первое из приведенных высказываний относится к 1930 г.¹, второе — к 1974-му², третье — к 1983 г.³. Последняя же оценка «выхвачена» из скучных строк второго тома экономической энциклопедии «Политическая экономия» (1975 г.), посвященных Н. Д. Кондратьеву.

Нельзя не поразиться удивительной по степени конформизма преемственности наших представлений. Так же, впрочем, как и нельзя не удивляться нашему не увядаемому с десятилетиями жаркому разоблачительному энтузиазму, не подверженному охлаждающему влиянию времени. Семя, брошенное С. Г. Струмилиным, попало в благодатную почву.

Меньше всего хотелось бы обвинять современных авторов в их редкостной по своему единодушию, не оставляющей никаких шансов провозглашенному ныне плюрализму мнений оценке. Пожалуй, немного сегодня найдется экономистов, которые обладали бы правом «пристыдить» своих собратьев по профессии «за Кондратьева», «за Базарова», «за Бухарина» и т. д. Но, как сказал поэт, «разве от этого легче?».

Представленная «коллекция» цитат может служить своеобразным памятником «могуществу» административной системы, сумевшей даже время заточить в темницы застоя. Неправдой явилось бы и утверждение, будто время можно остановить навсегда. Часовые стрелки истории вновь продолжили свое вечное вращение, призываая к движению, переменам, обновлению. В том числе и наших оценок. Торжествующий оборот они совершили и 16 июля 1987 г., когда Верховный суд СССР отверг обвинения в преступной деятельности пятнадцати ученых, осужденных в 30-е гг., и оправдал их. Посмертно. Среди этих граждан — выдающиеся отечественные ученые Н. Кондратьев, А. Чаянов, Н. Макаров, Л. Литошенко, Л. Юровский, А. Челинцев и др.

О взглядах Кондратьева еще будет написано немало книг и статей, его идейному наследию будут посвящены диссертации и моно-

¹ См.: *Верменичев И.* Буржуазные экономисты, как они есть (кондратьевщина). — Большевик, 1930, № 18, с. 44.

² См.: *Белянова А. М.* О темпах экономического развития СССР: По материалам дискуссии 20-х годов. М., 1974, с. 59.

³ См.: История политической экономии социализма. Изд. 2-е, перераб. и доп. Л., 1983, с. 194.

графические исследования. Но все это впереди. Сегодня же современной литературы об Н. Д. Кондратьеве, не отмеченной разъедающей коррозией вышеприведенных оценок, практически не существует, за исключением одной статьи Л. Пияшевой¹. На наш взгляд, статьи блестящей. Из нее мы многое узнаем о Кондратьеве впервые. Разве не неожиданно хотя бы то, что он, оказывается, украсил своими работами сокровищницу мировой экономической мысли? А может, это очередной «перехлест», только теперь уже с противоположным знаком? Да, тут есть над чем поразмыслить. И в этих условиях знакомство с воззрениями Кондратьева, как говорится, из «первых уст» незаменимо, оно не может быть компенсировано никакими комментариями. С этой точки зрения статья Кондратьева, помещенная в настоящем издании, весьма информативна, она в значительной мере отражает его взгляды на планирование при социализме. Однако для их более полной характеристики, как и в предыдущих случаях, мы будем привлекать и некоторые другие его работы.

Н. Д. Кондратьев — профессор Московской сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева, где он работал на кафедре, возглавляемой талантливейшим экономистом со столь же трагической судьбой А. В. Чаяновым. Кроме того, Кондратьев — директор Конъюнктурного института при Наркомфине. Его перу принадлежит огромное количество книг и статей, тематика которых охватывает самые разнообразные грани экономической теории и хозяйственной практики. Энциклопедические знания Кондратьева позволяли ему быть и политэкономом, и статистиком, и специалистом в таких областях, как организация сельского хозяйства, планирование, финансы. И всюду он был высокопрофессиональным новатором, творцом. Перечислим некоторые его работы. Это прежде всего монографии: «Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны» (1922 г.); «Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции» (1922 г.); «Мировой хлебный рынок и перспективы нашего хлебного экспорта» (1923 г.); «М. И. Туган-Барановский» (1924 г.); «Перспективы развития сельского хозяйства СССР» (1924 г.). Свои взгляды на проблемы планирования Кондратьев изложил в таких статьях, как «План и предвидение» и «Критические заметки о плане развития народного хозяйства», опубликованных в 1927 г. в журналах «Пути сельского хозяйства» и «Плановое хозяйство». Мировую славу принесла Кондратьеву его работа «Большие циклы экономической конъюнктуры». Труды Кондратьева издавались в США, Англии, Германии, Франции и были предметом широкого обсуждения. Ученый стал членом Американской академии социальных наук, многих американских и английских экономических ассоциаций и обществ.

¹ См.: Пияшева Л. Тяжелая колесница истории проехала по нашему поколению.— Дружба народов, 1988, № 7, с. 179—197.

Приобретя мировую известность, в своей собственной стране Кондратьев в значительной мере был не понят и не принят. В этом — глубокий драматизм его творческой судьбы. Вполне естественно, что многие его работы, отличаясь самобытностью взглядов, оригинальностью суждений, с самого начала привлекли к себе внимание крупнейших партийных и государственных деятелей, руководителей страны. Однако эти работы чаще всего вызывали с их стороны решительный протест.

Весьма показательно, например, отношение к кондратьевской теории больших циклов Троцкого. Еще в 1923 г., исследуя проблему цикличности капиталистического развития, Троцкий в высшей степени скептически оценил идеи Кондратьева, попытавшегося наряду с «малым циклом», охватывающим десятилетний период, установить понятие «большого цикла», охватывающего примерно пятьдесят лет. «По этой,— писал Троцкий,— симметрически стилизованной конструкции большой экономический цикл состоит примерно из пяти малых циклов, причем половина их имеет в сумме своей резко выраженный подъемный, а другая половина — кризисный характер, со всеми необходимыми переходными ступенями. Цифровое определение больших циклов, данное Кондратьевым, подлежит внимательной и не очень доверчивой проверке, применительно как к отдельным странам, так и к мировому рынку в целом»¹.

Проверять, конечно, нужно, без этого немыслим никакой действительно научный, критический анализ. Однако последующими строками Троцкий без всякой проверки объявляет концепцию Кондратьева несостоятельной. «Уже заранее можно отвергнуть (курсив наш — Авт.) попытку профессора Кондратьева придать эпохам, которые он называет большими циклами, ту же «строго закономерную ритмичность», какая наблюдается у малых циклов, как явно ошибочное обобщение по формальной аналогии»². Не будем сейчас вдаваться в детали концепции больших циклов Кондратьева, ибо это выходит за пределы предмета настоящей книги. По этой же причине нет никакой необходимости рассматривать здесь противопоставляемую кондратьевской трактовке Троцкого, также, заметим, представляющую немалый интерес. Сейчас для нас важно констатировать, что Троцкий не увидел всей глубины теоретических обобщений Кондратьева, ничего сумняшись назвав их «явно ошибочными».

Да, не суждено было Кондратьеву стать фаворитом принятого политического курса. Что там скептицизм Троцкого! Он выглядит просто образцом корректной критики в сравнении с тем шквальным ог-

¹ Троцкий Л. Д. О кривой капиталистического развития.— Вестник Коммунистической академии, 1923, кн. 4, с. 8—9.

² Там же, с. 9.

нем открытой враждебности, который был обрушен, например, Зиновьевым в статье «Манифест кулацкой партии»¹, ставшей прологом к плохо закамуфлированной под «научные дискуссии» травле русского экономиста. Правда, самому Зиновьеву это мало «помогло», но идеологическая кампания против Кондратьева приобрела исключительные масштабы.

С Струмилином, Р. Вайсберг, И. Верменичев, Е. Ярославский, В. Милютин... Сколько их, известных и безызвестных экономистов, политиков, историков, торопливо вносило «свой вклад», «свою лепту» в «беспощадную борьбу с контрреволюционной кондратьевщиной», стремившейся «подменить вскрытые Марксом действительные законы движения капиталистического общества «теорией» конъюнктуры и больших циклов», выдвинувшей «лозунг необходимости расширения рыночных отношений», «отрицавшей», «призывавшей», «проповедовавшей» и т. д. Среди бесчисленного множества «смертных грехов» Кондратьева и его единомышленников значился и такой, как «отрицание социалистического планирования», его подмена «прогнозированием в чисто буржуазной трактовке»².

Каковы же истинные, а не мнимые представления Н. Д. Кондратьева о плане? Прежде всего необходимо решительно отнести как надуманные утверждения, в соответствии с которыми Кондратьев был якобы противником планирования. Его методологические установки отличаются исключительной глубиной и последовательностью и в своей совокупности составляют целостную, достаточно обоснованную концепцию планового ведения народного хозяйства при социализме. Для Кондратьева необходимость централизованного планового начала совершенно очевидна, планомерное развитие экономики он противополагает «стихийному, лишенному целевого руководства развитию». Однако, по его мнению, стихийного развития в чистом виде, освобожденного от каких-либо регулирующих воздействий государства («органов экономической политики») на хозяйственную жизнь общества, в истории не существует. Было бы весьма поверхностно представлять себе товарно-капиталистическое хозяйство как сугубо стихийное, ибо и там государство преследует те или иные экономические цели.

Но роль планового начала в условиях капиталистического и социалистического типов экономического базиса различна, причем не только количественно, но и качественно. Наиболее глубоко, на наш взгляд, это показано в работе Н. Д. Кондратьева «План и предвидение»³. В самом деле, воздействие государства на частнокапиталистическую экономику носит преимущественно косвенный, опосредо-

¹ См.: Большевик, 1927, № 13.

² См.: История политической экономии социализма, с. 195—196.

³ См.: Пути развития сельского хозяйства, 1927, № 2.

ванный характер. Системой разнообразных мероприятий (таможенная и тарифная политика, законодательства о союзах предпринимателей и т. п.) государство стимулирует приоритетное развитие одних отраслей хозяйства, одних форм его организации и, наоборот, ограничивает, сдерживает развитие других. Но при этом, как правило, мероприятия эти не являются административно-командными, ибо государство не выступает в роли непосредственного руководителя народного хозяйства.

Иначе — в условиях социализма. Здесь в руках государства сосредоточены все командные высоты (почти вся промышленность и транспорт, кредитная система и т. д.), и методы косвенного, опосредованного воздействия уступают место методам непосредственного руководства народным хозяйством. И даже несмотря на введение изпа и перевод государственных предприятий на хозяйственный расчет, оживляющих рыночные отношения, основные нити руководства работой государственных предприятий объединены в руках центральных органов экономической политики. В большей мере это относится к государственному сектору общественного хозяйства, но и кооперативный, и даже частный секторы испытывают на себе сильное воздействие со стороны центра, гораздо более сильное, чем в капиталистических странах.

Поэтому вполне естественно, что частнокапиталистическая экономика, построенная на принципе конкуренции, развивается прежде всего по стихийным законам рынка, играющего роль ее основного регулятора, но сочетаемого с системой косвенного государственного регулирования.

Сложнее, считает Кондратьев, экономика нашей страны. С одной стороны, принцип конкуренции сохраняется (особенно в сельском хозяйстве, торговле), а с другой — на авансцену выдвигается система централизованного государственного руководства народным хозяйством. Следовательно, налицо переплетение и сложнейшее взаимовлияние двух разнородных начал — стихийного, произрастающего из сферы конкурентно-рыночных отношений, и планового, базирующегося на государственной форме собственности на решающие средства производства.

Таким образом, плановое начало, по Кондратьеву, есть необходимое условие существования «нашего социально-экономического режима»¹. Отсюда вытекает исключительно большое значение планирования экономического развития страны. «Если более или менее крупный частный предприниматель, картель, трест и т. д. всегда имеет известный план ведения своего предприятия, если известный план воздействия на хозяйство имеет капиталистическое государство, то в

¹ Пути развития сельского хозяйства, 1927, № 2, с. 6.

наших условиях, как ясно из предыдущего, построение плана является одной из важнейших предпосылок управления хозяйством (курсив наш.—Авт.)»¹. Приведенные строки мало походят на приписывающие Кондратьеву положения, в которых «отрицается» необходимость планирования при социализме. Каким же видится ему план?

Выше мы отмечали, что представления Кондратьева о плане существенно отличались от телеологической концепции Кржижановского и тем более Струмилина. Отличия бросаются в глаза уже с самого начала, т. е. с того момента, когда авторы пытаются облечь свое понимание плана в какие-то лапидарные научные формулировки. И если для телеологов, как уже говорилось, план есть система целевых заданий (установок), имеющих чаще всего конкретное цифровое выражение, то для Кондратьева план есть прежде всего «система перспектив, реализация которых имеется в виде органами регулирования хозяйства»². К этой системе автор относит такие, например, перспективы, как рост продукции различных отраслей экономики, повышение производительности труда, изменения организационных типов сельского хозяйства, рост его товарности, кооперирования и т. д.

Казалось бы, разница в определениях настолько незначительна, что вряд ли достойна серьезного внимания. Но это лишь на первый взгляд. На самом же деле это два разных видения плана. В кондратьевской формулировке исчезли «задания», являющиеся не чем иным, как конкретными адресными «командами», спускаемыми сверху в различные звенья и уровни народного хозяйства. Вместо них появились «перспективы», выдвигаемые на основе познания общих тенденций хозяйственного развития.

Кондратьеву был чужд возводимый в абсолют телеологический метод построения хозяйственных перспектив, ставящий последние в исключительную зависимость «от наших более или менее отдаленных социально-экономических целей». Этот волюнтаристский метод делает плановые перспективы чаще всего нереальными. План же должен быть прежде всего осуществимым. Однако столь же неприемлемым был для Кондратьева и чисто генетический метод, делающий крен в противоположную сторону, вообще абстрагирующийся от целей движения и целиком уходящий в анализ возможностей стихийного развития хозяйства, экстраполируя выявленные тенденции настоящего на будущее. Неприемлемым потому, что перспективы в принципе не могут являться простым выражением «стихийно-необходимого хода событий».

Таким образом, подход Кондратьева к проблемам планирования весьма отличался от распространенных до сих пор толкований, кото-

¹ Пути развития сельского хозяйства, 1927, № 2, с. 6.

² Там же.

рым свойственна жесткая альтернативность по типу «или — или» (или телеология — или генетика). Конечно, пояснял ученый, желательные, целевые элементы в рамках возможного должны найти полное выражение. Но все же «только в рамках возможного, и не больше, ибо все, что оказалось бы сверх этой границы, оказалось бы в конце концов и нереальным и ненужным, вредным для практики планирования»¹.

Сегодня, по прошествии одиннадцати пятилеток, не приходится сомневаться в справедливости суждений Кондратьева. Всякий раз, когда при разработке планов игнорируется это положение и верх берет чрезмерная телеологическая увлеченность, проектируемые перспективы никак не согласуются с реально достижимыми результатами. Но действительность, в полном согласии с предупреждениями ученого, заставляла ценой тяжелой расплаты за ошибки сводить перспективы к реально достижимым рамкам.

Действительно, как часто лоцманы плановой экономики оказывались пустыми прожекторами. Разве не они выстраивали стройные ряды установок, в соответствии с которыми мы уже тогда, в 30-е гг., должны были «догнать и перегнать»? Разве не они же в начале 60-х рисовали пасторальные картины «светлого будущего», которого мы достигнем уже к началу 80-х? Нет, не с планами боролся Кондратьев, как это представляли вплоть до нашего времени его не знающие усталости в борьбе с фактами оппоненты. Боролся он с нереальными, телеологически сконструированными планами. И читателю нетрудно будет убедиться в этом, ознакомившись с помещенной в настоящей книге статьей Кондратьева, в которой дается глубокий критический анализ проекта первого пятилетнего плана.

Кондратьевское понимание плана комплексно, оно включает в себя телеологическое и генетическое начала, т. е. сводится к необходимости построения перспектив на основе учета определенных целей и пожеланий, а также на основе анализа объективной действительности и реальных плановых заданий, даже если они субъективно нас не очень удовлетворяют. Такая трактовка органично согласуется с высшеприведенными представлениями профессора Кондратьева о советской экономике, сочетающей в диалектически противоречивом единстве план и рынок, субъективные, сознательные устремления людей и объективные факторы развития. Таким образом, логическая структура процесса разработки плана, определения хозяйственных перспектив включает в себя анализ объективной действительности и тенденций ее развития, а также построение системы мероприятий и средств воздействия государства на ход этого объективного развития в целях направления его по «максимально желательному руслу».

¹ Пути развития сельского хозяйства, 1927, № 2, с. 7.

Итак, два начала — телеологическое и генетическое. Каково же относительное значение каждого из них? Какое из них должно превалировать? Если Струмилин, как было показано, на этот вопрос отвечает однозначно — телеологическое, то Кондратьев избегает такой прямолинейности. Однако, ратуя за синтетический подход, он всем ходом своих рассуждений «голосует» за *примат генетики, генетического метода построения плана*.

В самом деле, всякое телеологическое стремление изменить окружающую действительность неизбежно должно основываться на научном *предвидении* характера эволюции социально-экономических явлений действительности, вероятного хода их развития, а также того возможного эффекта, который дадут проектируемые регулирующие мероприятия. Поэтому выдвигаемые планом перспективы являются, конечно, директивами, которые мы даем или, точнее, принимаем на себя в организации наших мероприятий и действий. Но вместе с тем они, эти перспективы, «должны быть построены *одновременно* на основе известного *предвидения тенденций стихийного хода событий* и на основе *предвидения определенного эффекта* наших мероприятий, т. е. на основе предвидения, что эти мероприятия в общем могут быть выполнены, что, будучи выполнены, они дадут намеченный результат и что, следовательно, вложенная в перспективы директива будет осуществлена»¹.

Н. Д. Кондратьев, так же как и С. Г. Струмилин, совершенно ясно подчеркнул двойственный характер плана, представляющего собой единство императивного начала и индикативного предвидения. На этом, однако, сходство позиций авторов заканчивается. Если Струмилин (как, впрочем, и другие сторонники примата телеологического подхода над генетическим), сделав чрезвычайно важный вывод о тесном союзе предуказания и предвидения, очень быстро отступил от него в сторону идеи верховенства в этом союзе волевого, директивного момента, в сторону плана-задания, зависящего прежде всего не от научного сознания, а от искусства «планировщиков», то Кондратьев, также «перекрестившись на образ двуединства», наоборот, уверенно перенес акценты на план-предвидение, план-прогноз, извлекаемый именно научным сознанием из анализа объективного хода вещей.

Пожалуй, кондратьевская позиция, в которой ударения расставлены в соответствии с «генетической грамматикой», а также должное почтение отдано роли науки в процессе определения хозяйственных перспектив, обладает большей притягательной силой. План без предвидения, по мнению Кондратьева, ничто. А предвидение — это прежде всего научное знание. Здесь ученый полностью подтверждает

¹ Пути развития сельского хозяйства, 1927, № 2, с. 11.

знаменитую формулу французского философа Огюста Конта: знать, чтобы предвидеть, предвидеть, чтобы управлять. Она превосходно отражает мысль Кондратьева: планировать, как и в целом управлять, нельзя без предвидения, но последнее возможно только на прочном фундаменте знания. В противном случае неизбежно вырождение предвидения в простое и необоснованное пророчество.

Отталкиваясь от этой исключительно важной методологической посылки, Кондратьев призывает к изучению *связей и закономерностей* реальной действительности — чем большее количество связей и закономерностей будет научно установлено, тем большие возможности открываются для предвидения. Рассуждения Кондратьева о постановке планирования на научные рельсы, о его опоре на экономическую теорию красноречиво свидетельствуют о дальновидности автора. В этих рассуждениях — прямые указания на наличие объективных законов, действующих не только в капиталистической экономике.

Восстановим ситуацию, сложившуюся в тот период в политической экономии социализма. К этому времени она определилась довольно четко. Подавляющее большинство советских экономистов отрицало саму возможность действия объективных законов в наших условиях, когда производственные отношения становятся «чистыми» и «прозрачными». Кондратьев же не только признавал наличие объективных закономерностей, но и сделал интересную попытку их классификации на статические и динамические (т. е. наблюдающиеся в «ходе событий во времени»), каузальные (причинно-следственные), обязательные (всегда при наличии соответствующих условий) и эмпирические (допускающие различные отклонения и исключения) закономерности. «...Мы обладаем,— писал он,— наибольшими возможностями предвидения именно в тех областях, где наука располагает достаточным количеством установленных точных и научно истолкованных связей и закономерностей. Такова область точного естествознания, как физика, химия, астрономия и т. п.»¹. Конечно, гораздо сложнее обстояло дело в области общественно-экономической жизни, где значительно меньше установленных связей и закономерностей и они не всегда поддаются точному количественному выражению. Следовательно, здесь возможности предвидения заключены в довольно узкие пределы. Однако с развитием научного знания об объективных социально-экономических процессах они, несомненно, будут расширяться. При этом важно, чтобы они не отрывались от объективной научной почвы.

Как с сожалением отмечает Кондратьев, в плановой работе вообще наблюдается необычайная смелость (которая, добавим, была

¹ Пути развития сельского хозяйства, 1927, № 2, с. 12.

свойственна представителям телеологической школы и с годами отнюдь не убывала). Что имел в виду ученый? Прежде всего, постановку в планах таких сложных задач, разрешение которых при данном уровне знаний невозможно. Расчет ведется порой на такие отдаленные сроки, сквозь которые анализ не в состоянии пробиться. Но тем не менее это обстоятельство не становится отпугивающим. Несмотря на него, хозяйствственные перспективы все же, как правило, принимают однозначную количественно-конкретную форму выражения. Даже те явления, которые по существу своему не регулируемы, в высокой степени изменчивы (например, конкретные размеры урожая на определенную дату или конкретные размеры экспорта на определенный момент времени, приток вкладов и т. п.), облекаются в жесткую цифровую оболочку, причем делается это в чрезвычайно детальной форме. Кроме того, также детально, на длительный срок проектируется и система необходимых мероприятий. «При этом,— подчеркивал Кондратьев,— достаточного анализа, что эту систему мероприятий можно осуществить, что, будучи осуществлена, эта система даст именно ожидаемый результат,— в большинстве случаев нет»¹. В итоге хозяйственные органы захлестывают своего рода «стихия плановой работы». Например, напечатанный перспективный план развития сельского хозяйства Сибирского края содержал 792 с., Томской губернии — 718 с., а Северного Кавказа — 1877 с. И все это с головоломными исчислениями! Не скажешь, что тревога Кондратьева по данному поводу была надуманной. Жизнь постоянно и неумолимо опровергает значительную часть цифровых «карточных домиков», доказывая нам, что построены они на зыбучем песке. И тем не менее уроки эти впрок не идут. Все неудачи, как правило, объясняются не тем, замечает Кондратьев, «что мы находимся под гипнозом цифр и арифметики, а тем, что мы еще недостаточно полно охватываем в количественных выражениях все элементы народного хозяйства, недостаточно увязываем все их между собой»². Просто не верится, что эти строки писались в 1927 г., когда серьезных уроков было еще не столь уж много. Ведь заря административного планирования лишь занималась.

В этой же связи уместно подчеркнуть, что в отличие от Струмилина, Кржижановского и других экономистов Кондратьев не усматривал в балансовом методе панацею от подобного рода болезней системы регламентированных плановых заданий, не разделял их абсолютной веры в балансовую увязку, которая, по его мнению, может гарантировать лишь согласованность между собой проектируемых темпов развития отдельных отраслей. Но она никак не гарантирует, да и не может гарантировать, осуществимости спроектированной мо-

¹ Пути развития сельского хозяйства, 1927, № 2, с. 17.

² Там же, с. 22.

дели будущего народного хозяйства. По-видимому, здесь с ученым следует согласиться. Балансовый метод — крупное достижение плановой мысли, и в плановой работе он совершенно необходим. Однако, подчеркивал Кондратьев, увлечение его использованием чревато еще большей фетишизацией цифр, еще большей переоценкой наших возможностей, еще большей опасностью власть в самообман, самогипноз.

Для характеристики взглядов Кондратьева особый интерес представляют сделанные им в статье «План и предвидение» выводы, содержащие в себе квинтэссенцию теоретической концепции автора:

1. Научно обоснованные планы предполагают решительный отказ от введения в них произвольных параметров. Пусть они станут «беднее и скромнее», но зато реальнее.

2. Необходимо незамедлительно и категорически отказаться от фетишизации цифр. Речь идет не о неприменимости количественных плановых оценок вообще. Они должны иметь место, но в том объеме и в той форме, на которые в каждом данном случае имеются достаточно серьезные научные основания. Значительная же часть количественных расчетов должна быть исключена из перспективных планов, оставаясь только в оперативных планах. «Нуждается ли практика планирования действительно в том, чтобы в перспективных планах было подсчитано, какие будут цены на отдельные культуры через 5—10 лет, какова будет тогда урожайность культур с десятины, каков будет тогда же приток вкладов в банки и т. д. и т. д.? Конечно, было бы лучше знать все эти явления в их будущем количественном выражении. И конечно, если бы мы могли научно обоснованно сказать об этом, мы бы должны были это сделать. Но если мы сделать этого не можем, если мы можем лишь подменить такой научно обоснованный прогноз субъективными, идущими часто от темперамента предположениями, то какое значение они могут иметь для практики?.. При этих условиях... практика прежде и больше всего нуждается... в том, чтобы иметь серьезную и действительно обоснованную экономическую ориентацию в общих и основных линиях развития народного хозяйства»¹. Столь обширной цитатой мы хотим как можно более точно передать дух и букву кондратьевского понимания плана.

К сожалению, очень часто планы являются собой произвольные комбинации, бессодержательный набор мертвых статистических таблиц с «краткими пояснениями» к ним. Не этим ли объясняется, что их начинают пересматривать раньше, чем успели завершить их построение?

3. Поскольку доступное количественное предвидение будущего всегда приблизительно, то во избежание ошибок на практике следует

¹ Пути развития сельского хозяйства, 1927, № 2, с. 32—33.

давать цифровое выражение предположений не однозначно точным, а всегда с указанием приблизительной вероятной ошибки. Это положение перекликается с изложенной выше трактовкой «артиллерийской вилки» Кржижановского.

4. Составляемые планы не должны быть строгой «казенной» директивой. «Они должны пониматься как основная указующая директива, требующая от практики максимальной творческой гибкости в смысле учета конкретных условий работы и получения наибольших результатов»¹.

5. Операционные, среднесрочные и долгосрочные планы обязательно должны отличаться друг от друга не только по своему горизонту, но и по степени детализации и конкретизации цифровых расчетов.

6. При построении перспективных планов преимущественное внимание должно быть обращено на углубление экономического изучения действительности, позволяющее выяснить закономерные тенденции развития всего нашего хозяйства, а также его различных отраслей и регионов.

7. Составление перспективных планов должно быть делом лиц высокой квалификации и специальной научно-практической подготовки. Нецелесообразно заставлять «местных агрономов, местных инженеров и других работников всех губерний и областей писать трактаты о влиянии мирового и национального рынков и т. д. на развитие их края»². Вместе с тем опыт местных работников должен быть широко использован путем совместного решения с ними местных проблем. На основе широкого использования этого опыта составление перспективных планов должно быть сосредоточено в центре. Что же касается оперативных планов, призванных конкретизировать перспективы и систему мероприятий применительно к условиям данного года, данного района или данной отрасли, то работа над ними требует безусловного участия непосредственных работников мест.

Таким, по мнению Кондратьева, должен быть тип социалистического планирования. Читатель, конечно, самостоятельно определит, насколько добросовестны обвинения в адрес этого ученого, сделанные и в 20-е, и в последующие годы. Изложенное выше убедительно свидетельствует как раз об их абсолютной беспочвенности. Кондратьев сформулировал чрезвычайно плодотворную концепцию планирования, отличную от представлений сторонников телеологического подхода, и его опубликованный в настоящем издании критический анализ госплановского проекта первого пятилетнего плана осуществлен в полном согласии с этой концепцией.

¹ Пути развития сельского хозяйства, 1927, № 2, с. 34.

² Там же.

Здесь Н. Д. Кондратьев шаг за шагом выявляет внутреннюю противоречивость и необоснованность проекта, произвольность и нереалистичность многих его показателей, которые тем не менее должны будут стать директивными заданиями. Но этот внимательный, скрупулезный анализ не был встречен с должным пониманием. Наоборот, разгневанные составители пятилетнего плана проклянут автора этого анализа, предадут его полной анафеме.

Возможно, и даже очевидно, что кондратьевская трактовка не была свободна от каких-либо слабостей. Да бывают ли безупречные представления и кто может выступить в роли абсолютно объективного арбитра? Поэтому вряд ли следует, даже учитывая мученический ореол, справедливо окружающий сегодня Кондратьева, представлять его ученым — хранителем «священного огня», которому была видна вся истина. Нельзя не обнаружить, например, в его концепции элементы своеобразного фатализма, крайности, противоположной по своему характеруteleологическому волюнтаризму и субъективизму. В кондратьевском видении просвечивается некая экономическая покорность, обреченность, суть которой заключается в том, что в прошлом неизбежно заключен генетический код будущего. Иными словами, будущее всегда обусловлено прошлым, и, следовательно, самое важное сводится к расшифровке этого кода развития.

Главная ошибка здесь, на наш взгляд, состоит в том, что из таких представлений неизбежно вытекает вывод о безальтернативности общественно-экономического развития, невозможности серьезно повлиять на него. Эта посылка недостаточно учитывает ту активную преобразующую роль в развитии объективных процессов, которую играет субъективный фактор. Разумеется, как уже говорилось, нельзя преувеличивать значимость последнего, но и игнорировать его — столь же опасное заблуждение. Общественно-хозяйственная жизнь сложна, а сочетание объективных закономерностей и субъективного фактора в ней всегда обеспечивает определенную «развилку» путей развития.

Но в целом систему планирования в кондратьевской концепции следует признать более обоснованной в научном отношении и уж конечно неизмеримо более мобильной и гибкой, чем в струмилинской. Такая система позволяет органично учитывать конъюнктуру, цены, хозрасчет, не деформируя административными приказами рынок, не сжимая в железных объятиях директив творческую самостоятельность и инициативу хозяйственных звеньев.

Кондратьев, как отмечалось, в отличие от представителей teleологического направления с одобрением встретил новую экономическую политику. Стремительный взлет народного хозяйства он связывал прежде всего с решительным введением в практику хозяйствования экономических методов управления, хозяйственного расчета,

Внезэкономические рычаги, директивное планирование, административное установление цен, по его мнению, искажают тонкий рыночный механизм регулирования, вступают в резкое противоречие с объективными законами товарно-денежных отношений, провоцируют возникновение диспропорций в развитии отдельных отраслей и затрудняют их же выявление, ослабляют возможность установления правильного соотношения между товарной и денежной массой. С активизацией рыночных отношений связывал Кондратьев и развитие сельскохозяйственного производства, прогрессивное усиление товарности крестьянского хозяйства, укрепление в этой связи экспортных возможностей страны и на этой основе осуществление главной стратегической задачи, стоявшей перед страной,— индустриализации народного хозяйства.

Индустриализация — основное звено первого пятилетнего плана. Обстоятельно анализируя проект плана, Кондратьев высказал ряд резких критических замечаний по нему. Вряд ли целесообразно воспроизводить их здесь, поскольку читатель имеет возможность познакомиться с самой статьей Н. Д. Кондратьева, вызвавшей взрыв негодования.

Что же вывело из себя Струмилина? Почему он окрестил профессора Кондратьева малопочтенным прозвищем «эпигон народничества» (себя он именовал «планировщиком-коммунистом»)? Да потому прежде всего, что Кондратьев усомнился в реальности запроектированных темпов развертывания промышленности, которые, как он «подозревает», могут быть поддержаны лишь за счет сугубого истощения жизненных соков деревни. Тревога Кондратьева за судьбы крестьянства и роднила его, по мнению Струмилина, с идеологией народничества. «И в интересах очищения общественной атмосферы от всяких демагогических миазмов мы должны серьезно посчитаться с этой кампанией»¹,— призывал «планировщик-коммунист». Слов на ветер он не бросал и с «непрошенными радетелями деревни» действительно свел счеты.

Особую ярость Струмилина вызвало замечание Кондратьева по поводу необоснованности цифр, характеризующих размеры накопления. «...В проектировке накоплений,— настаивал Струмилин,— мы считаем возможным не только путь предвидения, но путь *предуказаний* (курсив наш.—Авт.)»². Иначе говоря, произвол в планировании Струмилин стремился узаконить. Важно ведь захотеть — вера горы двигает.

Все опасения Кондратьева телеологи считали совершенно напрасными и необоснованными. Никто, оказывается, вовсе не собирается

¹ Струмилин С. Г. Индустриализация СССР и эпигоны народничества.— Плановое хозяйство, 1927, № 7, с. 9.

² Там же, № 8, с. 16.

осуществлять индустриализацию за счет деревни и не нуждается в ее жертвах. Более того, индустриализацию следует рассматривать как благо, отвечающее интересам деревни. В самом деле, умножая и удешевляя товары, направляемые в деревню, расширяя рынок для товарной продукции деревни и для поглощения аграрного перенаселения, индустриализация является «лучшим залогом плодотворности наших забот о деревне». Какой лучезарный взгляд на индустриализацию!

«...Мы не только строить социализм за счет деревни не собираемся, не только ни одного миллиона на индустриализацию не извлекаем из деревни, но даже из затрат на такие общегосударственные нужды, как оборона страны, администрация, суд и т. д., ни одного гроша на деревню не перелагаем»¹, — так безмятежно-идиллически писал Струмилин в середине 1927 г., раздраженно «отмахиваясь» от тревожных подозрений Кондратьева. До «великого перелома» осталось около двух лет...

Сегодняшнему читателю, уже владеющему объективной информацией о трагедии «великого перелома», вряд ли следует рисовать здесь ее детальную картину. Да, Кондратьев оказался «ясновидцем» — на алтарь индустриализации были принесены ненчислимые жертвы. Конечно, мы не можем обвинять Струмилина в заведомой лжи. Не мог же он, в самом деле, знать, что будет «великий перелом», а вслед за ним — в мирное время — великий голод. И все же... Ведь Кондратьев предостерегал. Например, предсказал, что к 1930/31 г. в стране образуется дефицит продуктов питания². Но его голос оставался гласом вопиющего в пустыне. Действительность, однако, намного превзошла основанные на расчетах опасения ученого. Миллионы жертв. «Сталин разгромил во время своей коллективизации не менее трех миллионов крестьянских дворов (т. е. 11—12 процентов от всего их числа), уничтожив физически или морально в несколько раз большее количество людей»³. Так сама жизнь разрешила и этот научный спор.

Нет, не суждено было воплотиться «тлетворным идеям» Н. Д. Кондратьева, вобравшим в себя его «кулацкую, вражью сущность». Струмилинская концепция преодоления несоциалистических элементов хозяйственного механизма (товарно-денежных отношений, законов рынка) восторжествовала. Но победа административной системы, победа Струмилина и его соратников-teleологов не есть ли

¹ Струмилин С. Г. Индустриализация СССР и эпигоны народничества.— Плановое хозяйство, 1927, № 8, с. 18.

² См. настоящее издание, с. 95.

³ Лисичкин Г. Миры и реальность.— Новый мир, 1988, № 11, с. 172.

пиррова победа? В противном случае как объяснить, что, избавившись уже несколько десятилетий тому назад от «буржуазных» идей плана-предвидения, преодолев рыночные методы хозяйствования и установив безраздельное господство Его Величества Директивного Плана, мы, рискуя получить увечья, по-прежнему выставляем в километровых, унижающих человеческое достоинство очередях? Ведь, казалось бы, все, абсолютно все сделали «по Струмилину» тогда и делали впоследствии.

Неужели все это результат того, что до сих пор нам мешают кондратьевские идеи? Вряд ли. По нашему глубокому убеждению, и мы повторим его вновь, это — результат победы телеологических идей в социалистическом планировании. И мы полностью солидаризируемся с выводом Л. Пияшевой: «Струмилинский курс на повышение не может длиться вечно. И в мире идей есть свои закономерности и свои циклы. А в мире науки — торжество Истины»¹. В нашей революционной перестройке хозяйственного механизма выдающийся русский и советский ученый-экономист Николай Дмитриевич Кондратьев — с нами. Он напоминает, советует, предупреждает.

¹ Пияшева Л. Тяжелая колесница истории проехала по нашему поколению.—Дружба народов, 1988, № 7, с. 193.

Н. Д. Кондратьев

КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О ПЛАНЕ РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА¹

В третьем номере «Планового хозяйства» за 1927 г. опубликован ряд статей, в которых излагаются основные данные пятилетнего перспективного плана развития народного хозяйства СССР². Опубликованные материалы перспективного плана еще далеко не полны и не позволяют в достаточной мере уяснить все содержание огромной работы, произведенной Госпланом, а также все приемы и основания предлагаемого построения. Вероятно, в ближайшее время Госплан опубликует более подробный материал к построению плана. И нужно думать, что тогда некоторые недоуменные вопросы, возникающие при чтении опубликованных статей, выяснятся³. Тем не менее основные положения перспективного плана, выдвигаемого Госпланом, уже наметились. С другой стороны, вопросы, затронутые этим построением, настолько существенны, что представляется целесообразным остановиться на них, не дожидаясь выхода более подробных материалов.

Данная статья и посвящена разбору построений Госплана⁴. Однако мы не имеем в виду входить в ней

¹ В дискуссионном порядке. Ред.

² Мы имеем в виду статьи: Г. М. Кржижановского, «К построению перспективной пятилетки»; С. Г. Струмилина, «К перспективной пятилетке Госплана на 1926/27—1930/31 гг.»; В. Р. Чернышева, «К вопросу о методологии планирования»; Г. М. Кржижановского и А. А. Горева, «Перспективный план электрификации на ближайшие пять лет»; И. А. Калинникова, «Основные элементы и показатели развертывания промышленности на пятилетие 1926/27—1930/31 гг.»; М. И. Боголепова, «Финансовые перспективы пятилетия 1926/27—1930/31 гг.»; Н. М. Вишневского, «К вопросу о развитии сельского хозяйства СССР»; С. В. Бернштейн-Когана и И. К. Либина, «Основные положения перспективного плана транспорта на 1926/27—1930/31 гг.».

³ Когда эта статья поступила в редакцию, том материалов Центральной комиссии под ред. С. Г. Струмилина, посвященный перспективам развертывания народного хозяйства СССР на пятилетие, заканчивался печатанием. В настоящее время он уже вышел из печати. Ред.

⁴ При составлении ее автору весьма большую помощь оказали Я. П. Герчук, Г. И. Михайлов и П. М. Анциферов.

в исчерпывающий разбор этих построений. Едва ли кто будет спорить, что основной проблемой развития нашего народного хозяйства на ближайшее время является проблема взаимоотношения индустрии и сельского хозяйства, города и деревни и, соответственно, рабочего класса и крестьянства. Основное и руководящее значение этой проблемы с полной определенностью было подчеркнуто как во вступительной речи Председателя Госплана Г. М. Кржижановского на недавно закончившемся Съезде Президиумов Госпланов, так и в развернувшихся на съезде прениях по вопросу о перспективном плане.

Исходя из этого, кроме некоторых методологических вопросов, в данной статье мы намерены затронуть преимущественно те элементы построения Госплана, которые имеют ближайшее отношение к проблеме взаимоотношения индустрии и сельского хозяйства. Так как наиболее общей статьей из всех опубликованных материалов Госплана является статья С. Г. Струмилина, то в дальнейшем мы будем иметь в виду главным образом ее, привлекая другие материалы лишь в меру необходимости¹.

Для того чтобы сделать дальнейшие критические замечания возможно более ясными, представляется необходимым остановиться предварительно на некоторых исходных методологических положениях.

Прежде всего, как понимается существо перспективного плана его авторами, и в частности С. Г. Струмилиным? Нельзя сказать, чтобы его мнение по этому вопросу было вполне ясно. Оно во всяком случае двойствено. Действительно, на стр. 21 С. Г. Струмилин пишет: «И если всякий план представляет собою известную комбинацию из элементов *предвидения* объективно неизбежного и *проектировки* целесообразного с точки зрения наших субъективных социально-классовых устрем-

¹ Эти другие статьи являются развитием статьи С. Г. Струмилина. Естественно было бы ожидать, что поэтому приводимые в них расчеты не могут расходиться с расчетами С. Г. Струмилина. К сожалению, это требование выдержано не всегда, что затрудняет критический анализ построений.

лений, то в годовых планах первое место принадлежит предвидениям, а в многолетних — предуказаниям».

Таким образом, С. Г. Струмилин утверждает, что наши планы неизбежно содержат в себе, с одной стороны, элементы предвидения, с другой — элементы проектировки заданий или директив. Почему же те или другие элементы неизбежно присущи плану? Чтобы выяснить это, необходимо понять, в каком отношении друг к другу стоят указанные элементы. Тот же С. Г. Струмилин на стр. 22 пишет: «Конечно, эти задания должны быть... в достаточной степени реальны, для чего их необходимо во всех частях согласовать между собою *цепной связью взаимной их зависимости* и строго сообразовать с наличными ресурсами страны и реальными возможностями ее развития». Таким образом, ясно, что, по мнению автора, наши задания или директивы не могут быть совершенно произвольными, что они должны быть достаточно связаны между собою и строго согласованы с реальными ресурсами страны, с реальными возможностями ее развития.

Но что значит согласовать наши задания с реальными ресурсами страны, с реальными возможностями ее развития? С. Г. Струмилин не анализирует этого вопроса. Но на этот вопрос можно дать только один ответ. Наши задания относятся к будущему. Они указывают, в каком направлении должны развиваться наши сознательные усилия и мероприятия. Наши усилия и мероприятия для реализации заданий могут сделать многое. Но все же они не всесильны. Они будут развиваться в конкретной объективной обстановке будущего, в которой огромное значение имеют чисто стихийные процессы. И действительный результат, к которому приведут наши усилия и мероприятия, определится сочетанием нашего действия и действия объективной среды, в которой они будут протекать. Но если это так, то наши задания будут реальны лишь в том случае, если они *отобразят в себе именно эти действительные результаты, которые могут быть достигнуты нашими усилиями, протекающими в конкретной объективной обстановке*. При каких же условиях мы можем отобразить в наших плановых заданиях именно эти действительные результаты наших действий? Очевидно, что мы можем отобразить их лишь в том случае, если, формулируя задания, мы примем во внимание не только наши цели, но с мак-

симальной полнотой учтем: 1) объективное положение окружающих хозяйственных условий, 2) вероятные тенденции их развития, 3) вероятные ресурсы и возможности нашего воздействия на процесс хозяйственного развития, 4) наконец, вероятные результаты нашего воздействия на него. Но что значит учесть вероятные тенденции изменения условий, вероятные ресурсы и возможности нашего воздействия на процесс хозяйственного развития и, наконец, вероятный результат такого воздействия? Это значит, что в указанных направлениях мы должны располагать не только знанием настоящего, но и известным *предвидением будущего*, так как только при наличии некоторого предвидения мы можем говорить о вероятных тенденциях развития хозяйства, о вероятных возможностях нашего воздействия на него и о вероятных результатах такого воздействия. Отсюда ясно, что наши плановые задания, если они хотят быть реальными (а только о таких заданиях и стоит серьезно говорить), действительно органически связаны с элементами некоторого предвидения и его предполагают¹.

И если С. Г. Струмилин действительно думает, что наши задания, как он говорит, должны быть реальными, то у него, очевидно, нет оснований возражать против сделанных нами выводов.

И, однако, это, по-видимому, не совсем так. Дело в том, что его представление о плане, которое было выявлено выше и по которому план неизбежно содержит в себе элементы как предвидения, так и заданий или директив, очень скоро вытесняется другим представлением, существенно отличным от первого.

Почти на тех же и частично именно на тех же страницах своей статьи С. Г. Струмилин проводит аналогию между плановым строительством и обычным строительным искусством. Многие задачи строительного искусства, пишет С. Г. Струмилин, теоретически неразрешимы, между тем практически они разрешаются с достаточным для жизни приближением. Причем всякая задача строительного искусства может получить несколько решений: «Всегда может прийти другой инженер и дать новый проект, еще более эффективно и изящно разрешающий ту же задачу» (стр. 17). Это зависит от его

¹ См. об этом нашу статью «План и предвидение» («Пути развития сельского хозяйства», № 2 за 1927 г.).

творческих способностей. Нечто аналогичное, полагает С. Г. Струмилин, мы имеем и при построении планов, или, как он выражается, в социальной инженерии. Здесь также задача планового хозяйственного строительства может иметь не одно, а несколько решений. Здесь также многие задачи представляются строго теоретически неразрешимыми, но практически они разрешаются достаточно удовлетворительно, если мы, подобно инженерам, встанем на путь методов «инженерной проектировки новых социальных конструкций...» (22). В прямой связи с этим С. Г. Струмилин далее пишет: «Наши планы строятся не для более или менее беспочвенных гаданий и знахарских предсказаний о том, что будет через пять или десять лет, а прежде всего для создания определенной *системы хозяйственных заданий* в области социалистического строительства» (*ibid.*). И эти наши задания «все же... только задания, а не предсказания» (*ibid.*). Таким образом, признав, что во всяком плане есть не только проектировка задания, но и предвидение, буквально на тех же страницах, увлеченный аналогиями строительства планов с инженерным искусством, С. Г. Струмилин определенно разделяет плановые задания и предвидение и прямо противопоставляет их друг другу. Совершенно ясно, что это уже совсем другое направление в понимании плана, чем то, которое им же было формулировано выше. Что же означает это другое направление в понимании плана?

Проводя аналогию между плановым строительством и искусством инженерно-технического строительства, С. Г. Струмилин до известной степени прав. Но только до известной степени. Верно, что различные инженеры-техники ту же строительную задачу могут разрешить различно. Но как бы она ни разрешалась ими, во всех случаях различие решений задачи будет касаться лишь способов комбинации элементов строительных материалов и средств, которые потребуются для осуществления строительства. Инженеру-технику при этом не приходится решать самому задачу о том, будут ли, и если будут, то в каком количестве, элементы строительных материалов и денежные средства: эти величины он берет или как данные, или как заданные. Именно этого нет при хозяйственno-плановом строительстве. При плановом строительстве нам приходится решать задачу не только о наилучшей комбинации имеющихся хозяйствен-

ных элементов, но и вопрос о том, в каких размерах и в каком виде эти элементы будут даны или могут быть обеспечены в настоящее время и в будущем (например, накопление, емкость рынка и т. д.). Эти элементы построения мы не можем и не имеем права брать как данные или заданные. Мы должны их еще определить по совокупности условий. Определить же их без понимания реальных условий и без всякого прогноза будущего мы не в состоянии. Вот почему, если мы хотим, чтобы наши задания или наши конструкции нового будущего были действительно реальными, мы не можем оторвать их от предвидения.

И если С. Г. Струмилин, увлекаясь аналогией с инженерно-техническим искусством, такой разрыв провозглашает, если он призывает к использованию «методов инженерной проектировки» при построении планов, то это значит, что он упрощает задачу построения планов, это значит, что он готов считать данными или заданными такие элементы, которые таковыми считать никак нельзя и которые еще предстоит определить. Это значит, что он разрубает нить между своими проекциями и действительностью. Отсюда остается уже только один и притом небольшой шаг к построению совершенно произвольных плановых конструкций.

Из предыдущего ясно, что разобранное другое понимание плана, выдвигающее в планах только момент заданий, проектировки и противополагающее его предвидению, может легко стать основой для падения интереса к вопросу о реальности, осуществимости этих заданий и проектов. Из предыдущего видно, что мысль С. Г. Струмилина о сущности плановых построений действительно идет как бы по двум различным линиям. Впрочем, он на этом не успокаивается и скоро делает усилие снова встать на одну линию. Действительно, непосредственно за приведенными выше словами, что наши задания есть «все же... только задания, а не предсказания», он уже пишет: «В процессе строительства мы в любой момент сможем в случае нужды сменеврировать сообразно обстановке момента и изменить их (т. е. задания. — Н. К.) в той или иной части. Вот почему в этом *предвидении* мы отнюдь не гарантируем стопроцентного выполнения наших перспективных планов в заранее установленные календарные сроки»¹. Та-

¹ Курсив наш.

ким образом, ясно, что в последних словах автор говорит о заданиях уже просто как о предвидении, т. е. говорит даже больше, чем нужно. Но как бы то ни было, здесь он уничтожает разрыв заданий и предвидения и тем возвращается к своей первой позиции в понимании сущности плана. При этом, конечно, он прав, что, говоря о предвидении в планах, мы не можем гарантировать точности этого предвидения на сто процентов.

Итак, с одной стороны, как будто ясно, что план является системой заданий, но сама система этих заданий строится на основе известного предвидения хода действительности, протекающего при условии наших сознательных воздействий на нее.

С другой стороны, не менее ясно, что С. Г. Струмилин готов к чисто инженерной проектировке нового социально-экономического будущего, готов формулировать систему плановых заданий, отрывая их от «гаданий и предсказаний о том, что будет», т. е. в конечном счете готов пройти мимо вопроса обоснования *реальности* своих построений. И если в пределах вводных замечаний статьи автора трудно решить, какое же направление его мысли является господствующим, если мы готовы сказать, что здесь побеждает в конце концов первое, т. е. верное, направление ее, то приходится признать, что в дальнейшем, когда он переходит к действительному построению плана, господствующее значение приобретает именно второе, «инженерное» направление в его понимании плана.

II

Спрашивается теперь, какие же общие задачи и какие общие критерии мы должны иметь в виду, когда строим перспективные планы и формулируем ту систему заданий, природу которых мы только что выясняли? На этот вопрос автор отвечает следующим образом: «В наиболее общей форме задача построения перспективного плана народного хозяйства СССР в настоящий момент может быть сформулирована как задача такого *перераспределения* наличных производительных сил общества, включая сюда и рабочую силу, и материальные ресурсы страны, которое в *оптимальной* степени обеспечивало бы бескризисное расширенное воспроизводство этих производительных сил *возможно быстрым темпом*.

в целях максимального удовлетворения текущих потребностей трудящихся масс и скорейшего приближения их к полному переустройству общества на началах социализма и коммунизма» (17).

В этих словах общая задача построения перспективного плана сформулирована автором достаточно отчетливо. Формулируя ее, он тем самым с полной определенностью дает и те критерии, которым должен удовлетворять перспективный план, в том числе, очевидно, и прежде всего план, построенный им самим. Согласно приведенной формулировке этот план, *во-первых*, должен обеспечить бескризисное расширенное воспроизведение производительных сил народного хозяйства; *во-вторых*, он должен обеспечить максимальный темп их развития; *в-третьих*, он должен обеспечить максимум удовлетворения текущих потребностей масс; *в-четвертых*, он должен обеспечить скорейшее приближение к переустройству общества на началах социализма и коммунизма. Чтобы вести свою критику *имманентно* построениям автора, в дальнейшем мы будем оперировать при оценке выдвинутого Госпланом проекта плана именно этими критериями.

Но если общая задача построения перспективного плана такова, как она была только что очерчена, то какое же перераспределение производительных сил С. Г. Струмилин считает наиболее целесообразным и возможным на ближайшие пять лет? Он считает наиболее целесообразным такое перераспределение производительных сил, которое обеспечило бы наибольшую возможность индустриализации страны в ближайшее время (24). Против ставки на индустриализацию как таковой, конечно, не может быть никаких возражений. Индустриализация страны — и это подтверждается исторически — является необходимой предпосылкой повышения производительности всего народного хозяйства и повышения уровня благосостояния масс. Неоспоримо прогрессивное значение индустриализации в особенностях должно быть подчеркнуто в аграрно перенаселенных странах, к числу которых до известной степени можно отнести и СССР, так как индустриализация таких стран является важнейшим методом преодоления аграрного перенаселения. Значение индустриализации у нас вытекает также из особенностей нашего социального строя и нашего международного положения.

Однако при построении плана вопрос сводится *не к тому*, чтобы провозгласить ту или иную *ставку*, а к тому, чтобы, как справедливо указывает сам С. Г. Струмилин, *дать ей конкретное выражение* (22).

Какое же конкретное выражение дает этой ставке автор? Ответ на этот вопрос мы получаем из следующих немногих цифр. Согласно проекту С. Г. Струмилина физический объем с.-х. производства, включая лесное хозяйство, рыболовство и охоту, возрастает за 5 лет на 24,1%. В то же время физический объем промышленного производства, включая суда и кустарно-ремесленную промышленность, возрастает на 69,3%, а физический объем производства фабрично-заводской промышленности возрастает даже на 76,7%. Новые постройки и капитальный ремонт без сельского строительства расширяются на 184,7%. Соответственно со всем этим процент городского населения увеличивается с 17,5% в 1926 г. до 18,8% в 1931 г. Производительность индустриального труда вырастает на 49%. Общий реальный народный доход возрастает на 45,2%, доход от сельского хозяйства — на 24,3%, а от промышленности — на 74,5%. Уровень благосостояния всего населения в среднем возрастает на 31%, уровень благосостояния рабочего класса — на 50%, всего городского населения — на 37,5%, а сельского — на 30%. Общая сумма накопления в народном хозяйстве по государственному сектору возрастает на 93%, новые вложения и капитальный ремонт расширяются на 146%, а вся сумма вложений с оборотными фондами — на 107,3%. Из общей суммы капитальных вложений за 5 лет в 17,6 млрд. руб. на долю промышленности падает 32,3%, на долю транспорта — 28,2%, на долю электрификации — 7,6%, на долю сельского хозяйства — 6,8%. Эти немногие суммарные цифры дают общее представление о намечаемом размахе развития народного хозяйства и о проектируемом перераспределении производительных сил.

Они позволяют признать, что *проект плана достаточно резко проводит ставку на индустриализацию страны*.

III

Выше мы выяснили исходные положения в понимании сущности плана, охарактеризовали словами самого автора основные задачи плана и наметили в общих и основных чертах конкретное содержание выдвигаемых им

перспектив. Обращаясь теперь к критическим замечаниям по адресу предлагаемых построений, прежде всего подчеркнем следующее. В проекте плана, выдвигаемого Госпланом, все перспективы даны в точных числовых выражениях. Здесь даются цифровые характеристики не только продукции через 5 лет, но и числовые же характеристики накопления, вложений, емкости рынка, перенаселения, эмиссии и т. д. Причем многие числовые характеристики выражены не только в сумме за 5 лет, но и погодно.

Против чисевой характеристики перспектив принципиально возражать, конечно, не приходится. Но совершенно ясно, что такие числовые характеристики имеют значение, полезны и их следует давать лишь при том условии, если они скрывают за собой определенный экономический смысл, если они экономически действительно достаточно обоснованы, если при их обосновании был использован правильный метод. При отсутствии этих условий стройный ряд цифр остается только рядом цифр, не больше. И если при отсутствии этих условий мы придаем цифрам большее значение, то нам угрожает опасность «статистического фетишизма», который может весьма дорого обойтись той практике планирования, которая попыталась бы так или иначе опереться на цифры перспективного плана.

Подходя с этой точки зрения к построениям Госплана, нужно определенно признать, что все опубликованные материалы, за небольшими исключениями, почти совершенно не дают тех методов и оснований, по которым задания на будущее рисуются именно приведенными в плане, а не иными цифрами. Так, они не дают оснований, почему промышленная продукция возрастет на 69,3%, а сельскохозяйственная — на 24,1%. Они не дают оснований, почему накопление возрастает на 93%, а производительность промышленного труда поднимается на 49% и т. д. Правда, некоторые производные цифры плана легко понять из других, основных цифр. Так, легко понять, почему при взятом темпе роста продукции, народного дохода и населения доход на душу будет именно тот, который рисуется планом, а не другой. Но дело заключается в том, что неясны основания расчетов как раз основных цифр, из которых получаются эти производные расчеты. Опубликованные материалы скорей декретируют эти цифры, не обосновывая их.

На это нам могут указать, что в опубликованных материалах все же имеются некоторые указания на метод и основания построения плана. Так, мы находим там указания на отказ от метода экстраполяции на основе установленных статических и динамических коэффициентов. Мы имеем также заявление о том, что при построении плана был использован метод последовательных приближений и что первое приближение перспектив по отдельным отраслям хозяйства проектировалось путем экспертных оценок возможностей развития этих отраслей специалистами. Однако из материалов мы не знаем, какие же стадии последовательного приближения прошло построение плана. Нам дано лишь одно приближение, то, которое опубликовано, и никакого метода последовательных приближений из него не видно. Мало того, принципиально неясно и спорно, почему последовательные приближения построения плана возводятся здесь в особый метод. *Метод* все же лежит не в том, что строится один вариант плана, потом он уточняется, потом еще раз уточняется и т. д., а в *тех приемах*, при помощи которых строится первый вариант, в *тех приемах*, на основании которых он потом уточняется и т. д., т. е. в *тех приемах*, о которых в материалах не говорится ни слова.

Именно поэтому метода построения плана и приемов последующего уточнения его мы и не знаем. Мы не знаем также, какими основаниями руководились эксперты при установлении перспектив развития отдельных отраслей народного хозяйства. Конечно, метод экспертных оценок дает значительный простор их авторам. Но и эксперты при своих оценках все же руководствуются теми или иными основаниями. Именно на эти основания мы не имеем никакого намека в материалах.

Поскольку речь идет об *отдельных отраслях хозяйства*, то все, что мы находим в опубликованных материалах, и все, что может быть приведено в них как попытка обоснования выдвинутых перспектив, сводится, в сущности, к *формальному указанию на те условия*, которые учитывались при построении заданий по этим отраслям. Но такие указания недостаточны.

Так, С. Г. Струмилин пишет, что построение перспективного плана было начато с установления перспектив промышленности. Причем темп роста производства средств широкого потребления определялся в зависимо-

сти от размеров капитальных вложений, а эти капитальные вложения — в зависимости от прироста емкости потребительского рынка.

Таким образом, общие формальные указания на условия, с которыми будто бы соразмерялся темп роста производства средств потребления, сделаны. Согласно этим указаниям для определения темпа роста производства средств потребления нужно было бы иметь данные о размерах вложений в эти отрасли (а следовательно, и данные о размерах необходимых накоплений) и данные о емкости рынка на предметы широкого потребления. Действительно, в опубликованных материалах мы находим цифры вероятного накопления, но зато не находим никаких данных, обосновывающих возможность самого этого накопления. Что же касается емкости рынка, то она исчислена, но, в свою очередь, совершенно не мотивирована. Ясно, что она определяется, в свою очередь, ростом городов и городского населения, ростом благосостояния городского и сельского населения, ростом его потребительского спроса именно на предметы индустриального производства. Но ведь рост городов, рост благосостояния населения и т. д. определяется темпом развертывания производства, и в частности промышленного производства, и другими условиями. Таким образом, следуя чисто формальным указаниям автора в поисках обоснования темпа развертывания производства средств потребления, мы наталкиваемся либо на цифры, совершенно не мотивированные (накопление), либо оказываемся в порочном кругу, так как убеждаемся, что искомый темп развертывания производства средств потребления по крайней мере частично определяется темпом роста производства этих же средств потребления.

Такой порочный круг выступает еще яснее, когда мы обращаемся к вопросу об основаниях принятого темпа производства средств производства. По этому вопросу мы находим следующее указание: «Учет емкости рынка на продукцию предприятий, занятых воспроизводством оборотного и в особенности основного капитала, должен быть в интересах бескризисного развития промышленности уже заранее дан с достаточной точностью в полном соответствии с учтенными ресурсами для капитальных вложений» (стр. 25). Таким образом, здесь в качестве оснований принятого темпа указывается на размеры капитальных вложений и на учет емкости рынка.

Но, как было указано выше, размеры накоплений, а следовательно и вложений, исчислены без всякого обоснования. Что же касается емкости рынка, то оказывается, что для продукции средств производства «рынком является прежде всего сама промышленность» (25). Иначе говоря, в этой части искомый темп развития промышленного производства определяется прежде всего именно тем же искомым темпом роста промышленности.

Что касается теперь перспектив развития сельского хозяйства, то относительно построения их С. Г. Струмилин пишет: «Перспективы сельского хозяйства при наличии плана промышленности уже в известной мере им предопределены». По его мнению, во всяком случае, перспективы развития технических, трудоемких культур «уже даны планом промышленности» (25). По этому поводу приходится сказать, *во-первых*, поскольку выше не были конкретно выяснены условия, определяющие темп роста самой промышленности, постольку, очевидно, теряет основание и определяемый им темп развития технических культур; *во-вторых*, ужели темп развития этих культур действительно дан темпом роста индустрии? А куда же исчез экспорт продуктов хотя бы некоторых из этих культур? Он, очевидно, забыт? Во всяком случае о нем ничего не говорится при определении условий развития технических культур. Как отразилось такое отношение к проблеме экспорта на всем плане — это мы увидим ниже.

Наконец, в отношении основных зерновых культур и животноводства С. Г. Струмилин пишет: «Прогноз их развития под влиянием весьма медленного нарастания потребительского внешнего и внутреннего рынка, при чрезвычайно отсталой земледельческой технике и ограниченной естественными пределами площади пашни не может представить слишком больших затруднений» (25). Таким образом, оказывается, что построение перспектив этих отраслей сельского хозяйства просто не представляет особых трудностей. Вот и все основания для принятого темпа роста зернового хозяйства и животноводства. Правда, указывается еще, что на их развитие будут влиять капитальные вложения. Но как именно они будут влиять — это остается неизвестным. Насколько простым вопросом представляется для автора вопрос о развитии зернового хозяйства и животновод-

ства, видно хотя бы из того, что во всех опубликованных материалах даже нет данных о развитии продукции сельского хозяйства по этим важнейшим отраслям отдельно. Правда, на Съезде Президиумов Госпланов была раздана таблица, характеризующая развитие полеводства по отраслям и рост количества скота. Но каким образом была исчислена эта таблица, какие основания были положены при определении принятых в ней темпов, это не стало более ясным как из таблицы, так и из доклада Н. М. Вишневского по сельскому хозяйству.

Разобранными положениями, в сущности, исчерпываются те моменты работы, в которых имеются некоторые отдаленные и не вполне ясные указания, на каких основаниях были получены опубликованные перспективы. Из предыдущего ясно, *во-первых*, что эти указания имеют действительно формально-декларативный характер, так как в них содержится формальный перечень условий, учитывавшихся при определении перспектив различных элементов народного хозяйства, но совершенно отсутствует анализ этих условий по существу; *во-вторых*, что попытка углубиться в эти условия приводит нас или к условиям, которые сами взяты без достаточного обоснования, или к порочному кругу.

Таким образом, в итоге, поскольку речь идет о перспективах по отдельным отраслям хозяйства, нужно признать правильность выставленного выше положения, что проектируемые перспективы предложены без какого-либо серьезного их обоснования. И приходится удивляться, почему центр тяжести построения плана был так прямолинейно и поспешно перенесен на цифровые подсчеты, почему вместе с тем почти совершенно исключены элементы обоснования. Казалось бы, наоборот, именно постановка и анализ основных экономических проблем нашего развития и обоснование тех или иных перспектив должно было стать *вначале* центром построения плана, ибо цифры должны были бы явиться лишь конечной конкретизацией выводов из этого анализа. Мы не знаем, имеются ли, и если имеются, то какие именно, обоснования предложенных построений у Госплана. Пока мы не знаем поэтому, имеем ли мы здесь дело с явным увлечением цифровыми расчетами или просто с запозданием Госплана в отношении публикации материалов, обосновывающих его проект. Если верно последнее,

то, скажут, дело легко поправить: стоит опубликовать подробные материалы. Но даже и в этом случае ошибка Госплана состоит в том, что он поспешил опубликовать цифровые результаты, игнорируя их обоснования. Однако дело может обстоять и не так просто.

И невольно вспоминается та «случайная» оговорка, в которой С. Г. Струмилин открыто объявил, что перспективные задания — все же задания, а не предвидения. Мы показали выше, что если задания не имеют никакой связи с предвидением, то они не могут быть и реальными, не могут быть и обоснованными. Опять-таки невольно возникает сомнение, что, может быть, мысль упомянутой «оговорки», как мы видели, чрезвычайно быстро и даже излишне энергично ликвидированной С. Г. Струмилиным, фактически уже приобрела свои права, как только автор, перестав рассуждать, опять приступил к построению самого плана, и, может быть, он действительно формулирует в плане *задания*, оставляя в стороне вопрос о предвидении и, следовательно, об обосновании реальности этих заданий.

Мы хорошо знаем трудность обоснования перспектив развития хозяйства. Не менее хорошо известно нам и то, что абсолютно строгого обоснования их, быть может, вообще дать невозможно. Но это не значит, что невозможно и не следует заниматься таким обоснованием вообще. Именно потому, что оно трудно, именно потому, что без него невозможно построить серьезный реальный план, мы и вправе были бы настаивать, чтобы внимание авторов плана было сосредоточено прежде всего на основаниях их построения.

Выше мы упрекали составителей в порочном круге, к которому ведут их указания на путь, каким шло построение плана по отраслям. Но нам хорошо известно, что основания этого круга лежат до известной степени в самой хозяйственной деятельности, так как все элементы ее взаимно связаны между собой. Однако это не снимает с составителей плана обязанности попытаться преодолеть порочность круга в их построении. В этом состоит огромная трудность построения народнохозяйственного плана, но без этого, как и без некоторого предвидения, удовлетворительного плана построить вообще нельзя.

На это могут указать, что попытка преодолеть порочный круг составителями в действительности была

сделана. Могут указать далее, что все предыдущие критические замечания неосновательны как раз потому, что они не учитывают этой попытки. Могут указать, что эти критические замечания относятся к вопросу об обосновании перспектив *по отдельным* отраслям хозяйства, между тем ввиду их взаимной связи такого обоснования дать вообще невозможно. Свое обоснование принятые перспективы по отраслям получают в том, что они в конечном счете увязаны между собой балансовым методом. Именно в методе балансовой увязки, скажут, и следует видеть как преодоление того порочного круга, о котором говорилось выше, так и конечное обоснование намеченных перспектив. На то, что балансовая увязка перспектив различных отраслей хозяйства производилась, Струмилин указывает в своей статье.

К сожалению, мы не разделяем той *абсолютной* веры в балансовую увязку, которая не чужда у нас многим. Сам по себе балансовый метод в применении к перспективам, и то если он применен верно, гарантирует лишь одно, а именно то, что проектируемые темпы развития отдельных отраслей между собой согласованы. Но балансовый метод совершенно не гарантирует, что спроектированная при его помощи модель будущего народного хозяйства в какой-либо мере осуществима, а не произвольна. Формально, арифметически можно построить очень много таких моделей. Но вопрос о том, какая или какие из этих моделей могут быть реальны и какая из последних в то же время является наилучшей,— эти вопросы балансовым методом решить уже нельзя. Для этого необходимо опять-таки проанализировать те основания, которые определяют реализабельность именно той, а не другой модели хозяйства.

Мы не спорим против того, что в предложенном проекте плана необходимость применения балансового метода прокламирована. Но из только что сказанного видно, что это не устраниет замечаний о необходимости анализа оснований, в силу которых принята за желательную и в то же время за реальную данная, а не другая модель народного хозяйства. Именно этого обоснования в опубликованных материалах и не дано.

Кроме того, мало прокламировать балансовый метод. Его нужно применить, и применить правильно. Выполнено ли и это требование в разбираемом проекте — это мы увидим ниже.

IV

Выше мы уже указывали, что по плану предполагается повышение физического объема продукции промышленности на 69,3%, а фабрично-заводской — на 76,7%. Наряду с этим предполагается расширение нового строительства и капитального ремонта на 184,7%. Одновременно предполагаются некоторые реконструкции в области транспорта и в других отраслях хозяйства.

Совершенно очевидно, что все это расширение промышленности, транспорта, строительства и т. д. предполагает определенные условия, и в числе этих условий прежде всего определенные *капитальные вложения*. Действительно, общая сумма вложений в основные капиталы определяется планом за 5 лет в 15,9 млрд. черв. руб., а вместе с вложением в оборотные капиталы — даже в 17,6 млрд. руб. Но чтобы осуществить эти вложения, необходимо соответствующее накопление. С. Г. Струмилин дает исчисление накопления, и притом в погодно-цифровой форме. Он дает исчисление накопления, включая в него как чистое накопление, так и амортизацию. Общая сумма накоплений с амортизацией вырастает у него за 5 лет на 93,0% и в итоге, с включением накопления по кредитным операциям¹, дает 18,3 млрд. руб. Если теперь выделить амортизацию (по данным самого же С. Г. Струмилина), то чистое накопление выразится приблизительно такими суммами:

Годы	Чистое накопление в млн. руб
1925/26	1868
1930/31	3693
Прирост в %	97,7
<hr/>	
Всего за пятилетие . . .	14 530

¹ Поскольку кредитные операции (проектируемый 8% заем) в некоторой части являются лишь формой мобилизации накоплений в государственном секторе, уже учтенных по другим статьям, постольку присоединение их к общей сумме накоплений в этом секторе приводит к двойному счету их. Но так как в другой части эти операции являются формой использования накоплений в секторе частного хозяйства, то было бы правильнее их присоединить к общей сумме накопления. Но, во всяком случае, присоединение их совершенно не меняет общей картины, так как за 5 лет эти операции спроектированы лишь в сумме 421 млн. руб.

Таким образом, общая сумма чистого накопления по годам поднимается с 1,9 до 3,7 млрд. руб. и в итоге за 5 лет дает 14,1 млрд. руб. Но это накопление лишь по государственному сектору хозяйства. «Накопление по всему народному хозяйству,— пишет С. Г. Струмилин,— выразилось бы в иных, более крупных цифрах» (47).

С. Г. Струмилин, как уже отмечалось выше, не приводит никакого обоснования своих цифр накопления. Но насколько вероятны его цифры? Полагают, что в довоенное время в России накопление составляло около 8,5% от народного дохода¹. На стр. 46 С. Г. Струмилин приводит исчисление народного дохода. Если теперь взять приведенные выше его цифры накоплений, то они составят следующий процент от этого народного дохода:

Годы	Доход	Накопление	Накопление в % к доходу
		В миллионах черв. рублей	
1925/26	21 541	1868	8,7
1930/31	29 328	3693	12,6

Если принять во внимание, что в таблице не учтено накопление частное, то фактически процент всего накопления должен будет еще повыситься. Во всяком случае, окажется, что процент накопления в 1925/26 г. к народному доходу будет уже значительно выше довоенного. Это представляется нам маловероятным. Трудно допустить, чтобы в стране, где реальный народный доход стоит ниже довоенного (что видно из исчисления самого С. Г. Струмилина, стр. 46), где доходы весьма нивелированы, где частное накопление идет явно замедленным темпом, процент накопления был выше довоенного. Трудно допустить, чтобы при условии, когда почти все другие элементы народного хозяйства стоят еще ниже довоенного уровня, именно процент накопления превзошел этот уровень.

Нам кажется, что С. Г. Струмилин явно преувеличил исходные цифры накопления, т. е. накопление в 1925/26 г. Это можно показать на примере промышленного накопления и иным путем. Промышленное накопление с амортизацией он определяет в 889 млн. руб.

¹ Ср. А. Л. Вайнштейн, «О контрольных цифрах народного хозяйства СССР на 1926/27 г.» («Соц. хозяйство», книга IV, 1926 г., стр. 8).

Между тем другими источниками¹ оно определяется цифрой приблизительно в 747—814 млн. руб. Преувеличив исходные цифры, уже в силу одного этого он должен был, далее, преувеличить и накопление в следующие годы.

Но дело не только в этом. Принятый С. Г. Струмилиным темп и размеры накопления находятся в резком несоответствии с другими его построениями. Действительно, допустим, что исчисление накопления С. Г. Струмилина на 1925/26 г. в сумме 1868 млн. руб. абсолютно верно.

Он говорит только о накоплении в государственном секторе. Что касается сектора частного хозяйства, то относительно него С. Г. Струмилин развивает принципиально ту мысль, что этот сектор может дать для накопления в государственном секторе очень немного через бюджет, кредит и банкнотную эмиссию (стр. 47—50). И все, что он может дать в этой области, автором уже учтено и включено в приведенные цифры как за 1925/26 г., так и за 1930/31 г. Ввиду этого с точки зрения государственного сектора, которым здесь только и интересуется С. Г. Струмилин, мы имеем полное право допустить, что указанная выше цифра в 1868 млн. руб. для 1925/26 г. исчерпывает все накопление и что вся остальная часть народного дохода как бы потребляется. Но если накапливается 1868 млн. руб., а народный доход в 1925/26 г. составляет, по С. Г. Струмилину, 21 541 млн. руб., то очевидно, что из него потребляется 19 673 млн. руб., или 138,6 руб. на душу. Народный доход на 1930/31 г., по С. Г. Струмилину, будет равен 29 328 млн. руб. Чтобы знать, как велико при этих условиях может быть накопление в 1930/31 г., необходимо определить, сколько ценностей из этого дохода будет потреблено населением. С. Г. Струмилин дает основания для исчисления развития потребления дохода в 1930/31 г. Согласно его построениям реальное благосостояние всего населения на душу возрастет к 1930/31 г. на 31%. Таким образом, если в 1925/26 г., как мы условно приняли, население потребляло 138,6 черв. руб. на душу, то в 1930/31 г. оно будет потреблять уже на 31% более, или 181,6 руб. Население к этому времени,

¹ Исчисление Объяснит. записки к бюджету 1926/27 г. и Производ.-финанс. плана ВСНХ.

по С. Г. Струмилину, возрастет на 11,2% и определится цифрой в 157,7 млн. человек. Тогда все это население потребит $181,6 \times 157,7 = 28\ 638$ млн. руб. Так как народный доход в 1930/31 г. С. Г. Струмилиным определен в 29 328 млн. руб., то ясно, что накопление государственного сектора, возможное для 1930/31 г., по данным самого же С. Г. Струмилина, определится цифрой всего в 690 млн. руб. вместо 3693 млн. руб., как на это указывает его специальная таблица о накоплении (стр. 48) и как было отмечено выше нами.

Различие этих цифр настолько значительно, что здесь не может быть и речи о случайном и ничего не значащем несовпадении, не может быть и речи о частичных поправках. С. Г. Струмилин может сказать, что после повышения уровня благосостояния население не все будет потреблять, а часть будет сберегать. Возможно. Но это будет частное накопление. Между тем С. Г. Струмилин говорит только о государственном накоплении, и мы показали, что частного накопления, за исключением учтенного автором в его цифрах, с точки зрения государственного сектора вообще нет.

К изложенным соображениям необходимо присоединить следующее. Анализ цифр народного дохода, исчисленного С. Г. Струмилиным, показывает, что исчисление это произведено без учета проектируемого снижения промышленных цен. Именно поэтому у С. Г. Струмилина различные составные части дохода растут в общем тем же темпом, как и соответствующие части валовой продукции. Именно поэтому у него отношение дохода от промышленности к валовой промышленной продукции в 1925/26 г., так и в 1930/31 г. составляет те же 39—40%. Между тем разбираемый план проектирует снижение промышленных цен на 17,5%. При стабильности с.-х. цен это будет обозначать снижение общего уровня цен приблизительно на 11%. Если учесть такое снижение цен, то цифры народного дохода соответствующим образом понизятся. Что касается цифр накопления, то, приводя их, С. Г. Струмилин определенно заявляет, что при их исчислении проектируемое снижение цен уже учтено (49). Следовательно, они остаются в тех же размерах, в каких показаны выше. Но в таком случае совершенно ясно, что в действительности отмеченное нами несоответствие между исчисленными С. Г. Струмилиным цифрами накопления и остатками

дохода, идущими в накопление, по данным самого же С. Г. Струмилина, еще более вырастает. В таком случае вся внутренняя необоснованность цифр накопления и отсутствие их внутренней балансовой увязки с данными о доходе и потреблении предстанет в еще более резком виде.

В связи с изложенным мы совершенно не понимаем, каким образом С. Г. Струмилин, отметив, что народный доход на душу населения за 5 лет вырастает на 30,7% и что уровень благосостояния населения повысится на 31%, затем пишет: «Это значит, что доля народного дохода, изымаемого для накопления, будет за данное пятилетие возрастать в том же темпе, как и доля, необходимая для текущего потребления трудящихся классов». Мы показали выше, что такой вывод из данных С. Г. Струмилина совершенно не вытекает, что, по его же данным (даже без учета снижения цен при исчислении дохода), доля накопления от дохода с 1925/26 к 1930/31 г. не только не возрастет на 31%, а неизбежно и резко упадет; что вместе с тем по абсолютным размерам накопление за то же время не только не увеличится на 97,7%, как полагает автор (см. выше), а почти в три раза упадет. Если же при исчислении дохода учесть снижение цен, то эти выводы еще более усилятся. В таком случае очевидно, что или С. Г. Струмилин преувеличил темп роста благосостояния населения, или преуменьшил темп роста дохода. Но, как бы то ни было, в настоящем виде его построения внутренне противоречивы и необоснованны. И если он сам требовал, чтобы план был рассчитан на бескризисное и оптимальное развитие производительных сил (17), чтобы все наши предуказания были внутренне связаны и сообразованы с ресурсами (22), то его перспективы накопления этим требованиям не удовлетворяют. За его исчислением накопления, несмотря на всю смелость этого исчисления, мы не видим достаточных оснований.

Если же все это так, то отсюда происходят огромные последствия для всего проекта перспективного плана. Выше мы отмечали, что проектируемые накопления являются базой для соответствующих капитальныхложений, а последние служат одной из необходимых предпосылок той огромной реконструкции, которая намечена в промышленности, в строительстве, в транспорте и т. д. Теперь оказывается, что предпосылка эта не-

достаточно обоснована и по совокупности других построений плана совершенно не гарантирована. Тем самым ставится в критическое положение и план реконструкций. Во всяком случае, ясно, что в этой области жизнь не может пойти по тому плану, который мы разбираем.

▼

Но допустим, что перспективы накопления у С. Г. Струмилина даны правильно.

Обеспечивают ли эти накопления намеченные реконструкции промышленности, транспорта и т. д.? В известной мере — несомненно. Однако ясно, что для проведения намеченных реконструкций, и прежде всего в промышленности, просто накопления недостаточно. Предлагаемый Комиссией Госплана план предполагает, что известная часть этих накоплений должна быть превращена в иностранную валюту, которая пойдет на оплату импорта орудий и средств производства. Согласно статье И. А. Калинникова, этот импорт на пятилетие предполагается в следующих размерах:

Статьи импорта	Всего за 5 лет в млн. черв. руб.	Прирост (+) или убыль (-) за 5 лет в %
Сырье	1948,0	+21
Полуфабрикаты	523,6	-30
Оборудование	1044,5	+297
Итого . . .	3516,1	+41,5

Таким образом, импорт для нужд промышленности, возраста с 526,7 млн. руб. в 1925/26 г. до 745,0 млн. руб. в 1930/31 г., дает за пятилетие 3,5 млрд. руб. Импорт для нужд промышленности проектируется в таких размерах, что при современном размере нашего ввоза (импорт за 1925/26 г. составит 673,7 млн. руб.) он берет подавляющую его часть. И так как импорт для промышленности по плану сильно возрастает, так как будут, конечно, несколько возрастать и другие категории импорта, то ясно, что осуществление намеченного плана импорта, а следовательно и реконструкций промышленности, предполагает соответствующее развитие и экспортата.

Проблема экспорта встает тем острее, что, казалось бы, некоторые отрасли нашего сельского хозяйства не могут сколь-нибудь значительно развиваться без развития экспорта.

Каковы же перспективы экспорта по разбираемому плану? Как это ни странно — план не дает почти никакого ответа на этот вопрос. Все, что мы находим в нем, сводится к следующему. В статье проф. Калинникова без всякого обоснования и анализа приведены цифры возможного экспорта продуктов технических культур. В статье же С. Г. Струмилина имеется лишь пессимистическое заявление, сделанное попутно при разборе вопроса о снижении цен, о том, что нашему экспорту мешает разрыв между покупательной силой червонца и его внешневалютным курсом и что проблему ликвидации этого разрыва тем или иным путем необходимо решить (44). Наконец, согласно табличным приложениям к докладу Н. М. Вишневского с.-х. экспорт за пятилетие увеличивается на 166%, причем основания этого расчета остаются неизвестными.

Едва ли стоит отмечать, что между пессимистическими заявлениями С. Г. Струмилина и заявлениями Н. М. Вишневского нет полного соответствия. Дело не в этом. Приходится изумляться тому пренебрежению к вопросу об экспорте, которое обнаруживается в опубликованных и оглашенных материалах плана. Мы отмечали выше, что при определении темпа роста продукции технических культур С. Г. Струмилин тоже забыл об экспорте. Может быть, здесь продолжается та же линия игнорирования проблемы экспорта? Но если составители плана, в сущности, обошли проблему экспорта, то ее необходимо поставить и проанализировать на основании их же данных в других областях плана, связанных с возможностями экспорта. Ведь все эти данные, по заявлению С. Г. Струмилина, внутренне согласованы балансовым методом.

Обращаясь к такому анализу, мы условно предположили, что все исчисления авторов плана, в частности С. Г. Струмилина и В. Р. Чернышева, относительно 1925/26 г. правильны. Исходя отсюда и опираясь на их данные, мы взяли исчисленный ими реальный доход от сельского хозяйства и его товарную часть, т. е. то, что сельское хозяйство отчуждает за пределы деревни: в город, в промышленность, на экспорт.

Далее, мы вычислили остаток с.-х. дохода, за вычетом упомянутой товарной части его. Очевидно, что этот остаток в подавляющей части идет в потребление и в какой-то небольшой части в натуральное накопление. Причем он состоит как из предметов продовольствия, так и других с.-х. продуктов, как лен, пенька и т. д. Мы делим этот остаток на количество сельского населения и получаем, таким образом, потребление и накопление различных с.-х. продуктов на душу с.-х. населения в 1925/26 г. в ценах производителя. Так как эмпирически мы знаем, что новое натуральное накопление по отношению к общей массе потребления с.-х. продуктов с.-х. населением составляет все же ничтожную часть, то полученную душевую норму можно считать весьма близкой к душевой норме потребления. В таком случае с этой оговоркой сумма потребления с.-х. продуктов на душу с.-х. населения в 1925/26 г. получается в 59,37 руб. Для 1924/25 г. С. Г. Струмилин дает цифру потребления с.-х. населением с.-х. продуктов в 47,2 руб. Но если учесть, что 1924/25 г. был неурожайным, а также то, что в нашу цифру 59,37 руб. входят и непродовольственные продукты, то мы можем считать ее достаточно близкой к действительности.

От 1925/26 г. мы сделали, далее, переход к 1930/31 г., и притом двумя путями. Во-первых, мы произвели по данным С. Г. Струмилина и В. Р. Чернышева за 1930/31 г. те же расчеты, что и по данным за 1925/26 г. Иначе говоря, мы взяли исчисленный ими доход сельского хозяйства, вычли из него товарную часть, идущую за пределы деревни, и остаток разделили на количество возросшего с.-х. населения в 1930/31 г. В результате мы должны были получить норму потребления с.-х. населением с.-х. продуктов по ценам производителя в 1930/31 г. Оказалось, что эта норма будет равна 58,98 руб. В 1925/26 г., как мы видели, она была равна 59,37 руб. Значит, к 1930/31 г. она понизится на 0,4 руб., или на 0,7%. Этот результат совершенно противоречит текстовым построениям С. Г. Струмилина. С. Г. Струмилин утверждает, что благосостояние сельского населения за пять лет возрастет на 30%. При этих условиях очевидно, что потребление им с.-х. продуктов должно возрасти достаточно сильно. Между тем оказалось, что при принятом темпе роста с.-х. продукции, при принятом темпе роста дохода от с.-х. и товарного отчуждения

с.-х. продуктов за пределы деревни потребление сельского населения не только не растет, а даже падает.

Тогда мы пошли вторым путем. Для 1930/31 г. доход сельского хозяйства, товарная часть его и количество с.-х. населения даны в разбираемых работах. Но так как, по С. Г. Струмилину, благосостояние сельского населения к 1930/31 г. повышается на 30%, то в соответствии с этим мы предположили, что и его потребление, равное в 1925/26 г. 59,37 руб., повысится на 30%. Иначе говоря, на этом втором пути мы приняли за отправной пункт тезис С. Г. Струмилина о росте благосостояния и, следовательно, потребления сельского населения. Тогда его норма потребления на душу в 1930/31 г. оказалась 77,18 руб. Помножая ее на количество с.-х. населения, мы получили общую сумму потребления сельского населения в 9879 млн. руб. Между тем остаток для потребления у него в 1930/31 г. оказывается всего 7549 млн. руб. Иначе говоря, мы получаем дефицит потребления в 2330 млн. руб. Таким образом, получается вывод: если считать правильными построения авторов о росте сельского населения, с.-х. продукции, с.-х. дохода и товарного отчуждения с.-х. продуктов, то становится неверным тезис о росте благосостояния и потребления с.-х. населения; если же считать верным тезис о росте благосостояния и потребления с.-х. населения, то становятся неверными данные о продукции, доходе и товарном отчуждении, так как образуется огромный дефицит с.-х. продуктов для потребления их сельским населением. Так как нет оснований думать, что сельское население при росте его благосостояния будет отчуждать продукты на сторону при наличии дефицита в потреблении, то очевидно, что при таких условиях мы не только не сможем вывозить с.-х. товары, не только не могли бы увеличивать с.-х. экспорт, а должны были бы даже ввозить с.-х. товары в страну, так как размер дефицита в потреблении сельского населения явно превосходит размеры проектируемого экспорта.

Нам могут возразить, что если благосостояние сельского населения возрастает к 1930/31 г. на 30%, то это не значит, что оно увеличит потребление с.-х. товаров в такой же пропорции. Вероятнее, что оно увеличит их потребление меньше чем на 30% и, наоборот, увеличит потребление городских товаров более чем на 30%. Мы готовы с этим согласиться. По С. Г. Струмилину выходит,

действительно, что сельское население увеличивает потребление индустриальных товаров не на 30%, а на 36%. В таком случае потребление сельских продуктов оно может увеличить (учитывая удельный вес потребления тех и других в бюджете сельскохозяйственного населения) примерно на 28%.

Но ради осторожности мы сделали еще другой вариант исчисления, исходя из посылки, что сельское население увеличит потребление с.-х. продуктов даже не на 28%, а всего на 15%, т. е. как раз в той же пропорции, в какой, по С. Г. Струмилину, растет физический объем с.-х. производства на душу сельского населения (стр. 32). Тем не менее и в этом случае дефицит между остатком с.-х. дохода для потребления и общим потреблением с.-х. продуктов деревенским населением определяется в 1190 млн. руб. Иначе говоря, и при этих условиях, если верны построения плана, наша страна в ближайшие годы должна обратиться в страну, импортирующую с.-х. товары. Все изложенные расчеты приведены в следующей таблице:

Доход от сельского хозяйства, потребление сельского населения и перспективы экспорта

	1925/26 г.	1930/31 г.	1930/31 г. к 1925/26 г.	в %
Доход от сельского хозяйства, исчисленный по реальному методу (без лесного хоз.) ¹	9477 ²	11 661 ²	123,0	
Товарная часть (без лесного хоз.)	2524 ³	4 112 ³	162,9	
Остаток дохода за вычетом товарной части	6953 ⁴	7 549 ⁴	108,6	
Сельское население (млн. душ)	117,1 ⁵	128,0 ⁵	109,3	
Остаток дохода на 1 душу населения	59,37 ⁶	58,98 ⁶	99,3	

¹ Доход от лесного хозяйства не включен, так как товарная часть дана авторами плана без лесного хозяйства.

² Стр. 46, исключая доход от лесного хозяйства.

³ Стр. 70. Товарная часть с.-х. продукциидается авторами без внутрикрестьянского оборота и, следовательно, включает только ту часть с.-х. товаров, которая уходит за пределы деревни (см. стр. 68). Эти данные взяты из ст. В. Р. Чернышева. Но, как показывает анализ, его расчеты продукции сельского хозяйства совпадают с данными, приведенными у С. Г. Струмилина.

⁴ Разность между доходом и товарной частью.

⁵ Стр. 26.

⁶ Стр. 37.

Продолжение табл.

I вариант дальнейших расчетов

Считая полученный остаток дохода на душу за потребление сельского населения и увеличивая данные 1925/26 г. на 30%, получаем в 1930/31 г.:

на 1 душу в руб.	—	7718	—
на все сельское население в млн. руб.	—	9879	—
Дефицит с.-х. продуктов у сельского населения в млн. руб.	—	2330	—

II вариант дальнейших расчетов

Считая полученный остаток дохода на душу за потребление сельского населения и увеличивая данные 1925/26 г. на 15%, получаем в 1930/31 г.:

на 1 душу в руб.	—	6828	—
на все сельское население в млн. руб.	—	8740	—
Дефицит с.-х. продуктов у сельского населения в млн. руб.	—	1190	—

Ввиду весьма важного значения только что полученного вывода об отсутствии согласованности между потреблением, экспортом и производством с.-х. продуктов для критики плана, мы подошли к проверке вывода еще и другим методом, а именно, мы попытались выяснить соотношение между производством продовольственных с.-х. продуктов и потреблением их, опираясь на данные плана и бюджетные материалы.

По С. Г. Струмилину (39), душевая норма потребления с.-х. товаров (без дров) городским населением в 1925/26 г. по ценам потребителя определяется в 102,4 руб. Так как с.-х. продукция выражена автором в ценах производителя, то указанную стоимость душевого потребления необходимо выразить тоже в ценах производителя. Для этого необходимо сбросить с 102,4 руб. сумму, соответствующую разнице цены производителя и розничной цены с.-х. товаров в 1925/26 г. По имеющимся данным, эта разница составляла в 1925/26 г. в среднем около 50% к цене производителя. В таком случае душевое городское потребление с.-х. продуктов, исчисленное по ценам производителя, будет 68,3 руб. По С. Г. Струмилину (стр. 39), эта сумма к 1930/31 г. возрастет на 30% и, следовательно, при стабильности с.-х. цен выразится цифрой в 88,8 руб.

Что касается деревенского душевого потребления, то, по С. Г. Струмилину, в 1924/25 г. оно составляло по бюджетам в среднем 47,2 руб. По имеющимся в нашем распоряжении бюджетным данным оно было 48,4 руб. Мы принимаем цифру С. Г. Струмилина. Эту цифру стоимости потребления с.-х. населения следует считать выраженной в ценах производителя. Против этого могут возразить, указав на то, что различные с.-х. районы получают с.-х. продукты из других районов и, следовательно, покупают эти продукты по ценам потребителя. Однако это возражение не имеет силы. Например, крестьянское население Тверской губ., производящее рожь в недостаточном количестве, ввозит ее из производящих районов и, таким образом, платит за нее не только цену этих производящих районов, а также и торговые накидки. Это верно. Но верно и то, что Тверская губ. в каких-то количествах производит рожь и что в ней имеются группы крестьянских хозяйств, которые рожь продают. Спрашивается, по какой цене они ее продают или какова будет цена производителя ржи в Тверской губ.? Очевидно, что цена производителя ржи в Тверской губ. будет в общем как раз равна цене тех производящих районов, из которых Тверская губ. ввозит недостающее количество ржи, плюс торговые накидки. И если мы исчисляем продукцию ржи по ценам производителя, то для Тверской губ. ценой производителя будет именно указанная только что цена. Изложенное рассуждение можно применить по существу к любому с.-х. продукту потребления. Отсюда ясно, что приведенную выше стоимость потребления с.-х. населением продуктов питания в 1924/25 г. следует считать выраженной в ценах производителя.

От 1924/25 г., который был неурожайным, мы должны перейти к 1925/26 г. Мы должны определить стоимость душевого потребления с.-х. населением с.-х. продуктов питания в 1925/26 г. За 1925/26 г. мы еще не имеем сведений бюджетов полностью. Однако такая сводка имеется для потребления хлеба, мяса с салом и молока, т. е. для главнейших статей, составляющих в потреблении сельского населения около 75%. Если учесть изменение от 1924/25 г. к 1925/26 г. душевого потребления этих продуктов в натуре, а также изменение цен производителя, то оказывается, что в общем стоимость душевого потребления с.-х. продуктов с.-х.

населением в 1925/26 г. увеличилась не менее чем на 8,5%. В таком росте стоимости крестьянского потребления нет ничего удивительного. Заметим, что по данным Контрольных цифр Госплана на 1926/27 г. индекс заготовительных цен с.-х. товаров в 1925/26 г. вырос на 3,6% (стр. 306), а доход с.-х. населения в червонном выражении — даже на 20% (стр. 210).

Распространяя теперь полученный коэффициент 8,5% на все потребление с.-х. продуктов с.-х. населением, мы получаем стоимость душевого потребления его в 1925/26 г. в ценах производителя в 51,2 руб.

По С. Г. Струмилину, благосостояние деревни к 1930/31 г. вырастает на 30% (стр. 32). По его же данным (стр. 40), потребление деревней индустриальных товаров возрастает за 5 лет, даже при неизменных ценах, на 36%. При этих условиях потребление с.-х. товаров (если учесть их вес в бюджете деревни) должно было бы возрасти процентов на 28. Однако промышленные цены, по С. Г. Струмилину, понизятся на 17,5%. В таком случае ту же и даже большую сумму индустриальных товаров деревня сможет купить в 1930/31 г. за меньшее количество средств и, следовательно, сможет обратить на потребление с.-х. товаров большую сумму их, чем при неизменных промышленных ценах. Примем поэтому, что потребление деревней с.-х. предметов питания вырастет за 5 лет как раз на 30%, т. е. в соответствии с допущенным С. Г. Струмилиным ростом ее благосостояния. В таком случае душевая норма потребления с.-х. населения в 1930/31 г. будет равна 66,6%. Определив душевые нормы потребления продуктов питания с.-х. производства и зная население, мы можем определить общие размеры потребления этих продуктов в стране как для 1925/26 г., так и для 1930/31 г.

Так как нашей задачей является проверка баланса производства, потребления и экспорта с.-х. товаров, то далее нам необходимо выяснить размеры с.-х. продукции предметов питания, и притом не валовой, включающей переходящие статьи, а чистой продукции предметов питания. В этих целях мы применили следующий прием и использовали следующие данные С. Г. Струмилина и Контрольных цифр. Наряду с валовой продукцией сельского хозяйства (земледелие, животноводство, рыболовство и охота) С. Г. Струмилин по тем же отраслям дает исчисление реального дохода от сельского хозяй-

ства в ценах соответствующих лет (стр. 46). Очевидно, что потребление с.-х. населением с.-х. предметов питания идет именно за счет этого дохода. Однако в состав этого реального дохода входят не только продукты питания, а и др. продукты, например лен, пенька и т. д. В связи с этим, по данным Контрольных цифр, мы определили, какой процент статьи, не идущие в потреблении, но входящие в реальный доход сельского населения (льняное волокно, пенька, хлопок, махорка, табак, кожи, шерсть, прирост скота и товарная часть сена и соломы), составляют от дохода. Полученный процент мы затем исключили из реального дохода сельского хозяйства, исчисленного С. Г. Струмилиным для 1925/26 и 1930/31 гг. В итоге мы получили массу (по ценности) сельскохозяйственных продуктов питания, могущих пойти на потребление с.-х. населения. Необходимо отметить, что эта масса определена нами с преувеличением, так как некоторые с.-х. продукты, например масличные семена, картофель, идут не только для человеческого питания. Однако они отнесены нами целиком к предметам питания. Кроме того, по плану к 1930/31 г. удельный вес технических непродовольственных культур возрастает, что нами не учитывается при расчете. Итоги расчета приводятся в следующей таблице:

1925/26 г. 1930/31 г.

1. Душевые нормы городского потребления с.-х. продуктов питания по ценам производителя в черв. руб.	68,3	88,8
2. Городское население в млн.	24,8	29,7
3. Все потребление городского населения в млн. черв. руб. по ценам производителя	1694	2 637
4. Душевые нормы деревенского потребления с.-х. предметов питания по ценам производителя в руб.	51,2	66,6
5. С.-х. население в млн.	117,1	128,0
6. Все потребление деревенского населения с.-х. продуктов питания по ценам производителя в млн. руб.	5996	8 525
7. Общая сумма деревенского и городского потребления в млн. руб.	7690	11 162
8. Чистая продукция с.-х. предметов питания по ценам производителя в млн. руб.	8008	9 854
9. Избыток (+) или дефицит (-) продукции против потребления в млн. руб.	+318	-1 308

Отсюда ясно, что если в 1925/26 г. мы имеем некоторый избыток с.-х. продуктов питания, которые могут идти на экспорт или в запас, то в 1930/31 г. по предполагаемому плану мы будем иметь уже дефицит этих предметов питания.

Нам могут заметить, что потребление предметов питания сельского населения при росте его благосостояния на 30% вырастет в меньшей степени, чем 30%. Это возражение мы предусматривали выше, при анализе вопроса первым приемом. Предусмотрим его и теперь. Допустим, что потребление сельского населения к 1930/31 г. вырастет всего в меру роста физического объема с.-х. продукции, т. е. на 15%. Этот прирост, очевидно, уж не преувеличен. Но и в этом случае, произведя те же расчеты, которые показаны в таблице, мы получаем в 1930/31 г. дефицит с.-х. предметов питания в стране на сумму 320 млн. рублей.

Мы совершенно не настаиваем на том, чтобы все расчеты плана педантично совпадали до единицы включительно. Но если разногласие расчетов достигает крупных размеров, если оно подтверждается двумя использованными приемами, то мы имеем все основания утверждать, что в предлагаемом плане, несмотря на указания его авторов, что отдельные его данные сбалансираны, обстоит не все благополучно. Очевидно, что или с.-х. продукция растет по плану слишком медленно, или темп прироста благосостояния населения принят слишком высокий. Но как бы то ни было, в 1930/31 г. по плану СССР ставится в необходимость не только отказаться от увеличения положительного баланса во внешней торговле с.-х. продуктами, а даже перейти к отрицательному балансу, т. е. превратиться по существу в страну импортирующую, как с.-х. товары вообще, так и с.-х. предметы питания в частности.

Очевидно также, что этот вывод, не делаемый и даже не замечаемый С. Г. Струмилиным, но вытекающий из его построений, делает нереальными приведенные выше расчеты на развитие импорта промышленного оборудования и сырья, а следовательно, и на выполнение намеченной планом программы индустриального развития страны.

VI

Таким образом, мы вскрыли, что намеченный план развития народного хозяйства оказывается нереальным и внутренне несогласованным при разборе его с двух чрезвычайно важных сторон: со стороны обеспечения необходимого накопления и необходимого развития с.-х. экспорта. В чем же лежат причины внутренних противоречий предложенного построения перспектив? Причины таких противоречий, по нашему мнению, очевидно, лежат, во-первых, в *неправильном понимании соотношения индустрии и сельского хозяйства в их развитии*, во-вторых, в *неправильной проекции роста благосостояния населения*, так как она не соответствует намеченному темпу роста продукции. Остановимся здесь на первом вопросе, на вопросе о соотношении сельского хозяйства и индустрии, для уяснения которого предыдущее изложение дает достаточный материал.

Как смотрит С. Г. Струмилин на положение нашего сельского хозяйства и как он понимает его перспективы? С. Г. Струмилин исходит из положения, что наше сельское хозяйство страдает от перенаселения. Перенаселение деревни он понимает, по-видимому, чисто статистически. Исходя из *существующих норм затраты труда* в различных отраслях хозяйства, он исчисляет, что в 1925/26 г. наше сельское перенаселение определится в 6,82 млн. рабочих лет или проще млн. человек (стр. 34). При этих условиях С. Г. Струмилин справедливо озабочен вопросом, что же будет с перенаселением деревни через пять лет, когда с.-х. население еще вырастет? Согласно плану, до 3 млн. человек с.-х. населения передвигется в города (35). Около 8 млн. человек С. Г. Струмилин размещает в сельском хозяйстве в связи с повышением в нем относительной роли трудоемких культур и отраслей сельского хозяйства (*трудоинтенсификации сельского хозяйства*). При этом С. Г. Струмилин исходит из той же стабильной производительности с.-х. труда. И все же оказывается, что через пять лет, пишет автор, «аграрное перенаселение деревни... в лучшем случае лишь не возрастет против нынешних его размеров» (35). Этот вывод явно угнетает С. Г. Струмилина и толкает его к чрезвычайно характерным построениям. Прежде всего, С. Г. Струмилин боится повышения производительности с.-х. труда. «Если,— пишет он,— исхо-

дить даже из весьма скромной цифры прироста производительности (труда.—*N. K.*) за пять лет в 5%, то этот прирост может сразу повысить избыточное население деревни на 3 миллиона душ» (35). И если С. Г. Струмилин считает, что «в лучшем случае» аграрное перенаселение не возрастет, то этот его «лучший случай» состоит именно в условиях стабильности производительности с.-х. труда.

Далее, боясь роста производительности с.-х. труда, С. Г. Струмилин, естественно, боится машинизации сельского хозяйства, так как она, очевидно, повышает производительность с.-х. труда. Из текста *не видно*, что С. Г. Струмилин боится и повышения урожайности (35). Но это, очевидно, не вполне последовательно, так как повышение урожайности есть другая сторона повышения все той же производительности с.-х. труда. При таких построениях естественно вообще «не увлекаться» мероприятиями, которые могли бы повысить производительность с.-х. труда и, следовательно, темп роста с.-х. продукции. И мы уже знаем, что таких «увлекений» в плане действительно нет. Из всех сумм капитальных вложений на с.-х. отводится всего 6,8%.

Но если все это так, то не ясно ли, что обратной стороной именно таких построений и является то, что *темпер роста с.-х. продукции при намеченном темпе роста индустрии и благосостояния населения является явно недостаточным*. Не ясно ли, что в связи с этим констатированный выше разрыв продукции сельского хозяйства и потребления, с одной стороны, необеспеченность экспорта и импорта — с другой, при условии принятого темпа индустриализации и роста благосостояния масс является следствием того же относительно недостаточного темпа роста сельского хозяйства.

Всю систему указанных построений в отношении сельского хозяйства при взятом курсе на индустриализацию мы считаем не только теоретически спорной, но и практически опасной. Опасность ее вытекает из того, что она обрекает народное хозяйство на путь явных и глубоких кризисов. Не обеспечивая программы накопления и вложений, не обеспечивая достаточного экспорта, а следовательно, и импорта, она не обеспечивает и принятой программы индустриализации и реконструкций. В то же время она, по собственному признанию С. Г. Струмилина, не подвигает нас и по пути решения

проблемы аграрного перенаселения. Это достаточно ясно из предыдущего изложения и не требует дальнейшего развития.

Но почему эта система построения в отношении сельского хозяйства спорна и теоретически? В основе ее лежит чисто статистическое неправильное понимание сущности аграрного перенаселения. С. Г. Струмилин рассуждает, очевидно, так: существуют нормы продолжительности рабочего дня в деревне; существует норма затраты труда в разных отраслях сельского хозяйства, при этих нормах требуется такое-то количество рабочего населения в деревне, и оно имеет такой-то уровень жизни; отсюда, если вторгаются условия, которые повышают производительность с.-х. труда, то ясно, что труда потребуется меньше, ясно, что даже при том же, а тем более при растущем с.-х. населении аграрное перенаселение возрастает. Но вот это-то именно и неясно, именно это-то и неверно. Думать так — значит бояться прогресса и роста производительных сил сельского хозяйства; думать так — значит утверждать, что при повышении производительности с.-х. труда деревня, имея ту же продукцию с меньшей затратой труда, сейчас же вытолкнет часть населения из сельского хозяйства, как будто специально для того, чтобы сохранить прежний уровень своей жизни, прежнюю длительность рабочего дня и прежние нормы затрат труда в различных отраслях сельского хозяйства. В действительности же повышение производительности с.-х. труда, давая в руки деревни большую массу ценностей, как раз и создает необходимую предпосылку для переоборудования сельского хозяйства, для интенсификации его, для расширения спроса на промышленные товары и т. д. При этих условиях единственно прогрессивного развития сельского хозяйства как раз и создаются предпосылки не для меньшей, а для большей емкости территории в отношении к населению. Иначе говоря, перенаселение есть чисто экономическое и относительное явление. Оно далеко не определяется статистическим расчетом, исходящим из количества населения, размеров территории и соответствующих норм затраты труда. Перенаселение зависит не только от количества населения на единицу территории, но также и от того, сколько производит это население на данной территории. С.-х. население Германии, Дании, Голландии гораздо более плотно, чем наше, и

тем не менее эти страны не страдают от перенаселения. Но если это так, то очевидно, что мы должны принять в экономической политике по отношению к сельскому хозяйству направление иное, чем то, которое положено в основание плана. Мы должны приложить все усилия к тому, чтобы *повысить производительность с.-х. труда*, так как это наряду с индустриализацией страны есть верный путь к интенсификации хозяйства, к преодолению перенаселения и к повышению темпа развития сельского хозяйства.

С такой точки зрения провозглашенная правительством политика на интенсификацию, индустриализацию и машинизацию сельского хозяйства, ведущая к технической реорганизации его основ, является вполне правильной. С такой точки зрения те меры и, в частности, те вложения средств, которые план намечает в отношении сельского хозяйства, являются совершенно недостаточными. И это тем более, что, как было показано выше, намеченный план индустриализации страны срывается, между прочим, именно на недостаточном темпе развития с.-х. производства.

Однако против усиления ассигнований сельскому хозяйству при явной ограниченности наших средств С. Г. Струмилин, быть может, возразит. Он может указать, что при недостатке наших средств мы не можем делать вложений в сельское хозяйство, так как эти вложения относительно менее эффективны. В обоснование этого возражения С. Г. Струмилин мог бы выдвинуть прежде всего свои соображения о весьма низкой производительности с.-х. труда по сравнению с промышленным трудом, которые он развивает в статье. С. Г. Струмилин приводит в ней (51) данные о народном доходе в сельском хозяйстве и промышленности по расчету на работника в 1925/26 и 1930/31 гг. по ценам 1913 г. Из этих данных оказывается, что в то время как в сельском хозяйстве доход на работника выражается суммой в 229 руб., в городе он выражается суммой в 693 руб. Опираясь на эти цифры, С. Г. Струмилин сравнивает *абсолютный уровень производительности с.-х. и промышленного труда* и пишет: «Производительность городского труда раза в три выше сельского» (51—52). В связи с этим он далее утверждает, что деревня, которая «живет на пороге физиологических норм существования... не может служить сколько-нибудь заметным ис-

точником для социалистического накопления» (52); что, в частности, по государственному и местному бюджету деревня больше получает, чем отдает, что «основным источником для бюджетных изъятий и для социалистического накопления может служить лишь более производительный, *неземледельческий труд*» (52).

Мы не будем останавливаться на вопросе о том, какая группа населения является основным источником бюджетных изъятий и социалистического накопления. Это завело бы нас слишком далеко. Но считаем необходимым решительно отвергнуть приведенные соображения С. Г. Струмилина о сравнительной производительности сельскохозяйственного и промышленного труда. С. Г. Струмилин хочет доказать значительно более низкую производительность с.-х. труда по сравнению с трудом промышленным. Но все, что он доказал своими приведенными данными, это то, что *доход* сельского хозяйства по расчету на работника значительно ниже, чем доход городского населения тоже по расчету на работника. Иначе говоря, он просто подменил понятие *производительности труда* понятием *его доходности*. Между тем это явления как будто совершенно различного порядка. Вот если бы С. Г. Струмилин доказал, что в 1913 г. цены на товары вполне совпадали с трудовыми стоимостями последних, тогда он мог бы по данным о доходе судить о сравнительной производительности труда. Но именно это-то доказать и невозможно, именно эта-то посылка, если ее принять, и неверна. В литературе существует прочное убеждение в невозможности разрешить задачу сравнения абсолютного уровня производительности труда в различных отраслях хозяйства. Это мнение поддерживалось многими авторитетными исследователями. Один из таких авторитетных исследователей вопроса, например, пишет: «Производительность труда в самом общем и в то же время точном смысле слова определяется количеством продукта, т. е. суммой потребительских благ в натуральном их выражении, создаваемых рабочими в единицу времени».

Отсюда вполне последовательно тот же автор продолжает: «Измерять производительность труда ценностью создаваемого рабочим продукта невозможно...» Для измерения производительности труда нужно было бы соизмерить количество производимых продуктов в

различных отраслях хозяйства на единицу времени в натуре. Но оказывается, что «соизмерять производительность рабочих, изготавливающих продукты различного качества, мы пока не умеем». Отсюда в качестве результата следует: «Собственно говоря, для измерения абсолютного уровня производительности труда в сложных производствах у нас вообще нет и не может быть никакого измерителя, ибо такой уровень можно было бы измерить лишь количеством продукта или суммой полезностей, им представляемых. А сумму полезностей разного качества мы получить не умеем».

Мы просим извинить за то, что привели довольно длинные цитаты. Мы решили сделать это ввиду высокой авторитетности в данной области цитируемого автора, а также ввиду того, что этим автором является не кто иной, как сам С. Г. Струмилин (см. С. Г. Струмилин, «К методологии изучения заработной платы и производительности труда», «Плановое хозяйство», № 8, 1925 г., стр. 41, 43, 52 и 54).

Таким образом, С. Г. Струмилин сам решительно убежден, что измерить абсолютную производительность труда в отраслях, производящих различные продукты, ценностью продуктов нельзя. С. Г. Струмилин, далее, убежден, что методом непосредственного измерения абсолютной производительности труда мы не располагаем. Тем не менее в разбираемой работе о плане он без всяких оговорок, *во-первых*, сравнивает абсолютный уровень производительности сельского хозяйства и промышленного труда, *во-вторых*, сравнивает его именно по ценности чистой продукции на работника. Иначе говоря, он делает две ошибки, и притом против своих же методологических положений.

Таким образом, даже по С. Г. Струмилину мы не знаем, в какой степени производительность с.-х. труда ниже производительности его в других отраслях хозяйства. Мы знаем лишь, что с.-х. труд значительно менее доходен, чем труд индустриальный.

Но допустим даже, что производительность с.-х. труда значительно ниже, чем производительность труда городского. Отсюда вовсе не вытекает, что увеличение вложений в сельское хозяйство с народнохозяйственной точки зрения относительно менее эффективно; отсюда вовсе не вытекает, что одной из основных задач нашего времени не является задача повышения производитель-

ности с.-х. труда, повышения темпа роста сельского хозяйства.

На анализе предложенного плана мы убедились, что одной из основных причин его неосуществимости, одной из основных причин срыва выдвинутой программы индустриализации является именно недостаточный темп роста с.-х., так как отсюда, при прочих указанных планом условиях, проистекает невозможность как необходимого накопления, так и экспорт-импорта. Таким образом, повышение производительности сельского хозяйства требуется прежде всего задачей быстрого роста самой индустрии. Это во-первых.

Во-вторых, как бы то ни было, в сельском хозяйстве занята подавляющая масса народного труда. Сельское хозяйство страдает от перенаселения. При этих условиях, помимо задачи отвлечения труда из деревни путем индустриализации, перед страной стоит неотложная задача огромной хозяйствственно-политической важности — повысить степень использования деревенского труда, повысить его производительность и тем самым увеличить общую продукцию народного хозяйства, смягчить перенаселение, используя для этого все другие доступные пути, помимо индустриализации. План недостаточно учитывает серьезность этой проблемы. План учитывает, в сущности говоря, лишь стихийный рост степени использования деревенского труда путем интенсификации при почти пассивной позиции государства. Между тем некоторое увеличение вложений в сельское хозяйство (на землеустройство, колонизацию, мелиорацию, на с.-х. индустрию и т. д.) при наших условиях может дать значительный толчок росту сельского хозяйства и повышению его продукции, может подвести более прочный базис под индустриальное развитие страны и смягчить перенаселение. Это не только целесообразно, но, как ясно из предыдущего, это необходимо.

Однако затронутый вопрос о расширении капитальных вложений в сельское хозяйство, естественно, приводит к вопросу об источнике этих средств. Мы видели выше, что намечаемый планом темп накоплений при проектируемом росте потребления отнюдь не обоснован. Но если даже допустить, что он реален, и в этом случае вопрос о расширении ассигнований сельскому хозяйству может быть решен или путем перераспределения ожидаемых накоплений в иной, более благоприятной для

сельского хозяйства пропорции и, следовательно, путем некоторого снижения темпа роста промышленной продукции, или путем увеличения резервов накопления. Если встать на второй путь, то здесь опять возможны две линии.

Можно пойти по линии увеличения накопления в государственном секторе и усиления воздействия на сельское хозяйство путем государственных вложений.

Но эта линия возможна, очевидно, на первых порах, лишь при условии более медленного роста личного потребления населения. Мы уже указывали выше, что при намеченном темпе роста продукции принятые нормы роста благосостояния и потребления населения не обеспечивают и того накопления, которое проектируется. Мы указывали далее, что они не обеспечивают и необходимых избытков для с.-х. экспорта. Действительно, согласно плану, например, рост реальной заработной платы берет, в сущности, почти все, что дает намеченный рост производительности индустриального труда. Очевидно, что ставить себе задачу максимального роста благосостояния населения, не обеспечивая других условий, в частности соответствующего роста с.-х. продукции и экспорта, значит ставить неразрешимую задачу, как бы ни представлялось ее разрешение привлекательным.

Другая линия — принятие программы вложений в сельское хозяйство, выдвинутой комиссией Госплана, т. е. линия отказа от сколько-нибудь значительных вложений в сельское хозяйство со стороны государства. Но эта линия может быть совмещена с одновременным усилением вложений в сельское хозяйство и обеспечением его достаточного роста, очевидно, лишь в том случае, если одновременно будут налицо условия необходимого накопления у самого с.-х. населения. В таком случае нужно усовершенствовать товарный оборот, нужно поощрить накопление в деревне, нужно, даже при стабильных ценах на с.-х. товары, пойти на более значительное снижение промышленных цен, чем это предполагает проект. Нужно дать не 17,5% их понижения за 5 лет, а примерно около 25%.

Мы не будем входить здесь в специальный анализ всех этих путей решения вопроса. Заметим лишь, что решение его представляется абсолютно необходимым и, по нашему мнению, решение это лежит в плоскости известного сочетания трех намеченных путей.

VII

Заканчивая анализ проекта плана по существу, подчеркнем, что *даже независимо от проблемы накопления и вложений в с.-х.* нам представляется проектируемое снижение промышленных цен недостаточным. Постановка вопроса о ценах, данная проектом, стремится разрешить лишь одну задачу — задачу сближения с.-х. и промышленных цен. Но она почти *совершенно не затрагивает проблемы общего снижения цен*. Она исходит из стабильного уровня с.-х. цен. При этих условиях 17,5% снижения цен промышленных товаров обеспечивает снижение общего уровня цен приблизительно на 11%. И это не разрешает проблемы снижения общего уровня цен в целях приближения его к мировому уровню цен, в целях повышения внутренней покупательной силы нашей валюты и облегчения экспорта. Между тем эта проблема столь же настоятельна, как и проблема сближения с.-х. и промышленных цен. Разрешение ее мыслимо лишь при постепенном снижении цен с.-х. товаров. Однако снижение последних при обеспечении сближения их с ценами промышленных изделий предполагает, очевидно, более значительное снижение цен промышленных товаров. Причем так как снижение промышленных цен труднее, то, во избежание результатов опыта 1926 г., необходимо, чтобы инициатива снижения цен в дальнейшем лежала на стороне промышленности.

VIII

Подведем итоги. В своей статье мы сознательно ставили себе лишь критическую, а не конструктивную задачу. Но, разумеется, за нашими критическими замечаниями лежат и известные положительные взгляды на построение перспективного плана. В предыдущем изложении мы далеко не исчерпали всех вопросов, возбуждаемых предложенным проектом плана. Но и разбор затронутых, нам кажется, важнейших вопросов позволяет сделать некоторые выводы.

1. Предлагаемый план в том виде, как он дан, страдает статистическим формализмом построений. За многочисленными и чрезвычайно смелыми и рискованными цифровыми расчетами пока не видно достаточных экономических оснований.

2. Но если даже взять план, как таковой, и рассмотреть его, так сказать, «изнутри», то обнаруживается, что, несмотря на прокламированный принцип балансовой «увязки» всех его элементов, такой «увязки» на самом деле в нем нет. Между проектируемой динамикой продукции, потребления, накопления, экспорта и т. д. нет необходимой согласованности. В силу этого рост одних из перечисленных элементов делает невозможным принятый рост других.

3. В особенности серьезный пробел во внутреннем согласовании динамики различных отраслей хозяйства обнаруживается в отношении сравнительного темпа развития сельского хозяйства и др. отраслей, что связано с неправильным диагнозом положения и значения сельского хозяйства.

4. При таких условиях, если вспомнить те задачи, которые С. Г. Струмилин ставил хорошему плану, и те критерии оценки предлагаемого плана, которые из этих задач вытекают, то нужно признать, что осуществление предлагаемого плана, если бы оно было возможно, не обеспечивало бы нам оптимальный и бескризисный путь развития производительных сил народного хозяйства, не обеспечило бы реально максимального удовлетворения текущих потребностей трудящихся масс и в силу этого едва ли особенно приблизило бы наше народное хозяйство к существенной реконструкции. Наоборот, осуществление плана неизбежно привело бы к росту хозяйственных затруднений.

5. Основная ошибка, допущенная при построении плана, лежит в том, что при составлении его хотели одновременно в максимальной степени разрешить ряд задач, указанных выше (т. е. и максимального и бескризисного роста производительных сил, и максимального удовлетворения текущих потребностей и т. д.), без достаточного учета того, что эти частные задачи при своем крайнем выражении вступают друг с другом в коллизию. Необходимо было найти наилучшее и в то же время совершенно реальное сочетание этих задач. Такое реальное сочетание задач в плане заменено формальным балансированием различных расчетов, которое делает план внешне на первый взгляд стройным. Однако внутренне, экономически он является противоречивым.

Плановое хозяйство, 1927, № 4

**Владимир
Александрович
Базаров
(1874—1939)**

Становление социалистической системы планового хозяйствования неразрывно связано с именем крупного русского и советского экономиста, философа, публициста В. А. Базарова. Этого ученого многое роднит с Н. Д. Кондратьевым: та же глубочайшая компетентность в самых различных областях научного знания, то же непримиримое отношение к нарастающей экспансии административно-плановых форм управления и, к несчастью, та же трагическая судьба.

Да, при всей своей одаренности В. А. Базаров не стал баловнем судьбы. Последние 60 лет его изредка упоминаемое имя произносится без особой почтительности. Впрочем, едва ли этот факт покажется удивительным, если ознакомиться с некоторыми весьма выразительными оценками деятельности В. А. Базарова и его соратника В. Г. Громана, сделанными в конце 20-х — начале 30-х гг. учеными-экономистами, их коллегами по Госплану. Вот, например, мнение члена президиума Госплана СССР Р. Е. Вайсберга: «В период наибольшего расцвета своей вредительской деятельности Громан и Базаров были по существу на поводу у кондратьевской контрреволюционной организации... Те разногласия, которые были между громановской и кондратьевской группами накануне их ликвидации, являются столь незначительными и столь быстро изживались, что они существенного значения не имеют. Они мечтали о свержении советской власти, о ликвидации «режима диктатуры пролетариата» и о восстановлении буржуазно-демократической республики. Сходились в основном и на том, что не мешает прибегнуть к помощи интервенции. Обе группировки особенно тесно сближались друг с другом по во-

просам экономической политики... Они пытались проводить политику кулаков в советских органах через правых коммунистов, стараясь убедить по ряду важнейших вопросов коммунистов в необходимости повернуть экономическую политику страны на путь капитализма или на путь, подготавливающий капиталистическое развитие¹.

Вот такими и запечатлелись в сознании всех последующих поколений В. А. Базаров, Н. Д. Кондратьев, В. Г. Громуан — ученые, которые должны были стать гордостью отечественной науки.

Владимир Александрович Базаров (Руднев) — член Коммунистической академии, ответственный работник Госплана, переводчик на русский язык «Капитала» (совместно с И. И. Скворцовым-Степановым), автор многочисленных философских, исторических и экономических работ. Среди последних следует выделить: «К вопросу о хозяйственном плане» (1924 г.), «Темп накопления и „командные высоты”» (1924 г.), «„Кривые развития” капиталистического и советского хозяйства» (1926 г.), «О методологии построения перспективных планов» (1926 г.), «Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства в СССР» (1927 г.), «Использование бюджетных данных для построения структуры городского спроса в перспективе генерального плана» (1927 г.), «Принципы построения перспективного плана» (1928 г.).

Итак, каковы же взгляды Базарова на проблемы социалистического планирования? Здесь нас прежде всего интересует его отношение к основному вопросу: каким быть плану — директивной установкой или научным предвидением,teleологической схемой или генетическим исследованием². Ученый высказал синтетическую точку зрения, счастливо избежавшую крайностей противоборствующих теоретических течений и обнаружившую весьма прогрессивную тенденцию к воссоединению двух начал в единый диалектический союз. В статье «Принципы построения перспективного плана», опубликованной в настоящем издании, Базаров отмечал, что «teleология и генетика не конкурирующие между собой антагонисты, а диалектически связанные друг с другом моменты единого органического целого»³. Развивая исходную посылку, ученый подчеркивал, что teleологические установки перспективного планирования без генетического их обоснования пусты, генетические же исследования без целевых установок слепы. «План народного хозяйства должен быть зрячим и вместе с тем реальным, научно обоснованным»⁴. На наш взгляд, эта пози-

¹ Вайсберг Р. Фронт планирования и вредительство.— Большевик, 1930, № 19-20, с. 56.

² Сами термины «teleология» и «генетика» были введены в научный аппарат планирования именно В. А. Базаровым.

³ См. настоящее издание, с. 166.

⁴ Там же.

ция Базарова является существенным шагом вперед в понимании природы плановой работы.

Провозгласив паритетную важность обоих начал, Базаров вновь и вновь задумывается об относительной значимости каждого из элементов единства. Из его рассуждений достаточно четко выкристаллизовывается первичность генетического подхода, на фоне которого теологические конструкции носят в значительной мере вынужденный характер, являясь неизбежным следствием нашего «бесконечного несовершенного» знания объективного мира. «Если бы мы располагали идеальным познанием,— мечтает Базаров,— мы могли бы на любое число лет вперед с точностью рассчитывать, путем генетического научного исследования, и развитие материального базиса в данном обществе, и трансформации надстроек, и результаты взаимодействия базиса и надстроек. Ни о каких априорных целевых заданиях, ни о каких предварительных конструкциях или «моделях» в нашей плановой работе не было бы тогда и речи. Мы не строили бы никаких вариантов, но, опираясь исключительно на изучение прошлого, сумели бы с полнейшей логической непререкаемостью начертать единственно возможный и необходимый путь грядущего. К сожалению, мы бесконечно далеки от такого бесконечно глубокого и исчерпывающего познания. Поэтому в плановой работе мы, не умея *предвидеть*, вынуждены *предвосхищать* результаты развития в форме априорных целевых заданий и уже потом, апостериори, научно оправдывать и обосновывать их»¹.

Как видим, в этом разъяснении Базарова явно преобладает генетическая доминанта, характерная и для теоретических построений Н. Д. Кондратьева. Да и мог ли мыслить иначе человек, так страстно выступивший, как помнит читатель, против тезиса академика Струмилина о науке-служанке.

Научные представления Базарова об экономическом развитии, подразумевающие примат генетического, научного подхода, органично сочетаются с выдвинутым им и Громуаном положением, согласно которому развитие производительных сил общества должно быть *ведущим* звеном плана. Разумеется, подобный, говоря современным языком, «общечеловеческий» подход не мог встретить понимания у сторонников приоритета специфических закономерностей, немедленно обвинивших авторов в «струвизме». «Но разве у нас не бывает таких моментов,— возмущенно ораторствовал с трибуны Коммунистической академии Струмилин,— когда мы идем на известные жертвы и производительными силами? Разве их не требует прежде всего сама эпоха социальной революции? Ведь мы не мальчики, мы прекрасно понимаем, что если мы идем на социальную революцию, то мы тем

¹ См. настоящее издание, с. 168—169.

самым идем в течение ряда лет на понижение, на разрушение производительных сил, на попятное движение в этой области»¹. Чрезвычайно любопытное утверждение. Идет лишь 1928 г. «Попятное движение», «известные жертвы производительными силами», и в том числе главной производительной силой страны — человеком, трудящимся, пока еще впереди. Но они уже угадываются в приметах времени и уже получают определенное, впрочем достаточно убогое, теоретическое «обоснование». «Во имя чего же мы это делаем? — гремит под сводами научного храма гневный голос Струмилина.— Во имя социализма»². Святость цели уже сама по себе, оказывается, оправдывает любые жертвы. Производительные силы, человек — лишь средства, но не цель. Вот она, верховная идеология надвигающейся эпохи, обрамленная в высокий революционный пафос.

Прикрываясь плотным огнем догматических фраз, бравируя непоколебимой марксистской ортодоксальностью, глашатай «казарменного социализма» начали отступление и от самого марксизма. И это обстоятельство одним из первых советских экономистов зорко подметил В. А. Базаров.

То, что Струмилин называет «струвизмом», в действительности лишь пересказ известного предисловия к «Критике политической экономии» К. Маркса. В предисловии говорится о том, что в основе исторического процесса лежит развитие производительных сил и производственных отношений, составляющих экономический базис общества, на котором вырастают идеологические, юридические и прочие надстроечные отношения. Что такое социализм? Это есть, отвечает Базаров, юридическая и социальная форма, предполагающая «мощное развитие производительных сил». «Никоим образом,— продолжает ученый,— нельзя сказать так, как говорит Струмилин,— что социализация есть для нас первое и основное, а рост производительных сил мы допускаем „постольку, поскольку”»³.

Как видим, представления Базарова диаметрально противоположны и отвергают примат специфики в плановом управлении социально-экономическим развитием страны. Примечательно и то, что от проницательного взгляда Базарова не ускользнула нить преемственности, связывающая концепцию превосходства целевых установок над развитием производительных сил с идеями раннего христианства, уходящими в глубь веков.

Как свидетельствует ученый, глубоко и профессионально знавший историю, первые религиозные коммунистические общины мало заботились о росте производительных сил, зато с величайшей строгостью

¹ О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР: Дискуссия в Коммунистической академии. Изд. 2-е. М., 1928, с. 38.

² Там же.

³ Там же, с. 79.

и бдительностью проводили в жизнь требование отказа от личной собственности. Всякий вновь вступивший в общину должен был продать свое имущество, а вырученные деньги сложить к ногам апостола. Базаров пересказывает исключительно любопытный эпизод, взятый им из «Деяний апостольских» и представляющий немалый интерес с точки зрения предмета дискуссии. Некий муж Ананий с женой Сапфирою, продав имущество, принесли деньги к ногам апостола Петра. Однако не все, что-то они все же утаили. Петр сурово обличил их перед лицом всей общины, а бог немедленно поразил их смертью. Трупы были зарыты без всяких религиозных церемоний. Итак, за утайку части личного имущества — смертная казнь на месте.

Подобный примат «коммунистической формы над экономическим содержанием», продолжает Базаров, сохранялся на протяжении многих веков в сектантском социалистическом движении. Крупный шаг в преодолении подобных воззрений сделали социалисты-утописты, в особенности Сен-Симон. Здесь уже социалистическая организация приведена в сознательную гармонию с развитием производительных сил, она и призвана прежде всего наилучшим образом обеспечить это развитие. Но утопический социализм был неисторичен, и в этом-то состоял его главный недостаток.

К. Маркс осуществил коренной переворот в теоретических представлениях по данному вопросу, поставив социалистическое преобразование общества в неразрывную взаимосвязь не только с развитием производительных сил вообще, но и с исторически определенным уровнем их развития. Базаров напоминает Марксово положение, в соответствии с которым ни одна социально-экономическая формация не погибает раньше, чем разовьются присущие ей производительные силы. Она погибает, когда данный общественный строй, т. е. данная совокупность, структура производственных отношений, из формы развития производительных сил превращается в его оковы. И лишь тогда «бьет час социальной революции».

Таким образом, несомненно то огромное значение, которое К. Маркс придает производительным силам. Отсюда, заключает Базаров, обвинения Струмилина в адрес сторонников примата производительных сил есть не что иное, как отступление именно от марксизма. Ученый приходит к мнению о том, что струмилинское «постольку, поскольку» надо «перевернуть». Массы приемлют общественные формы постольку, поскольку они, эти формы, способствуют непрерывному росту благосостояния, а это последнее может расти лишь при условии роста производительных сил. Базаров делает вывод исключительной исторической важности. «Не производительные силы, — говорит он, — должны быть приспособлены к заранее данным априори санкционированным формам социализации, а как раз наоборот, проводимые в жизнь формы социализации должны *неустанно пересмат-*

риваться, подвергаться критике и исправлению, раз они в недостаточной степени стимулируют развитие производительных сил (курсив наш.—Авт.)»¹. И это утверждение впрямую перекликается с известным положением об отсутствии автоматичности в развитии производственных отношений и необходимости в связи с этим постоянного совершенствования хозяйственных форм, обеспечивающего прогрессирующее движение производительных сил социалистического общества.

Никакой общественный строй не заслуживает права на существование, если он не ставит в центр своего внимания человека, его материальные, духовные, социальные, нравственные потребности. Единственным гарантом все более полного удовлетворения их являются высокодинамичные производительные силы. Струмилинский тезис о превосходстве «социализации» перевернул марксистскую трактовку о соотношении производительных сил и производственных отношений с ног на голову, но это ее не совсем удобное положение, похоже, не слишком смущало автора. Отсюда выводился и широко известный постулат об опережающем и определяющем развитии производственных отношений, что, дескать, позволяет создать стимулы для ускоренного развития производительных сил, «подтягивая» их к состоянию производственных отношений.

Выступая в Коммунистической академии, Базаров отмечал, что защищаемая Струмилиным теория — «очень удобная идеологическая подушка для жаждущего спокойствия бюрократа переходного периода. Это — идеология бюрократического оцепенения и бюрократического самодовольства... это — идеология, при торжестве которой неизбежно должна появиться и все более и более углубиться трещина между бюрократией и народом»². Нельзя не отдать должное проницательности В. А. Базарова, его способности предвидеть будущее. Увы, прогноз подтвердился. Предпринятый перестройкой и демократизацией штурм мощных бюрократических бастионов пока идет медленно. Но он продолжается и должен быть продолжен уже хотя бы потому, что отступать некуда.

Необходимо отчетливо понимать всю сложность проблемы бюрократизма, насаждавшегося административной системой долгие десятилетия. Поэтому и борьба с ним — дело не одного года. Усугубляются трудности еще и тем обстоятельством, что бюрократы — это неизбежно, как отмечает Базаров, грубые, циничные чиновники, терроризирующие население. «Представим себе,— пишет он,— губернию, администраторы которой аккуратно, без всякой волокиты исполняют свои текущие обязанности, вежливы с просителями и жа-

¹ О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР: Дискуссия в Коммунистической академии, с. 81.

² Там же.

лобщиками, сугубо предупредительны по отношению к представителям пролетариата и беднейшего крестьянства, неукоснительно и четко выполняют ниссылаемые из центра директивы, бойко проводят все очередные «кампании», немедленно превращают все лозунги текущего момента в яркие, на видных местах развесенные плакаты и по завершении своего трудового дня направляются не в кабак, но, в сопровождении своих законных, зарегистрированных в загсе супруг, идут отдохнуть в кинематограф»¹.

Быть может, достаточно заменить бесчестных, коррумпированных, недобросовестных, откровенно грубых и т. п. бюрократов администраторами второго типа — и тогда уже можно с облегчением вздохнуть: сражение с бюрократизмом выиграно? Нет, Базаров отнюдь не намерен тешить своего читателя иллюзиями. С его острого, неумолимого по своей логичности пера срывается безжалостная оценка деятельности, «вежливых» чиновников, которые, оказывается, как раз и представляют собой чистейшую форму бюрократизма. «На творческую инициативу низов она действует как масло на морские волны. Именно идеальность бюрократа, горячая преданность делу, сознание свято выполненного служебного долга делают его непримиримым врагом всякого радикального новаторства, всякой принципиальной критики сложившегося положения вещей. Идеальный чиновник не меньший враг творческого изобретательства, нежели чиновник-шкурник, но враг более принципиальный, а следовательно, и более опасный»².

Где же выход? В. А. Базаров его прямо не указывает. Однако из его рассуждений следует, что, во-первых, бюрократы есть неизбежный продукт административно-плановой централизованной системы управления. Во-вторых, для преодоления этого уродливого явления необходимо изменить сами условия, почву, на которой данное явление произросло, создавая демократическую обстановку, такую общественную среду, «где систематически культивировался бы дух творчества и изобретательства, где сформировалось бы новое понятие о чести, о человеческом достоинстве, новое общественное мнение, стимулирующее творческие искания и способствующее естественному отбору полноценных семян подлинно творческой критики от плевел пустопорожнего самодовлеющего скепсиса»³. Наконец, в-третьих, крайне необходимо вырвать из-под головы жаждущих спокойствия бюрократов ту самую «идеологическую подушку», которой является для них струмилинская теория примата целевых установок.

Итак, перспективный план не должен сводиться к сумме произвольно установленных целевых заданий, но он также не может быть

¹ См. настоящее издание, с. 214—215.

² Там же, с. 215.

³ Там же, с. 216.

выведен исключительно из анализа «объективного хода вещей» ввиду недостаточности нашей системы знаний. Поэтому он должен «сочетать телеологический и генетический методы на почве отыскания оптимального пути развития»¹. Такой вывод представляет собой, повторим, значительный вклад в теорию планирования.

Ряд глубоких суждений Базаров высказал по вопросам системы и методов планирования. В полном согласии с «цепочкой Кржижановского» находится положение ученого о трехзвенной системе: генеральный план как основа; перспективный план как первое уточнение; контрольные цифры как вполне конкретизированный годовой отрезок генеральной перспективы.

Исходным звеном системы является генеральный план — долговременный план реконструкции народного хозяйства. Его построение, по мысли Базарова, прежде всего сводится к пересмотру и модернизации плана ГОЭЛРО, главнейшими координатами которого являются электрификация страны и ее экономическое районирование. Но не только.

Генеральный план народнохозяйственной реконструкции должен обрисовать перспективу развития общественных производительных сил страны как с качественной, так и с количественной стороны. В отношении качественных улучшений процесс генеральной реконструкции не может, по Базарову, считаться законченным до тех пор, пока у нас остаются предприятия или отрасли, характеризующиеся производительностью труда, низшей, чем у заграничных конкурентов, вследствие технической или организационной отсталости. И с этих позиций генеральный план «есть прежде всего план радикального преодоления нашей отсталости»².

Далее. Хотя обостренные отношения с капиталистическими странами вынуждают придерживаться концепции народнохозяйственной независимости СССР, генеральный план, закладывающий фундамент хозяйственного развития страны на многие десятилетия, обязательно должен вобрать в себя идею международного разделения труда, «национального районирования общественных производительных сил в мировом масштабе».

Этот штрих весьма примечателен для взглядов В. А. Базарова, взглядов, которые, как уже отмечалось, базируются на общеэкономических, общечеловеческих приоритетах. Исходя из общей предпосылки о взаимосвязанности и цельности мировых хозяйственных процессов, ученый отвергает концепции, покоящиеся на идеях национальной обособленности. «... более отдаленной перспективе предположение перехода от народнохозяйственной индивидуализации к ми-

¹ Базаров В. А. О методологии построения перспективных планов. — Плановое хозяйство, 1926, № 7, с. 9—10.

² Там же, с. 14.

хозяйственному плану является вполне допустимой и для социалиста обязательной (курсив наш.—Авт.)»¹. Сегодня эта идея, обозначенная в 20-х гг., обрела наконец теоретическое обоснование и является одной из основополагающих в системе новых представлений о мировой экономике.

Что же касается количественной предпосылки построения генерального плана, то здесь В. А. Базаров предлагает иметь в виду прежде всего объем производительных сил, темпы их роста, что уже является специальной задачей не генерального, а перспективного плана в узком смысле слова (пятилетнего), а также годовых контрольных цифр. Поэтому генеральный план должен являть собой *условную гипотезу* объема производительных сил, которая в перспективных планах уточняется. Таким образом, по мнению Базарова, «генеральный план ни в коем случае нельзя рассматривать как вполне законченную идеиную модель, которую остается лишь с буквальной точностью воспроизвести в реальном материале хозяйственного строительства. Как и всякое подлинное человеческое творчество, реконструкция народного хозяйства до конца осознает и конкретизирует свое задание лишь в процессе его воплощения»².

Пятилетний план и имеет целью конкретизировать ближайшие этапы осуществления генерального плана, причем разбивка по годам неизбежно является условной и примерной, ибо ряд факторов, влияющих на годовые темпы роста, не поддаются предвидению (например, колебания урожая и т. п.). И вообще, Базаров, так же как и Кондратьев, не рекомендует увлекаться детализацией схематических цифровых построений, «высшее достоинство которых состоит в том, что они (как совершенно произвольные) не могут быть ни опровергнуты, ни доказаны. Надо сосредоточить все свое внимание на *основных архитектурных линиях перспективного плана...* (курсив наш.—Авт.)»³.

Наконец, построение оперативных программ хозяйственного развития на предстоящий год должно основываться на тщательном учете наличных ресурсов и текущей конъюнктуры. Однако не следует при этом переоценивать значения годовых отрезков, ибо «лишь маяк генерального плана может осветить общее направление движения, указать тот курс, которого экономическая политика должна неизменно держаться, обходя подводные скалы и мели быстро текущей конъюнктуры»⁴. Хорошо сказано, не правда ли?

¹ Базаров В. А. О методологии построения перспективных планов.—Плановое хозяйство, 1926, № 7, с. 15.

² Там же, с. 16.

³ См. настоящее издание, с. 168.

⁴ Базаров В. А. О методологии построения перспективных планов.—Плановое хозяйство, 1926, № 7, с. 21.

Из опубликованной в настоящем издании статьи «Принципы построения перспективного плана» читатель узнает, что Базаров, в отличие от Кондратьева, высоко оценивал балансовый метод планирования, называя его основным методом построения перспективных планов. Кроме того, Базаров вслед за Кржижановским подчеркивал особую значимость и методы последовательных вариантов приближений, считая разработку максимального и минимального вариантов при окончательной компоновке перспективного плана вполне целесообразной, так как такой подход дает диапазон возможных колебаний проектируемых хозяйственных достижений. Однако, уточняет свою позицию Базаров, в самом процессе построения плана, «в процессе отыскания оптимума при тех «конъюнктурных» предпосылках, какие условно приняты за данное (например, «средний» урожай, возможность иметь иностранные кредиты в определенной форме и в определенных размерах и т. п.), максимальный и минимальный варианты ни в коем случае не могут послужить нам путеводной нитью»¹.

Метод последовательных приближений к оптимуму предполагает необходимость разработки вариантов, построенных на другой основе. Нужны конкурирующие модели, проектировки, каждую из которых следует положить в основу особого варианта плана. «Только такая проработка,— убежденно заверяет ученый,— дает возможность конкретно сопоставить все плюсы и минусы, присущие построенным указанным способом гипотезам, без чего нельзя с достаточной обоснованностью признать оптимальной одну из этих гипотез или нашупать оптимальный компромисс между несколькими из них»².

Разумеется, подобный плюрализм гипотез, вариантов, идей можно только приветствовать. Однако сопоставление даже нескольких гипотез влечет за собой гигантские расчеты. Как же быть? Не нужно отчаиваться, говорит Базаров. Во-первых, на практике часто не требуется делать законченные варианты конкурирующих схем. В огромном большинстве случаев бывает достаточно немногих балансовых расчетов, чтобы отдать предпочтение той или иной гипотезе. Во-вторых, поиск оптимальной модели предполагает широкое использование математических методов. Надо сказать, что Базаров одним из первых советских экономистов активно развивал идею применения методов «по образцу точного естествознания», приемов максимально точных количественных выражений социально-экономических процессов. В частности, развернутое обоснование эта идея получила в книге В. А. Базарова «Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР», а также в ряде его статей³.

¹ См. настоящее издание, с. 192.

² Там же, с. 193.

³ См., например: Базаров В. А. «Кривые развития» капиталистического и советского хозяйства.— Плановое хозяйство, 1926, № 4, с. 5—6.

Особый интерес представляют взгляды В. А. Базарова на роль товарно-денежных отношений в социалистическом хозяйствовании. Ознакомление с работами ученого вынуждает «сильно удивиться» широко бытующим даже в современной литературе утверждениям о «безудержной апологетике рыночной стихии в качестве регулятора народного хозяйства»¹, якобы содержащейся в выступлениях Базарова. Но почему тезис о «безудержной апологетике» рынка подкрепляется ссылкой не на какую-либо работу самого В. А. Базарова, в которой бы содержалось подобное утверждение, а на книгу... С. Г. Струмилина «На плановом фронте»? Скорее всего потому, что В. А. Базаров не давал поводов для таких «изобличений».

Разумеется, представления Базарова о товарно-денежном инструментарии и его соотношении с плановым руководством экономикой не могли импонировать сторонникам телеологического направления. Ведь для них, как уже отмечалось, план и рынок — непримиримо враждебные друг другу антагонисты, борьба (не сочетание, а именно борьба) между которыми рано или поздно (лучше рано) должна завершиться полной победой одного начала (плана) и, следовательно, полным уничтожением другого начала (рынка), воскреснувшего под благотворным воздействием нэпа.

Нет, подобные «левокоммунистические» забегания вперед были чужды В. А. Базарову. С удовлетворением встретив ленинскую новую экономическую политику, он с самого начала решительно отвергал примитивные противопоставления планового хозяйства нэпу, в соответствии с которыми усиление планового начала якобы невозможно без ущемления нэпа. «Что в нэпе далеко не все прекрасно, не подлежит спору. И тем не менее, как показывает опыт, самый приступ к практическому осуществлению планирования... стал возможен только благодаря нэпу, т. е. наличности рынка и тесно связанной с этим последним системы «хозяйственного расчета» в государственных предприятиях»². И далее ученый категорически заключает: «Переход к планированию в народнохозяйственном масштабе требует не ликвидации, а, наоборот, укрепления и развития тех же самых основных начал»³.

Это писалось в 1923 г. Чуть позже, в 1924 г., уже после смерти В. И. Ленина, Базаров, ощущая смутную тревогу за дальнейшую судьбу нэпа, публикует небольшую, однако превосходящую, на наш взгляд, многие современные работы на аналогичные темы статью «К

¹ См., например: История политической экономии социализма, Л., 1983, с. 195.

² Базаров В. А. «Ножницы» и плановое хозяйство.— Экономическое обозрение, 1923, № 10, с. 14.

³ Там же.

вопросу о хозяйственном плане»¹, в которой только что изложенные мысли получают углубленное обоснование. Конечно, говорит ученый, законченное плановое хозяйство предполагает *непосредственно-общественное управление*, однако путь к такому хозяйству сложен и диалектически противоречив. Таким важным движущим вперед противоречием является противоречие между плановым хозяйством и товарным рынком, существующее в рамках единства. Сочетание этих двух начал, таким образом, отнюдь не простой компромисс между социалистическим и капиталистическим началом. «В рамках общественно-производственных возможностей данной эпохи и данной страны,— пишет Базаров,— нэп есть основная предпосылка успешного хозяйственного планирования, диктуемая внутренней структурой государственной промышленности, и было бы глубоко ошибочно видеть в современной экономической политике какое-то самоограничение планового принципа в интересах мелкобуржуазной крестьянской стихии»².

Базарову претит прямолинейность так называемого «военного коммунизма», ставшего, по его меткому выражению, «эпохой идеологического и юридического торжества хозяйственного плана при его фактическом бессилии». Действительно, в казалось бы архикентрализованной экономике безраздельно господствовали случай и стихия. «И только принцип «хозяйственного расчета», неразрывно связанный с восстановлением товарного рынка,— подчеркивает ученый,— позволил приступить к обузданию этой стихии путем более или менее планомерного осуществления, более или менее рационально построенных программ. Только «новая экономическая политика» дала возможность провести на деле некоторое сокращение контингентов, более правильное распределение в производстве работников различной квалификации, повысить нагрузку регулярно действующих предприятий и перевести на «консервацию» или ликвидировать предприятия, не могущие по тем или иным причинам действовать регулярно»³.

Как видим, Базаров действительно защищает нэп, защищает ленинскую концепцию экономических методов, хозяйственного расчета, основанных на товарно-денежных отношениях, интуитивно чувствуя нависшую над нэпом смертельную опасность, оказавшуюся далеко не мифической. И если именно это означает «безудержную апологетику рыночной стихии», то остается лишь выразить чувство глубокого сожаления по поводу того, что к ней, этой «апологетике», своевременно не прислушались. В результате через несколько лет нэп был раздавлен...

¹ См.: Экономическое обозрение, 1924, № 6.

² Базаров В. А. К вопросу о хозяйственном плане.— Экономическое обозрение, 1924, № 6, с. 10.

³ Там же.

Почему нэп сумел обеспечить быстрое хозяйственное возрождение страны, высокий, беспрецедентный динамизм экономики? По мнению Базарова, предпосылкой успехов явился рынок — сложное экономическое явление со своими законами существования, выполняющими важные регулирующие функции. Во-первых, рынок облегчил восстановление личной заинтересованности каждого работника в результатах труда и личную ответственность за добросовестность труда (чего, добавим, не могла, не может и вряд ли сможет обеспечить внеэкономическая, командная система планового управления). Во-вторых, рынок чрезвычайно упростил функции фактической проверки работы предприятий, а следовательно, «всяческое хозяйственное регулирование», осуществляющее аппаратом управления.

Что здесь имел в виду Базаров? Ответ на этот вопрос он дает, используя образную аналогию, существенно облегчающую понимание его позиции. Как пишет Базаров, в настоящее время во многих московских домах один электросчетчик приходится на несколько квартир, причем оплата энергии, учтываемой таким коллективным счетчиком, раскладывается на отдельных квартиронанимателей пропорционально имеющемуся у каждого из них числу лампочек. Наблюдения показывают, что при такой системе каждый житель расходует, как правило, больше энергии на одну лампочку, чем это он делал в дореволюционное время при наличии индивидуальных счетчиков, несмотря на то что энергия теперь обходится значительно дороже, а бюджет пользователя обычно ниже довоенного. Нечто подобное, по Базарову, происходит в государственном хозяйстве. Хозяйственный расчет, базирующийся на возрожденном после «военного коммунизма» рынке, и создает своего рода индивидуальный счетчик, автоматически отмечающий результаты деятельности каждого отдельного предприятия, что значительно упрощает задачу контроля и самоконтроля.

При отсутствии товарного рынка, рассуждает далее ученый, экономическое значение каждого отдельного хозяйственного акта реально оказывается не там, где такой акт имел место, а лишь на общих результатах всего государственного хозяйствования в целом. «И само собой понятно, что в этих суммарных результатах, где причудливо перекрещиваются между собой и накладываются друг на друга ошибки и достижения, удачи и неудачи тысяч предприятий, практически невозможно выделить долю, падающую на каждое отдельное из них»¹.

Можно лишь позавидовать дару научного проникновения в толщу хозяйственных процессов, которым, несомненно, обладал Базаров,

¹ Базаров В. А. К вопросу о хозяйственном плане.— Экономическое обозрение, 1924, № 6, с. 11.

его умению ставить диагнозы и делать прогнозы, поражающие своей четкостью и системностью. Когда-то, выступая в связи с тридцатилетием научной и общественной деятельности крупнейшего экономиста Громана, Базаров произнес следующие слова: «Приходится констатировать, что «комплексное мышление» есть пока в значительной степени индивидуальное достояние Громана. Еще не найдено путей, которые позволили бы выразить основные принципы этого синтеза в общедоступной и общезначимой «наукообразной» форме, сделав их методологически усвоемыми для всякого научного работника»¹. Действительно, таких путей не найдено, да и вряд ли они будут найдены, во всяком случае в обозримом будущем. Ясно, однако, другое — Базаров также является счастливым обладателем столь уникальных исследовательских качеств.

Действительно, приходится удивляться тому, что на основе обобщения крайне незначительного еще опыта хозяйствования ученым усмотрел опасные зачатки таких требующих теперь коренной перестройки негативных процессов, как превращение государственной формы собственности, по сути дела, в «ничейную», «анонимную», возникновение на базе «коллективной ответственности» (точнее, коллективной безответственности) безразличного отношения к общественному богатству, деградация чувства хозяина и появление устойчивых иждивенческих настроений, укрепляющихся благодаря уравниловке, перераспределению доходов хорошо работающих трудовых коллективов в пользу нерадивых и т. п.

Нет, говорит Базаров, одного такого «коллективного счетчика», действующего при системе непосредственно государственной организации производства и распределения совершенно недостаточно на достигнутом у нас уровне развития производительных сил. Пока же, продолжает ученый, «в противовес господствующему взгляду можно сказать, что смычка между государственной промышленностью и мелким самостоятельным товаропроизводителем требует свободного товарного рынка лишь постольку, поскольку сама государственная промышленность, на данном ее уровне, нуждается в нэпе как основной предпосылке своего нормального существования и развития»².

Ученый Базаров — диалектик, он против крайностей. В равной мере отрицательно относится как к идеям расширения планового начала за счет ущемления нэпа и, следовательно, воленс-ноленс реанимирующих методы «военного коммунизма» (или, более широко, административно-командной системы), так и к противоположным взглядам, согласно которым само государственное планирование является утопией. По его мнению, планирование необходимо и осуще-

¹ См.: Плановое хозяйство, 1927, № 6, с. 163.

² Базаров В. А. К вопросу о хозяйственном плане.— Экономическое обозрение, 1924, № 6, с. 11.

ствление планов как раз призвано создать условия здорового естественного развития, позволяющего успешно хозяйствовать, руководясь текущими показателями конъюнктуры¹. Что ж, такой план, который бы не деформировал рынок, не подменял его, а основывался на учете рыночных тенденций, на знании законов товарно-денежных отношений, нам еще только предстоит создать, как, впрочем, предстоит создать и сам рынок, полнокровный, не задыхающийся, здоровый. Так поставила вопрос сама жизнь.

Наиболее яростной атаке телеологов подверглись взгляды Базарова на проблемы хозяйственного равновесия, накопления, темпов экономического роста и другие проблемы, ставшие центральными в перспективном планировании. В связи с этим целесообразно вернуться к их рассмотрению, хотя бы в краткой форме.

Выше уже отмечалось, что основная задача в области перспективного планирования, по мнению Базарова, заключается в необходимости определения оптимального пути развития народного хозяйства на базе органического сочетания телеологического и генетического подходов. Какой смысл вкладывает ученый в понятие «оптимальности» хозяйственных планов? Послушаем самого Базарова. «Не подлежит сомнению,— говорит он,— что на различных этапах хозяйственного строительства будет соответственным образом изменяться и само конкретное содержание оптимума. Можно, однако, указать некоторые требования, выполнение которых необходимо при всяких условиях². Эти основные характеристики оптимума, считает Базаров, могут быть сведены к следующим трем положениям.

Во-первых, движение народного хозяйства от его настоящего состояния к запроектированному будущему состоянию должно протекать плавно, без резких перебоев, что делает абсолютно необходимым формирование известных страховых и маневренных резервов. Думается, что постановка вопроса о резервах не может быть подвергнута сомнению.

Во-вторых, народное хозяйство всегда должно представлять собой стройное целое — «максимально устойчивую систему подвижного равновесия», систему, характеризующуюся соразмерностью, внутренней согласованностью отдельных входящих в нее элементов. Иными словами, второе требование Базарова сводится к установлению и поддержанию пропорциональности экономики и сбалансированности перспективного плана ее развития. И это требование вполне правомерно.

¹ См.: Базаров В. А. К вопросу о хозяйственном плане.— Экономическое обозрение, 1924, № 6, с. 12.

² Базаров В. А. О методологии построения перспективных планов.— Плановое хозяйство, 1926, № 7, с. 11.

В-третьих, оптимальность предполагает, чтобы путь к намеченной в плане цели был избран *кратчайший*. Это связано с оптимизацией размеров накопления и темпов хозяйственного роста¹. Очевидно, что этот заключительный элемент базаровской триады также важен.

Таким образом, все компоненты триады действительно значимы, и вряд ли к ним, в их постановочном виде, могут быть предъявлены серьезные претензии. Однако иллюзия единодушия мгновенно разрушилась, как только вопрос переводился в плоскость решения. Особенно острыми были столкновения по третьему пункту.

Как уже отмечалось, базаровская концепция «затухающей кривой» и «недопроизводства» при социализме довела теоретические страсти до отметки кипения и вызвала весьма острую реакцию у сторонников телеологического направления. «Трудно найти того Бобчинского или Добчинского,— ерничал экономист Вайсберг,— который впервые сказал «э-э, большевики всегда будут подыхать от недопроизводства», но глубоко-ученое перо, которому принадлежит философское оформление этой теории, доподлинно известно — оно принадлежит В. А. Базарову². Гулким эхом вторят им одни современные «разоблачители базаровицыны»: «Базаров и другие экономисты буржуазного направления (т. е. «генетики».— Авт.) предлагали решение проблемы темпов вне связи ее с задачами построения социализма в нашей стране»³, дополняют и уточняют другие: «...теория «затухающей кривой» служила фундаментом для всех попыток превратить нашу страну в придаток капитализма, закрепить ее технико-экономическую отсталость на долгие годы и воспрепятствовать социалистическому пути развития СССР»⁴. Завидная преемственность, что и говорить.

Попробуем, однако, спокойно разобраться в позиции Базарова, кстати сказать, довольно полно представленной в опубликованной в настоящем издании статье «О перспективах хозяйственного и культурного развития», в которой так же, как и в статье Кондратьева, содержится глубокая критика модели первого пятилетнего плана в отношении запроектированных темпов экономического роста.

Как известно, в первом пятилетнем плане ежегодный темп прироста в промышленности в целом определялся в 18%, в том числе по группе «А»—20%, группе «Б»—17%. Но многим ответственным работникам ВСНХ и Госплана подобные темпы казались минимальными.

¹ См.: Базаров В. А. О методологии построения перспективных планов.— Плановое хозяйство, 1926, № 7, с. 11—12.

² Вайсберг Р. Е. План и хозяйственные затруднения. М.—Л., 1929, с. 106.

³ Белянова А. М. О темпах экономического развития СССР. М., 1974, с. 30.

⁴ История политической экономии социализма, с. 198—199.

Может быть, в самом деле они были весьма скромными? Послушаем Базарова: «Через 5 лет продукция промышленности увеличится... в 2,4 раза, через 10 лет — в 5,4 раза, через 15 лет — в 12,6 раз, через 20 лет — в 29,3 раза, через 30 лет (т. е. примерно к концу 50-х гг.—Авт.) — в 160 раз. Итак, менее чем через 20 лет мы по уровню промышленного развития далеко оставим за собой Сев. Америку (предполагая притом, что эта последняя в свою очередь будет развивать свою индустрию не медленнее, чем в настоящее время), а через 30 лет на каждого гражданина Советского Союза будет приходиться во сто раз больше промышленной продукции, чем в наши дни. Другими словами, еще при жизни современного поколения производительные силы СССР достигнут такого мощного расцвета, что... народы, населяющие территорию теперешнего Советского Союза, смогут перейти к безгосударственному вольному коммунизму, начертав на своих знаменах девиз „От каждого по его силам, каждому по его потребностям”»¹.

«Да и только ли народы СССР?» — задается вопросом Базаров. При таком размахе успехов преимущества социализма, планового хозяйствования стали бы уже через небольшое количество лет настолько очевидными, что «никакие ухищрения капиталистов и их прислужников не смогли бы удержать рабочие массы буржуазных стран в рамках политической деятельности. Мировая коммунистическая революция стала бы неизбежной в самом непролongительном будущем... Таким образом, если 18—20-процентный ежегодный рост действительно обеспечен на длительный срок положительными особенностями нашего хозяйственного строя, то уже не через 30, а через каких-нибудь 15—20 лет земное человечество развернутым фронтом, в «планетарном масштабе», подойдет к осуществлению вольного коммунизма. Значит, не только наши дети, но и некоторые из нас, стариков, сподобятся собственными глазами увидеть предвзведенный Энгельсом прыжок из царства необходимости в царство свободы и на пороге крематория успеют от всего сердца произнести свое „ныне отпускаеш”»².

Перспектива действительно чарующая, захватывающая дух, услаждающая воображение. Однако в реальной жизни действие факторов, способных реально обеспечить длительное поддержание темпов на высоком уровне, в значительной степени перекрывается действием ограничительных факторов, а поэтому высокие темпы неизбежно могут и будут затухать. Только в условиях подлинного расцвета производительных сил и победы социалистического строя, когда исчезнут тормозящие факторы, появится возможность развивать экономику устойчиво высокими темпами.

¹ См. настоящее издание, с. 204.

² Там же, с. 205.

Но нет, не отрезвила, казалось бы, убийственная ирония Базарова составителей плана — сторонников телеологического подхода. «Мы,— отвечал Базарову видный экономист-телеолог В. Е. Мотылев,— не видим ничего невозможного в достижении уровня Соединенных Штатов в 25—30 лет. В отличие от т. Базарова, мы не считаем этой задачи неосуществимой и не склонны иронизировать по этому поводу. Директиву XV партийной конференции «стремиться к тому, чтобы в относительно минимальный исторический срок нагнать, а затем и превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран», мы считаем вполне осуществимой в условиях *переходной системы хозяйства* (курсив наш.— Авт.). Напрасно иронизирует т. Базаров относительно того, что при таком темпе развития еще современное поколение могло бы дожить до безгосударственного вольного коммунизма... Вообще, попытка т. Базарова иронизировать по поводу возможности такого темпа кажется нам странной...»¹

Вопрос о темпах хозяйственного развития, о динамике советской экономики стал, пожалуй, одним из самых боевых участков обширнейшего поля брани, где наиболее непримиримо скрестили свои шпаги телеологи и генетики. Здесь, на этом участке, происходили самые кровопролитные «плановые» бои, в результате которых генетики потерпели сокрушительное поражение.

Надо сказать, что обоснования телеологами необходимости высоких темпов развития не отличались научной глубиной, аргументация их была достаточно поверхностной и строилась не с позиций реальных возможностей, а с точки зрения «так нужно во что бы то ни стало». И действительно, это было нужно, и действительно «во что бы то ни стало». Нам было нужно в кратчайший срок «догнать и перегнать», нам было нужно в кратчайший срок создать надежный оборонный щит, нам нужно становиться развитой в индустриальном отношении державой. Все это так, но все же, как считал Базаров, из поля зрения никогда не должны исчезать реальные возможности, любые цели должны формулироваться на основе внимательнейшего анализа объективной хозяйственной жизни.

Над представлениями сторонников телеологического направления довлели тезисы о «безграничных» преимуществах социализма, об огромной созидательной силе плановой организации народного хозяйства. Тот же Мотылев, посвятивший проблеме темпов развития немало работ, называл в качестве фактора, обеспечивающего высокий динамизм экономики, социалистическую рационализацию, которая, в отличии от капиталистической, заключается не только в техни-

¹ Мотылев В. О темпе хозяйственного и культурного развития СССР (О статье тов. Базарова).— Экономическое обозрение, 1928, № 8, с. 14.

ческих и организационных улучшениях, но и в реализации многообразных преимуществ переходной системы хозяйства. Значение этого фактора, считал он, постоянно будет нарастать.

Большие надежды в обосновании высоких темпов возлагались и на такое обстоятельство, как ликвидация в Стране Советов непроизводительного потребления эксплуататорских классов, «пожиравших» значительную долю национального дохода. Наконец, не сбрасывались со счетов и пробудившиеся социализмом активность, самодеятельность широких народных масс.

Наличие всех этих факторов вряд ли может быть подвергнуто сомнению. Но достаточно ли их для обеспечения высоких темпов? Нет ли других, противоположных по своей направленности факторов? Подобные вопросы представители экономической телеологии старались отогнать от себя, как назойливых мух. Любые плановые проектировки, предусматривающие «затухание», беспощадно отвергались, как «тормозящие дело революции». Так, составленный при участии Базарова и Громана сбалансированный план на 1925/26 хозяйственный год вызвал лишь презрительную оценку у Сталина¹. А это была уникальная работа.

Поверхностное обоснование составителями высоких темпов пятилетки, их теоретическая недостаточность и уязвимость не ускользнули от пытливого взгляда Базарова. Его выводы не всегда соответствовали принятым установкам, но всегда были честны, не противоречили научной и гражданской совести автора. Базаров не отрицал фундаментальной роли марксистской экономической теории в сложной плановой работе. Более того, он подчеркивал обязательность знания марковых схем воспроизводства для всех плановых работников, считал их непреложными и обязательными, как знание законов Ньютона для всех инженеров. Но совершенно ясно, указывал учёный, что, опираясь только на законы Ньютона, нельзя построить электрическую станцию. Точно так же нельзя создать народнохозяйственный план, основываясь лишь на классических схемах воспроизводства Маркса.

Базаров подчеркивал, что разработка планов должна базироваться на всесторонней, комплексной теории народнохозяйственного планирования, которую еще надлежит создать. Эмпирическое обоснование проблемы темпов роста, темпов экономического движения должно уступить место глубокому теоретическому обоснованию. Почему, например, закладывается коэффициент ежегодного прироста в 18—20 процентов, причем утверждается, что никакого затухания быть не может и этот темп будет превзойден? Если так, то на сколько, ведь это очень важно. «Может быть,— шутливо говорит

¹ См.: Stalin I. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е, 1939, с. 294.

Базаров,— нам придется не только планету Землю включить в план, но и Марс и Венеру, может быть, перспективы наши совершенно необъятны¹. Нет, переходя на серьезный тон, отмечает ученый, когда строятся планы ВСНХ, то «проектный способ овладения миром не принимается»².

Теоретическая платформа самого Базарова выглядит гораздо основательнее с научной точки зрения. Он отталкивается от исходной антителесной позиции, в соответствии с которой наши материальные возможности всегда предначертаны, а экономике нельзя приказать все, что угодно. Темпы ее развития детерминированы и должны выводиться из тщательнейшего анализа самого материального производства. Они предопределены не только факторами, названными, например, Мотылевым, но и, по твердому убеждению Базарова, реальными материальными возможностями, прежде всего возможностями социалистического накопления.

Под социалистическим накоплением Базаров разумеет такое накопление, которое осуществляется внутри национализированной промышленности за счет прибавочного труда работников этого сектора, а также за счет специальных государственных дотаций. Последние, однако, не могут считаться самостоятельным источником промышленного накопления. Средства, взимаемые государством путем налогов с сельского населения, поясняет ученый, помимо покрытия общегосударственных нужд, должны быть, как правило, обращены на поддержание самого сельского хозяйства. Базаров, и это чрезвычайно важно подчеркнуть, был категорически против того, чтобы превращать налоговый аппарат «в насос, систематически перекачивающий ресурсы из деревни в город», считая, что это было бы «не только политически опасно, но и экономически едва ли рационально»³.

Таким образом, действительным источником социалистического накопления является прибавочный труд работников государственной промышленности. И вот здесь очень важно правильно ответить на вопрос: можно ли рассчитывать, что прибавочный продукт в советском общественном хозяйстве окажется более обильным, чем в руках капиталистов? Разумеется, ликвидация непроизводительного потребления буржуазии увеличивает возможности накопления и, следовательно, способствует повышению темпов экономического роста. Но не следует преувеличивать значение этого фактора. Во-первых, фонд личного потребления капиталиста может быть очень значительным, но в общей массе присваиваемой прибавочной стоимости он, как правило, играет скромную роль, ибо истинная цель капитала — самовоз-

¹ См.: Плановое хозяйство, 1928, № 6, с. 152.

² Там же, с. 151.

³ Базаров В. А. Темп накопления и «командные высоты». — Экономическое обозрение, 1924, № 9-10, с. 29.

растание. «И чем прогрессивнее капитализм, чем богаче и могущественнее каждый отдельный капиталист, тем относительно меньше доля личного потребления»¹. Что же касается царской России, то капиталистов здесь было много меньше, чем в высокоразвитых капиталистических странах, где успел сложиться обширный слой рабочих.

Во-вторых, нельзя оставлять без внимания и то обстоятельство, что управленческий аппарат в условиях административно-плановой централизованной системы хозяйствования гораздо многочисленнее, чем при капитализме, а потому обходится значительно дороже. Предпринимаемые же усилия по удешевлению и сокращению этого аппарата пока не приносят желаемых результатов.

В-третьих, как известно, одна из основных тенденций капитализма — снижение реальной заработной платы; только напряженной борьбой рабочему классу удается парализовать эту тенденцию и добиваться повышения своего жизненного уровня. Советское же хозяйство характеризуется, наоборот, интенсивным ростом реальной заработной платы, вследствие чего прибавочный продукт относительно меньше, чем при капитализме.

Таким образом, налицо воздействия противоположных факторов, количественное исчисление которых — задача чрезвычайно трудная. Можно, однако, сказать, что, если бы подсчет и дал положительное сальдо на стороне советского хозяйства, оно вряд ли было бы настолько значительным, что позволило бы регулярно поддерживать темпы роста, в несколько раз превышающие рекордные достижения капитализма.

Есть, однако, другой, более значительный, чем устранение капиталистической эксплуатации, резерв увеличения фонда накопления — преодоление капиталистической анархии и расточительства. Планомерное развитие экономики — вот, казалось бы, неисчерпаемый источник экономических чудес, позволяющий путем сознательной организации всего народного хозяйства обеспечивать устойчиво высокие темпы развития последнего. Да, соглашается Базаров, этот источник действительно существует, но его тоже не следует идеализировать, ибо волшебств он произвести все-таки не может, во всяком случае в условиях достигнутого крайне примитивного уровня производительных сил, вопиющей технической отсталости. Возможности организационного прогресса в этой обстановке отнюдь не безграничны. Они упираются в обветшавший в результате естественного износа, полуразрушенный военно-революционной эпохой материально-технический базис производства, приблизившийся к тому пределу, за которым одними только планово-организационными преобразованиями,

¹ Базаров В. А. Темп накопления и «командные высоты». — Экономическое обозрение, 1924, № 9-10, с. 29.

без крупных капитальных вложений на техническую реконструкцию, переоборудование, создание новейших производств, оснащенных по последнему слову техники, нельзя достигнуть существенного повышения производительности труда, а следовательно, и существенного улучшения благосостояния трудящихся. Иными словами, необходим новый уровень производительных сил, необходим также наряду с организационным и технический прогресс.

Однако, приступая к решению столь грандиозных задач по преодолению вековой технической отсталости страны, нужно ясно представлять себе и все трудности, которые неизбежны на этом пути, ибо нет ничего опаснее «убаюкивающего оптимизма», прожекторства, умалчивающего действительные масштабы трудностей. Нельзя, например, закрывать глаза на такие препятствия к внедрению технических усовершенствований, как образование в результате такого внедрения избыточной рабочей силы, безработицы, которая по понятным причинам неприемлема социалистическому строю.

Конечно, рассуждает Базаров, в условиях высокоразвитых производительных сил «социалистический организатор не встретил бы никаких препятствий к введению... мощного технического усовершенствования, ибо его результатом явилось бы не выбрасывание за борт избыточных рабочих, а расширение производства в соответствии с его удешевлением и обусловленным этим последним повышением спроса. В крайнем случае избыточная рабочая сила нашла бы себе какое-либо иное применение в родственных отраслях труда»¹. При нынешнем же уровне, в условиях отсутствия дополнительных средств для немедленного расширения продукции, технический прогресс влечет за собой безработицу. Следовательно, по причинам социальным, не существующим в условиях капитализма, нам придется нередко сознательно отказываться от прогрессивных технологий, технических новинок и растратчивать свои скучные ресурсы на возобновление более дорогостоящего и менее продуктивного оборудования.

Бряд ли проблему, поставленную В. А. Базаровым, можно отнести к разряду «надуманных» и утративших актуальность в настоящее время. Она существует и сегодня и требует напряженного поиска новых, нетрадиционных подходов к ее разрешению.

Или взять другую проблему, омрачающую перспективы технического прогресса,— амортизационные отчисления. При существующей степени изношенности, ветхости оборудования заводов и фабрик 4—5-процентные отчисления представляются совершенно недостаточными для того, чтобы к моменту окончательного износа накопить необходимый для восстановления фонд. Нужно, говорит Базаров, от-

¹ Базаров В. А. Темп накопления и «командные высоты». — Экономическое обозрение, 1924, № 9-10, с. 31.

числять в 3—5 раз больше нормы, однако в большинстве случаев подобные отчисления далеко превосходят финансовую мощь государственной промышленности.

В результате вместо своевременного восстановления средств труда или переоборудования предприятий по более современным образцам «наши фабрики вынуждены будут в значительном числе случаев заниматься в порядке текущего ремонта бесконечным штопаньем бесконечно расползающихся дыр, что не может не привести к прогрессивному падению производительности труда, а вместе с тем и к сжатию, если уже не полному аннулированию накопления»¹. И эта проблема, как видим, дальновидно подмечена Базаровым. Нет, совсем непросто побить кичливый Запад экономически. Трудностей на этом пути предостаточно, важно их видеть и критически взвешивать. Оттого, что мы будем от них отворачиваться, они ведь не исчезнут.

А если признать их наличие, то придется признать и возможность предопределенного ими затухания темпов. Последние не могут быть все время только рекордными, и их планирование должно основываться на трезво-реалистических позициях, в противном случае перенапряжение неизбежно приведет к тяжелым экономическим срывам.

Увы, Базаров, как говорится, смотрел в воду. Оптимальным вариантом пятилетнего плана был предписан постепенный рост промышленного производства — от 21,4 процента прироста в первом году пятилетки до 25,2 процента в пятом. Но в годовых планах уже со второго года началось подхлестывание, «которое не дало реального ускорения, но дезорганизовало производство. Вместо декретированного прироста на 31,3 процента фактический прирост в 1930 году составил 22 процента. На третий год запланировали 45 — вышло 20,5. На четвертый план был 36 — факт 14,7. Начался неудержимый спад, который снизил прирост 1933 года до 5,5 процента — неслыханно мало по тем временам. Но Сталин уже объявил пятилетку выполненной, пятый год в нее не попал и не испортил картину побед»².

И вот это откровенное, предсказанное блестящим русским экономистом, фактическое затухание темпов сопровождалось исступленной критикой базаровской «буржуазной» теории «затухающей критики». И накал этой критики нарастал по мере реального снижения экономических показателей. Но ведь в соответствии с телеологической теорией темпы должны возрастать. Поэтому иного не может быть, потому что не может быть никогда. Верно кем-то сказано: «Если факты противоречат теории, тем хуже для фактов».

К тому времени, когда претворялся в жизнь первый пятилетний план, с нэпом было покончено. Между тем в новой экономической

¹ Базаров В. А. Темп накопления и «командные высоты».— Экономическое обозрение, 1924, № 9-10, с. 31.

² Латис О. Р. Перелом.— Знамя, 1988, № 6, с. 130.

политике Базаров усматривал фактор, противостоящий затуханию, в ней он видел источник существенного расширения фонда накопления, с ней он связывал преодоление технической и культурной отсталости страны и достижение ею состояния полного, законченного социализма. Указанное обстоятельство для характеристики воззрений этого замечательного ученого чрезвычайно важно.

Еще в 1924 г. Базаров тесно связывал размеры накопления, а следовательно, динамизм хозяйствования с многоукладностью экономики. По его мнению, чисто «социалистическое накопление», т. е. накопление исключительно за счет прибавочного продукта государственного сектора производства, представлялось «наименее благоприятным вариантом» в смысле темпов экономического роста. Как отмечал ученый, «путь этот потребует, чтобы целое поколение пролетариата провело жизнь в величайшем подвижничестве, довольствуясь тем скучным и неустойчивым уровнем жизни, который до сих пор был присущ всем эпохам первоначального накопления»¹.

Поэтому Базаров с большим одобрением отзыается о новой экономической политике, предусматривающей вовлечение в хозяйственную жизнь таких форм, как аренда, концессии, смешанные предприятия. Нельзя игнорировать возможность пополнения фонда накопления за счет функционирования частного капитала. Однако с возрастианием роли частного предпринимательства «возникает вопрос о принципиально допустимых границах такого симбиоза государственного и частного капитала»². Действительно, сложнейший в теоретическом отношении, важнейший в практическом плане вопрос, значимость которого в наше перестроенное время, конечно же, отнюдь не убавилась, если не возросла. Тем более интересно, как видел решение поставленного вопроса Базаров.

Принципиальный подход ученого к данной проблеме был таким: необходим оптимум соотношения, при котором «государство, сохранив за собой «командные высоты», в максимальной степени формировало бы темп развития, разрешая местному или иностранному капиталу занимать *все те хозяйственные позиции, обладание которыми этим высотам не угрожает* (курсив наш.—Авт.)»³.

Вот путь, рекомендуемый Базаровым в принципе. Но здесь требует расшифровки понятие «командных высот», ибо в противном случае подобный путь может завести слишком далеко и сделать непонятной целесообразность самого 1917 г. Отчетливо это сознавая, Базаров формулирует свою концепцию «командных высот», весьма поучительную и для современных представлений об этом «старинном»

¹ Базаров В. А. Темп накопления и «командные высоты».—Экономическое обозрение, 1924, № 9-10, с. 31—32.

² Там же, с. 32.

³ Там же.

понятии. Прежде всего обращает на себя внимание то, что ученый успешно преодолел бытовавшую и бытующую поныне чисто количественную трактовку «командных высот», согласно которой достижение последних предполагает количественное преобладание государственных предприятий во всех отраслях народного хозяйства. «Ни в политике, ни в экономике,— писал Базаров,— реальная власть не определяется количественным подсчетом принципиально равнозначимых элементов, решающую роль и там, и здесь играет *качественное* пре восходство отдельных групп, численно нередко весьма ограниченных»¹. Если взять, к примеру, область товарного рынка, то не следует заблуждаться относительно того, кому здесь принадлежит власть: она принадлежит не тому, кто производит преобладающую массу данного товара, а тому, кто производит хотя бы и меньшинство товарных единиц, но при «качественно наивысших условиях», т. е. при наименьшей себестоимости.

Английские текстильные фабрики, иллюстрирует свою мысль Базаров, окончательно убили ручное ткачество лишь к 40-м гг. XIX столетия, но уже в конце XVIII столетия, когда ручные ткачи производили огромное большинство товарных единиц, было ясно, что гегемония в текстильной промышленности, ее «командные высоты» окончательно завоеваны фабричным производством. И об этом ни на минуту нельзя забывать. Если государственная промышленность будет выпускать на рынок 80 процентов продукции, а частный капитал всего 20 процентов, но при лучшем техническом оборудовании, при меньшей себестоимости, то «командные высоты» окажутся все же у частного капитала, он станет диктовать политику цен и «государство сможет вести свое производство безубыточно лишь в меру благоволения к нему частного капитала»². Справедливо, разумеется, и обратное: «государственная промышленность, держа в своих руках всего одну пятую или одну четверть продукции главнейших отраслей, окажется неоспоримой обладательницей командных высот, если находящаяся в его заведовании группа предприятий по своей технике, по своей организации, по своему территориальному расположению построена настолько удачно, что никакие ухищрения частного капитала не дадут ему возможности производить дешевле госпромышленности»³.

Такое понимание проблемы «командных высот» предполагает, как видим, не сокращение нэпа, не ликвидацию частнопредпринимательских элементов и рыночных форм хозяйствования, а наоборот, активизацию, расширение их по мере упрочения социалистического укла-

¹ Базаров В. А. Темп накопления и «командные высоты».— Экономическое обозрение, 1924, № 9-10, с. 32.

² Там же.

³ Там же, с. 32—33.

да и завоевывания им командных высот. Только такая «смешанная система», отмечал Базаров, «необходимость которой доказывал В. И. Ленин еще весною 1918 г., способна «облегчить муки родов» социализма и вызвать к жизни достаточно быстрый технический прогресс, без параллельного роста безработицы и при непрерывно повышающемся уровне жизни трудящихся... Следовательно, здесь не только нет элемента принципиальной уступки капитализму или сдачи уже завоеванных позиций, а как раз наоборот, здесь впервые были созданы такие позиции, которые *не по настроению занимающих их лиц, а по своему действительному содержанию, по своему, так сказать, материальному составу заслуживали бы названия социалистических* (курсив наш.—Авт.)»¹. Были бы... Горько читать эти слова сегодня, но читать их нужно, чтобы разобраться в сути отступлений от ленинской экономической политики.

С концепцией «смешанной системы хозяйствования» можно не соглашаться, можно ее оспаривать, но не признать ее права на существование — нельзя. Трактовка Базарова в гораздо большей степени соответствовала ленинским взглядам на пути построения социалистической экономики, нежели сталинско-струмилинская концепция форсированного преодоления нэпа, практическая реализация которой повлекла за собой немало трагических для народа последствий. И об этом, кстати, тоже предупреждал Базаров, говоря, что предлагаемый путь смешанного накопления, несмотря на кажущуюся сложность и искусственность, в действительности гораздо естественнее, легче, а главное, прямее, чем путь чисто социалистического накопления, и он сумел бы подвести «вполне реальную основу под социалистическую идеологию задолго до окончательного торжества социализма»².

Такое понимание путей построения социалистической плановой экономики определяло взгляды Базарова и на индустриализацию — любимое детище Сталина. Как уже отмечалось, ученый был за индустриализацию, за преодоление унаследованной технической отсталости, однако его представления опять-таки не совпадали с мыслями сторонников телеологического экстремизма.

Позиция Базарова по данному вопросу нашла отражение в опубликованной в настоящем издании статье «Принципы построения перспективного плана». Ее суть сводится к тому, что ограниченность материальных ресурсов, наличие избыточного населения и его культурная отсталость создают «повелительную необходимость проводить индустриализацию в строгой системе как в смысле типов вновь создаваемых предприятий, так и в смысле их очередности. К сожале-

¹ Базаров В. А. Темп накопления и «командные высоты»,— Экономическое обозрение, 1924, № 9-10, с. 34.

² Там же.

нию, в теории и практике нашего индустриального строительства (за исключением электрификации) не наметилось до сих пор достаточно выдержанной системы»¹.

Поскольку наша страна богата скрытыми возможностями, но бедна реальным накоплением, необходимо в основу системы индустриализации положить основную руководящую идею достижения возможно большей эффективности — и в смысле физического объема продукции, и в смысле производительности труда, и в смысле вовлечения в производство новых кадров рабочей силы — при возможно меньших затратах на капитальное строительство.

Реализация этой центральной идеи должна базироваться на некоторых взаимосвязанных принципах. Прежде всего, принципе рационализации. Исходя из этого Базаров рекомендует начинать реконструкцию с отраслей, производящих предметы потребления и те виды средств производства, потребность в которых носит достаточно массовый характер. Именно эти отрасли поддаются прежде других фундаментальной, основательной рационализации, ибо последняя наиболее эффективна там, где имеется массовое производство, которое в свою очередь может быть развернуто лишь в условиях массового спроса. «Во всех прочих отраслях следует предпочесть, пока они не приобрели достаточно широкой базы внутри СССР, закупку необходимых продуктов за границей или представление концессий иностранным капиталистам»². Исключение должно быть сделано только для отраслей, обеспечивающих нужды обороны страны.

Другой принцип, на который опирается базаровская концепция индустриализации,— международное разделение труда, рассмотрение советской экономики как в значительной мере «открытой» системы, как части всемирного хозяйства. Речь, конечно, не шла о конвергенции двух систем, развивающихся по своим законам. Но ученый уже тогда, и мы это отмечали выше, предвосхитил получающую сегодня все большую популярность идею, в соответствии с которой обе системы не могут полнокровно развиваться в «автономных» режимах, они неизбежно взаимодействуют в рамках единой общечеловеческой цивилизации. (Заметим в скобках: разве не показательна в этом отношении армянская трагедия 1988 г.?)

Предположим, говорит Базаров, что при проведении индустриализации мы не будем соблюдать рациональной очередности, позволяющей в каждый данный момент сосредоточить наше строительство в тех областях, в которых мы к этому наилучше подготовлены и можем сразу использовать наиболее мощные типы современной техники, а поспешим построить собственные предприятия для производ-

¹ См. настоящее издание, с. 177.

² Там же, с. 178.

ства всех продуктов, в каких мы нуждаемся. Наша организационно-техническая неподготовленность и нерациональное распыление средств, неизбежное при такой поверхностной индустриальной экспансии, приведут к тому, что эти новые предприятия, поглотив в общей сложности огромные капитальные вложения, будут влачить чахлое существование, переживая нескончаемые «детские болезни» и выбрасывая на рынок ничтожное количество продуктов очень высокой себестоимости и очень низкого качества¹.

Историкам-экономистам, вероятно, еще придется переосмыслить процесс сталинской индустриализации, протекавшей по телеологической схеме и приведшей, наряду с высокими результатами, к колоссальным потерям, снижению жизненного уровня трудящихся, деградации сельского хозяйства, а также всем тем подчеркнутым в последней цитате последствиям, которые и сегодня не преодолены и некоторые, как видим, были так давно предсказаны Базаровым. Им еще предстоит взвесить все плюсы и минусы «автаркической» концепции индустриализации, но уже сейчас ясно, что сталинская оценка, содержащаяся в «Кратком курсе ВКП(б)», не может быть однозначно воспринята.

Многое, в настоящее время с горечью констатируемое, тогда, в 20-е и тем более в 30-е гг., естественно, не казалось столь очевидным, наоборот, предложения и предсказания, подобные базаровским, квалифицировались не иначе как «кощунственные». Поэтому они вызвали крайне недоброжелательную реакцию в верхах (если так можно выразиться применительно к реакции, завершившейся жесточайшими репрессиями).

Показательна в этом отношении дискуссия в Коммунистической академии. С резкой критикой «крамольных» идей Базарова, его оценки проводимой индустриализации как «поверхностной индустриальной экспансии» выступил Струмилин, защитивший со своейственной ему энергией и директивы XIV съезда партии, и самого Сталина и «скромно» соединивший имя последнего со своим в одном коротком, гордом местоимении «мы». «Мы (Струмилин и Сталин.—Авт.),— заявил он,— правда, не отказываемся от продолжения и даже расширения наших международных связей, но лишь постольку, поскольку это нашу независимость усиливает, а не ослабляет»². Главное же— возможно скорее обеспечить нашу экономическую независимость от капиталистического окружения.

Излюбленный прием Струмилина, часто и с большим успехом применяемый им в научных дискуссиях,—апелляция к партийным решениям. Как уже отмечалось, оппонентам, получавшим столь чув-

¹ См. настоящее издание, с. 179—180.

² О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР: Дискуссия в Коммунистической академии, с. 36.

ствительные удары, приходилось нелегко. Нелегко пришлось и Базарову, но выдержал он этот удар с большим достоинством.

Да, отвечал Базаров, эмансипация от заграницы нам нужна. Но ведь наша хозяйственная зависимость обусловлена не какими-либо «естественными» причинами, она есть закономерный результат чрезвычайно низкой материальной культуры. Ликвидация этой зависимости есть прямая функция индустриализации. И чем интенсивнее и основательнее последняя будет развиваться, тем быстрее потенциально могучая страна обретет подлинную экономическую мощь, составляющую основу всякой независимости. К сожалению, пока что индустриализация не регулируется никаким систематическим продуманным планом и носит в значительной мере стихийный характер. Именно эту практику, пояснял Базаров, а не директивную установку партии он и назвал «поверхностной индустриальной экспансией». Действительно, новое строительство отличается раздробленностью объектов, широко практикуется насаждение производств, для рациональной организации которых нет ни достаточных знаний, ни организационных навыков, ни экономических предпосылок. «Мы,— подчеркивал ученый,— начинаем строить гораздо больше того, что при наших ресурсах возможно окончить в разумные сроки»¹.

Подобная практика прочно укоренилась и стала уже «доброй» традицией. Обратимся к сегодняшним реалиям. Государственный бюджет на 1989 г. утвержден с узаконенным дефицитом в 35 миллиардов рублей, реальная же сумма заимствований государственного бюджета приблизится к 100 миллиардам рублей (примерно 11 процентов валового национального продукта, значительно больше, чем в США, Бразилии и других странах) И вновь, как и 60 лет тому назад, мы предполагаем тратить «не по карману», хотя исторический опыт, казалось бы, учит: нужно сокращать государственные расходы. Более 80 миллиардов рублей составляют государственные капитальные вложения, между тем сроки строительства многих объектов по-прежнему превышают нормативные в два-три раза. Только в незавершенном сверхнормативном строительстве заморожено свыше 9 миллиардов рублей, запасы неустановленного оборудования достигли 5 миллиардов рублей, дотации убыточным предприятиям — 10—11 миллиардов рублей².

Вот как прокомментировал бы сложившуюся в настоящее время хозяйственно-финансовую ситуацию... Базаров: «...распыляя силы и средства, мы не в состоянии форсировать в достаточной степени реконструкцию основных массовых производств, тех производств, где энергично и рационально проведенная реконструкция могла бы быст-

¹ О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР: Дискуссия в Коммунистической академии, с. 75.

² См.: Коммунист, 1988, № 17, с. 26—28.

ро и решительно увеличить мощь нашего народнохозяйственного целого».¹ Поэтому и сегодня критерий массовости при определении очередности работ по перестройке структуры народного хозяйства, выдвинутый Базаровым применительно к индустриализации, не должен быть оставлен без внимания.

Схема Базарова, носившая «антиавтаркическую» направленность, обеспечивала, по мнению ученого, максимально быстрый темп индустриализации, причем не за счет разорения крестьян и снижения уровня жизни народа. Однако принятая схема была иной. Как справедливо отмечает В. Медведев, «социализм «уходил в себя», в автаркию, в самоограничение контактов. Объективно это способствовало атмосфере взаимного недоверия и в сочетании с волной репрессий внутри страны отрицательно сказывалось на престиже социализма»².

Заключая наш очерк, вновь подчеркнем: не удалось В. А. Базарову (равно как и Н. Д. Кондратьеву) удержать на экономических рельсах локомотив ленинской новой экономической политики. Они были разрушены, их место заняла другая железная дорога — административная, предназначенная для иных локомотивов. Но эти учёные оставили нам немало плодотворных идей, концепций, гипотез. Творческое наследие замечательных советских экономистов возвращается.

¹ О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР: Дискуссия в Коммунистической академии, с. 75.

² Медведев В. К познанию социализма.— Коммунист, 1988, № 17, с. 9.

В. А. Базаров

ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ ПЕРСПЕКТИВНОГО ПЛАНА¹

1. Предварительные замечания

Уже не раз указывалось, что «контрольные цифры» имеют двоякий смысл: с одной стороны, это попытка, исходя из анализа прошлого, чисто генетически выяснять возможности ближайшего хозяйственного года; с другой стороны, при составлении контрольных цифр всегда предполагается определенная система экономической политики, необходимая для воплощения в жизнь намеченных возможностей.

То же самое можно сказать и о всяком ином перспективном плане.

Всякий перспективный план народного хозяйства — будет ли это генеральный план, пятилетка или контрольные цифры — должен представлять собой синтез *директивы и прогноза*, т. е. должен иметь определенную целевую установку и генетическое научное обоснование ее осуществимости. Часто возникающие среди плановых работников прения о том, какому из этих двух элементов должно быть отдано преимущество, по нашему мнению, являются сплошным недоразумением, вытекающим из неправильной постановки вопроса. *Телеология и генетика — не конкурирующие между собой антагонисты, а диалектически связанные друг с другом моменты единого органического целого.*

Перефразируя известное изречение Канта, можно сказать, что телеологические установки перспективного планирования без генетического их обоснования *пусты*, генетические исследования без целевых установок *слепы*. План народного хозяйства должен быть зрячим и вместе с тем реальным, научно обоснованным.

Необходимо подчеркнуть, что в условиях советской общественности соотношение между телеологией и генетикой носит специфический характер, вследствие чего существенно модифицируются приемы и методы генети-

¹ Статья дискуссионная, <...> Ред.

ческого исследования. При анализе капиталистического общества, где тенденции развития складываются в результате стихийного сочетания большого числа индивидуальных хозяйственных актов, широко применима основанная на теории вероятности методология современной научной статистики. В СССР государственная организованная воля пролетариата выступает в качестве мощного экономического фактора; наша история, объект научного генетического анализа, наряду с тенденциями, развивающимися стихийно, представляет собой — и чем дальше, тем больше — кристаллизацию телеологии, материализованной в фактах прошлого единым субъектом обобществленного хозяйства — государством. Поэтому поле действия закона больших чисел и других постулатов и теорем теории вероятности в современной советской экономике ограничено гораздо более узкими рамками, нежели в капиталистическом строе. Весьма ограничено поэтому и применение основанной на теории вероятности статистической методологии, особенно при анализе динамических рядов и попытках их экстраполяции.

Таким образом, научная подготовка материала для перспективного планирования должна состоять не столько в формально-статистических манипуляциях, сколько в качественном экономическом анализе структуры современного советского хозяйства и тех специфических закономерностей, которые именно из этой структуры вытекают. Точнее говоря, правомерность применения того или другого формально-статистического метода должна быть обоснована не абстрактными теоретическими соображениями, а конкретным познанием текущей экономики.

Совершенно исключительная трудность построения пятилетки, при только что очерченных общих условиях, состоит в том, что мы вынуждены выполнить эту работу в момент глубокого перелома в нашей хозяйственной жизни, на рубеже двух существенно различных между собой эпох. Три года тому назад, когда мы впервые приступили к разработке «контрольных цифр» на год вперед, задача, вставшая перед нами, была значительно проще. Мы имели тогда за своей спиной трехлетний процесс восстановления народного хозяйства СССР; мы были вооружены знанием (правда, очень грубым и приблизительным) основных закономерностей «восстанови-

тельного периода». Это давало кое-какую научную базу для проектирования хотя бы некоторых кривых хозяйственного развития. В настоящий момент мы находимся в преддверии того реконструктивного периода, который должен быть содережанием проектируемой пятилетки. Опыты реконструкции, производившиеся в течение последних двух лет, до сих пор не изучены да и по существу дела едва ли могут послужить фундаментом для научных перспективных построений, так как, по-видимому, еще не преодолели окончательно стадию «детских болезней».

Вышесказанное заставляет подходить к теоретическому обоснованию пятилетки с величайшей тщательностью, но вместе с тем и с большой осторожностью. Не следует увлекаться детализацией схематических цифровых построений, высшее достоинство которых состоит в том, что они (как совершенно произвольные) не могут быть ни опровергнуты, ни доказаны. Надо сосредоточить все свое внимание на основных архитектурных линиях перспективного плана, памятуя, что в настоящее время мы в состоянии дать лишь его первоначальный набросок, который несомненно разойдется с действительностью и в ближайшие годы потребует построения новых вариантов.

Только что указанное соотношение между телеологией и генетикой, само собой разумеется, отнюдь не является абстрактным логическим выводом из марксистской теории познания, но диктуется той конкретной fazой в развитии нашей познавательной мощи, которую мы в настоящий момент переживаем. С точки зрения марксистской гносеологии все общественное развитие строжайшим образом детерминировано. Не только грядущие стихийные процессы, но и грядущая воля отдельных лиц и организованных классов, грядущие действия, направляемые личной и коллективной волей, и результаты этих действий с совершенной необходимостью вытекают из прошлого. Если бы мы располагали идеальным познанием, мы могли бы на любое число лет вперед с точностью рассчитывать, путем генетического научного исследования, и развитие материального базиса в данном обществе, и трансформации надстроек, и результаты взаимодействия базиса и надстроек. Ни о каких априорных целевых заданиях, ни о каких предварительных конструкциях или «моделях» в нашей плановой

работе не было бы тогда и речи. Мы не строили бы никаких вариантов, но, опираясь исключительно на изучение прошлого, сумели бы с полнейшей логической неизбежностью начертать единственно возможный и необходимый путь грядущего. К сожалению, мы бесконечно далеки от такого бесконечно глубокого и исчерпывающего познания. Поэтому в плановой работе мы, не умея *предвидеть*, вынуждены *предвосхищать* результаты развития в форме априорных целевых заданий и уже потом, апостериори, научно оправдывать и обосновывать их.

Из предыдущего ясно, что в практике перспективного планирования неизбежно применяются принципы двоякого рода: телеологические или целевые задания и собственно методологические, т. е. те научные приемы, при помощи которых обосновываются целевые установки плана и отыскиваются пути осуществления их с наименьшей затратой времени и сил. Сверх того, в нашей плановой практике мы часто пользуемся постулатами, которые, строго говоря, не относятся ни к первой, ни ко второй категории, но представляют собой некоторое смешанное образование. Это — рецепты, содержание которых, само по себе, не входит в целевые задания плана, но логически вытекает из этих последних при *определенных объективных предпосылках*. Таковы, например, нижеследующие указания: «продукция средств производства должна расти быстрее продукции предметов широкого потребления», «индексы цен на промышленные и сельскохозяйственные товары должны сближаться» и т. п. Такие *условные директивы*, правильные лишь при определенных предпосылках, я буду называть *регулятивными идеями* (имеется в виду тот смысл, который придавала этому термину кантианская философия, противопоставляя «регулятивное» «конститутивному»).

2. Целевые задания

Какова основная целевая установка перспективного плана?

В наиболее общей форме она охарактеризована на стр. 1 «Материалов центральной комиссии по пятилетнему плану». «Задача перспективного плана народного

хозяйства СССР в настоящий момент может быть сформулирована как задача такого перераспределения наличных производительных сил общества, включая сюда и рабочую силу, и материальные ресурсы страны, которое в оптимальной степени обеспечивало бы бескризисное расширение воспроизводства этих производительных сил возможно *быстрым темпом*, в целях максимального удовлетворения текущих потребностей трудящихся масс и скорейшего приближения их к полному переустройству общества на началах социализма и коммунизма».

Приведенная формула в сжатом виде намечает те существенные принципы, с которыми нам приходится считаться при построении как генерального, так и пятилетнего перспективного плана. Триединый постулат оптимального сочетания роста производительных сил, повышения благосостояния трудящихся масс и развертывания процессов обобществления составляет телеологический стержень плана; постулат «бескризисного воспроизводства» предопределяет *методологию* перспективного планирования.

Остановимся на телеологическом моменте. В масштабе годичных планов возможен известный антагонизм между требованием осуществить максимально быстрый рост производительных сил, с одной стороны, в максимальной степени повысить уровень жизни трудящихся масс, с другой стороны, и вместе с тем в максимальной же степени форсировать социализацию общества. Очевидно, например, что, задавшись целью значительно повысить реальную зарплату рабочих, мы должны соответственно расширить продукцию предметов массового потребления на данной технической базе и тем самым ослабить ресурсы, необходимые для технической реконструкции промышленности. Не менее очевидно, однако, что такое распределение ресурсов предрешает замедленный рост благосостояния рабочих в один из следующих годов, когда пониженный темп реконструкции скажется на состоянии текущего производства. И обратно — форсирование технико-реконструктивных работ, за счет сдержанного роста потребления в данный момент, было бы компенсировано более быстрым ростом потребления в период практического использования новой техники. Таким образом, в рамках пятилетнего, а тем более генерального плана никакой антагонизм между по-

вышением жизненного уровня и ростом производительных сил советского общества невозможен, ибо если отвлечься от денежной оболочки, то и первый, и второй процессы будут иметь одну и ту же меру: количество благ или потребительных ценностей, приходящихся в среднем на одного члена общества. То же самое надо сказать и о процессах обобществления в их отношении к развитию производительных сил. В течение короткого срока может оказаться целесообразным, по тем или другим внеэкономическим соображениям, вовлечь в сферу обобществленного хозяйства такие отрасли, которые для этого еще не созрели, в которых обобществление на данной ступени их развития не стимулирует, а стесняет рост производительности труда. Но в рамках длительного периода такая политика ни при каких условиях не может быть целесообразной. Ибо превратить на 5, 10, 15 лет общественную организацию из формы хозяйственного развития в его «оковы», хотя бы для отдельных отраслей труда, значило бы дискредитировать самый принцип обобществления, подготавливать в грядущем частичное поражение и отступление социализации тем вернее, чем настойчивее проводится в настоящем ее нерациональное применение.

Намечая перспективную динамику роста производительных сил, благосостояния трудящихся масс и процессов обобществления, нельзя ни на минуту забывать о том, что мы имеем здесь перед собой не параллельные ряды развития, а процесс реального взаимодействия. Данная социальная структура вызывается к жизни ростом материальных производительных сил, является надстройкой над материальным базисом, но вместе с тем, раз сложившись, она оказывает, в особенности у нас в СССР, могучее воздействие на дальнейшее развитие производительных сил. (Обстоятельство, заставляющее с особым вниманием исследовать народнохозяйственную эффективность тех конкретных организационных форм, в которых воплощаются у нас процессы обобществления.) Равным образом, подъем жизненного уровня рабочей массы, будучи непосредственным результатом роста производительных сил, есть в свою очередь необходимая предпосылка дальнейшего повышения интенсивности и квалификации труда.

Если в размахе пятилетнего и тем более генерального плана не может быть никакого принципиального про-

тивоборства между развитием производительных сил, благосостояния народных масс и процессов социализации, то отсюда отнюдь не следует, что *темпы* их роста должны быть всегда одинаковы или пропорциональны.

Возможно такое стечание обстоятельств, при котором требуется на некоторое время замедлить количественный рост зарплаты или социализации и, так сказать, закрепиться на достигнутых позициях именно для того, чтобы расчистить путь для дальнейшего интенсивного роста производительных сил. Но *невозможно* представить себе обратное, т. е. необходимость временного замедления роста производительных сил в целях форсирования народного благосостояния или процессов социализации.

Развитие производительных сил есть ведущее звено. В оптимальном плане этот показатель должен обнаруживать плавный рост. Всякие перебои, срывы или замедления свидетельствовали бы в данном случае о дефектности плана. Понятие «оптимального» пути развития включает в себя, конечно, также бесперебойность роста благосостояния и социализации. Однако временные замедления темпа могут вытекать здесь не из дефектности плана, а из дефектности того конкретного жизненного материала, к которому план применяется. Только длительная приостановка роста (депрессия) или резкое попятное движение (кризис) могут и здесь рассматриваться как явные признаки несостоятельности планового замысла.

Переходя от формальной целевой установки к основному материальному заданию перспективного плана «индустриализации на новой энергетической базе», мы должны прежде всего дать себе ясный отчет в том, какие *качественные сдвиги*, какие перемены в *социальной структуре СССР* и его отдельных районов связаны с выполнением этой директивы.

Согласно анализу, который шесть лет тому назад был сделан *В. И. Лениным* и до настоящего момента ни в коей мере не успел устареть, советская общественность представляет собой симбиоз пяти социально-экономических укладов: 1) социалистического, 2) госкапиталистического, 3) частнокапиталистического, 4) простого товарного, 5) патриархально-натурального. В борьбе за полное и окончательное проведение в жизнь

социализма главным активным врагом обобществленного сектора выступает частный капитал; но той почвой, на которой легко разрастается частнокапиталистическая поросль, той питательной средой, которая вливает в капитал новые жизненные силы после сокрушительных ударов, наносимых ему нашей экономической политикой, является простой товарный и патриархально-натурализмический сектор. По отношению к этим архаическим социальным формациям, унаследованным нашей деревней от средних веков и первобытно-родового быта, кулак имеет могучее и притом ускользающее от государственного контроля орудие эксплуатации в форме *ростовщического капитала*. Этот древнейший и наиболее паразитический способ капиталистического накопления, несомненно, практикуется в современной деревне, обездоливая низшие слои крестьянства и сосредоточивая в руках высших его слоев ресурсы, позволяющие этим последним развертывать широкую спекуляцию во всех тех случаях, когда просчеты или перебои в нашей экономической политике создают для этого благоприятную почву.

С другой стороны, натуральное самопотребительное хозяйство крестьянской семьи есть жизненный уклад, в наибольшей степени гетерогенный плановому хозяйству, основанному на широком общественном разделении труда и высокой культуре. Патриархально-натурализмический уклад — это крепость, о стены которой бессильно разбиваются волны культурного прибоя, в недрах которой крестьянин, как улитка в своей раковине, почти недоступен влиянию окружающей среды и, во всяком случае, находится вне пределов досягаемости для государственной плановой политики. Наконец, натуральное хозяйство и некоторые виды простого товарного производства представляют собой пережитки чрезвычайно низкой примитивно-беспомощной техники. Даже при максимально интенсивном и экстенсивном использовании труда всех работоспособных членов семья обречена здесь нередко на нищенское существование. Перед нами те крайне упадочные виды производительного труда, которые Маркс характеризовал как *скрытую форму безработицы*.

Очевидно, одной из первейших и важнейших проблем перспективного плана является *планомерная ликвидация патриархально-натурализмического хозяйства* и на-

иболее отсталых видов простого товарного производства.

При стихийном протекании этот процесс неизбежно привел бы к усилению моши капиталистического сектора, росту дифференциации в деревне, обострению классовых противоречий и классовой борьбы. «Планомерность» ликвидации архаических форм хозяйства должна, следовательно, состоять в таком осуществлении этого социально-экономического сдвига, при котором капиталистический сектор не усиливается, а, наоборот, окончательно теряет питающую его среду, в то время как обобществленный сектор приобретает прочную и незыблемую базу.

Как мы только что сказали, тормозом на пути к социализму являются в нашей стране не только пережитки капитализма, но и пережитки *докапиталистических* формаций. Нам приходится, следовательно, в плановом порядке разрешить ту гигантскую задачу «денатурализации» народного хозяйства и перераспределения рабочей силы, согласно требованиям общественного разделения труда, такую капитализм в стихийном порядке разрешил на заре своего существования, в эпоху так называемого «первоначального накопления». В капиталистических странах процесс этот протекал чрезвычайно болезненно, сопровождался величайшими бедствиями для трудящихся масс, порождая острейшие социальные кризисы. В Англии и ее владениях значительное количество мелких ремесленников и крестьян просто вымерло (вспомним цитированную Марксом фразу официального отчета: «Равнинны Индии белеют костями ткачей»); много «избыточных» эмигрировало в Америку; наконец, десятки тысяч тружеников, выброшенные на улицу, превратились в бездомных нищих и были «ликвидированы» в порядке применения исключительных законов против бродяжничества. Аналогичные явления наблюдались и в капиталистических странах Европейского континента.

Иначе обстоит дело в СССР. Мы должны построить план вытеснения натурального хозяйства и некоторых видов мелкоремесленного производства реконструированной техникой с таким расчетом, чтобы освобождающаяся при этом рабочая сила (вернее, переходящая из состояния «скрытой» в состояние явной безработицы) могла быть планомерно использована в системе рацио-

нально расчлененного общественного труда, и притом использована в таких формах, которые сразу же связывали бы ее теснейшими узами с обобществленным сектором, вырывая из сферы влияния частного капитала. Так история поставила проблему использования рабочей силы в процессе генеральной реконструкции нашего народного хозяйства. Она должна быть разрешена, ибо в противном случае пришлось бы признать неосуществимым самый принцип планового хозяйства в период реконструкции.

В самом деле, мы еще по-настоящему не приступили к процессу реконструкции; натуральное хозяйство и различные промыслы, носящие характер скрытой формы безработицы, не ликвидируются, а, наоборот, поощряются у нас крайней дороговизной и недостаточностью промышленных продуктов широкого потребления. И тем не менее уже в настоящее время мы вынуждены непрерывно расходовать огромные суммы на поддержание избыточного населения в порядке, так сказать, социальной благотворительности. В нынешнем году будет затрачено около 120 миллионов на денежные пособия безработным, десятки миллионов на трудовую помощь им же; большие, но трудно учитываемые средства пойдут на разные виды помощи крестьянской бедноте. Что же будет в разгар реконструкции, когда масса дешевой промышленной продукции хлынет в деревню, освобождая рабочее время миллионов людей? Так как советский строй, оставаясь самим собой, не может ни предоставить их собственной участи, ни «ликвидировать» их методами раннего капитализма, то не останется никакого иного выхода, как затрачивать на помочь избыточному населению уже не сотни миллионов, а миллиарды рублей. Другими словами, для лечения социальных последствий реконструкции пришлось бы расходовать все большую и большую долю тех ресурсов, которые необходимы для самой реконструкции. Если бы мы встали на этот путь, то реконструкция должна была бы весьма быстро замереть, создав глубокий кризис,— не кризис хозяйственной «конъюнктуры», а кризис всей системы планового хозяйства.

Но если проблема рационального использования фонда избыточной рабочей силы является действительно основной для нашего перспективного плана, то прежде всего необходимо выяснить размеры этого фонда, и

притом не только в теперешнем его состоянии¹, но прежде всего в динамической установке плана реконструкции. Для этой последней цели надлежит наметить по районно наиболее рациональные типы земледельческого и животноводческого хозяйства и указать (конечно, в самых грубых ориентировочных цифрах) те контингенты работников, которые необходимы будут для ведения этого рационализированного и специализированного сельского хозяйства. Само собой разумеется, при этих расчетах следует исходить не из теперешних, фактически наблюдаемых коэффициентов «трудоемкости» и не из каких-либо эмпирических кривых развития, а из рациональных агрономических и технических норм. К полученной таким образом сумме надо присоединить то количество земледельцев, которое целесообразно и возможно переселить в необжитые земледельческие районы, подлежащие колонизации в период генеральной реконструкции. Разница между полученным итогом и общей численностью деревенского населения в рабочем возрасте и укажет порядок той «избыточной» величины, которая в процессе реконструкции народного хозяйства выпадет из земледельческого производства и должна быть планомерно распределена в городе и деревне между прочими отраслями производительного труда. Мы не желаем предрешать результатов этих расчетов, но надо быть заранее готовыми к тому, что подлежащий рациональному использованию избыток составит огромную величину.

Плавное, бескризисное разрешение этой гигантской задачи, стоявшей капитализму величайших потрясений, возможно лишь при условии, что в данном случае наша хозяйственная система обладает, по сравнению с капитализмом, не только иначе направленным волевым устремлением, но и громадными объективными преимуществами. И такие преимущества действительно существуют.

Капитализм, убивая отсталые формы производства прогрессирующей техникой, тем самым понижает покупательную способность трудовых масс населения, сужает внутренний рынок и именно поэтому в состоянии занять в своих реконструированных предприятиях лишь

¹ О том, как подойти к учету наличного избыточного населения, т. е. текущей безработицы в ее скрытой форме, см. ниже, в разделе «Методология».

ничтожную долю крестьян и ремесленников, ставших «избыточными» вследствие процесса реконструкции. Отсюда ожесточенная погоня за внешними рынками на первых же ступенях развития капитализма и брутальный «империализм» эпохи первоначального накопления (работа «Ост-Индских компаний» и т. п.).

Нашему строю было до сих пор присуще противоречие как раз противоположного характера. Рост номинальной покупательной способности населения обгонял реальные возможности ее удовлетворения; платежеспособный спрос на предметы широкого потребления у нас почти всегда превышал размеры продукции в ценностном выражении. Расширить внутренний рынок в меру производственных возможностей реконструируемого народного хозяйства в наших условиях не представляет никакой трудности. Здесь нет для нас никакой «проблемы». А раз это так, то в Советском Союзе перспектива повышения производительности труда, скажем, в три раза вовсе не означает, что две трети работников, занятых до сих пор в народном хозяйстве, окажутся излишними. И при новой технике вся наличная рабочая сила может и должна найти себе приложение; продукция тогда вырастет втрое, а следовательно, втрое же увеличится и потребление народных масс.

Но если тут нет никакой *принципиальной* трудности, то возникают огромные *практические* затруднения вследствие того, что ресурсы, которые мы можем затратить на дело реконструкции, очень скромны, а запасы рабочей силы по своей квалификации не соответствуют требованиям реконструкционного процесса. План систематического преодоления этих трудностей и должен составить главное содержание наших работ по построению как генеральной, так и пятилетней перспективы.

Задача планомерного втягивания в индустрию избыточного населения при нашей культурной отсталости и ограниченности тех материальных ресурсов, которые мы можем выделять для целей реконструкции, создают повелительную необходимость проводить индустриализацию в строгой системе как в смысле типов вновь созидаемых предприятий, так и в смысле их очередности. К сожалению, в теории и практике нашего индустриального строительства (за исключением электрификации) не наметилось до сих пор достаточно выдержанной систем-

мы. Не формулированы с надлежащей четкостью руководящие идеи, вытекающие из специфических условий хозяйственного развития Советского Союза, и зачастую пользуются незаслуженной популярностью традиции, унаследованные от дореволюционного прошлого.

Союз ССР — страна, очень богатая скрытыми возможностями, но очень бедная реальным накоплением. Даже при наличии значительных иностранных кредитов мы еще долгое время будем стеснены в средствах, необходимых для капитальных вложений в реконструируемое народное хозяйство. Там, где развитие производительных сил предполагает значительное возрастание основного капитала, мы не в состоянии вести реконструктивные работы достаточно быстрым темпом. Основной руководящей идеей нашей индустриализации должно быть поэтому достижение возможно большей эффективности — и в смысле физического объема продукции, и в смысле производительности труда, и в смысле вовлечения в производство новых кадров рабочей силы — при возможно меньших затратах на капитальное строительство. Современная техника открывает в этом отношении две возможности, которые при их умелом и систематическом использовании позволили бы нам придать индустриализации исключительно мощный размах, далеко опережающий темпы роста капиталистических стран в соответственную эпоху их развития. Это, во-первых, рационализация, во-вторых, электрификация.

Остановимся сначала на первом моменте — «рационализации» индустриальных предприятий, понимая под этим термином как устранение излишних трудовых процессов (НОТ), так и ускорение работы механизмов при специализации и автоматизации сложных операций. Рационализация в этой последней и самой эффективной ее форме осуществима только *при гигантской массовости производства*. Вот почему массовость есть тот основной критерий, которым должна определяться *очередь* наших реконструктивных начинаний. В первую очередь должны быть реконструированы отрасли, производящие предметы широкого потребления и те виды средств производства, потребность в которых уже теперь носит достаточно массовый характер. Во всех прочих отраслях следует предпочесть, пока они не приобрели достаточно широкой базы внутри СССР, закупку необходимых про-

дуктов за границей или предоставление концессий иностранным капиталистам.

Против этой руководящей идеи возражают обыкновенно, что она предполагает закрепление на долгий срок наших коммерческих связей с заграницей, в то время как неблагоприятная и все ухудшающаяся международная обстановка заставляет нас стремиться к возможно более быстрой ликвидации всякой нашей хозяйственной зависимости от внешнего мира. В основе этой аргументации лежит явное недоразумение. Наша теперешняя зависимость от заграницы обусловлена не какими-либо «естественными» причинами, а исключительно низким уровнем нашей материальной культуры, т. е. недостаточной индустриализацией нашей страны, которая и по своим климатическим условиям, и по обилию естественных богатств вполне приспособлена к тому, чтобы обитающее в ней население образовало почти самодовлеющий народнохозяйственный организм (типа Соединенных Штатов Северной Америки). Другими словами, эманципация от капиталистического окружения в наших условиях есть прежде всего функция индустриализации; она будет достигнута тем скорее, чем более быстрым темпом пойдет процесс индустриализации. Следовательно, если доказано, что намеченная выше схема обеспечивает максимально быстрый темп индустриализации, то тем самым доказано, что и с точки зрения экономического освобождения СССР от иностранной зависимости эта схема является наиболее рациональной. В самом деле, допустим, что при проведении индустриализации мы не будем соблюдать рациональной очередности, позволяющей в каждый данный момент сосредоточить наше строительство в тех областях, в которых мы к этому наилучше подготовлены и можем сразу использовать наиболее мощные типы современной техники, а поспешим построить собственные предприятия для производства всех продуктов, в каких мы нуждаемся. Наша организационно-техническая неподготовленность и нерациональное распыление средств, неизбежное при такой поверхностной индустриальной экспансии, приведут к тому, что эти новые предприятия, поглотив в общей сложности огромные капитальные вложения, будут влечь чахлое существование, переживая нескончаемые «детские болезни» и выбрасывая на рынок ничтожное количество продуктов очень высо-

кой себестоимости и очень низкого качества. Эмансиации от заграницы эти скороспелые отечественные суррогаты, конечно, не дадут, а преодоление отсталых форм хозяйства замедлят, общую мощь народнохозяйственного целого подорвут и всю перспективу генеральной реконструкции существенно исказят.

Необходимо, сверх того, подчеркнуть, что скороспелое капитальное строительство в отраслях, еще не завоевавших себе достаточно широкой базы в СССР, не только замедлило бы рост производительных сил в ближайшем будущем, но сковало бы его на долгие и долгие годы. Специализация производства при ограниченном его масштабе неосуществима. Следовательно, строя новые предприятия в производствах, не носящих массового характера, мы были бы вынуждены вложить большие средства в технические сооружения устарелого типа — в сооружения, эффективность которых много меньше эффективности их западноевропейских или американских конкурентов. Таким образом, мы с наступлением предпосылок массовой продукции в очень многих случаях будем поставлены перед альтернативой: или дорабатывать до «конца», до пределов естественного износа предприятия, морально устаревшие еще до своего рождения на свет, и примириться с тем, что каждый новый год их эксплуатации будет закреплять и углублять нашу техническую отсталость по сравнению с капиталистическим миром, или аннулировать в недоиспользованном виде миллионы «человеко-дней», воплощенных в нерациональном строительстве,— операция менее всего плановая.

Разумеется, провести принцип рациональной очередности в его чистом виде, без всяких компромиссов, нельзя. Для укрепления нашей обороноспособности мы вынуждены ставить и развивать предприятия, не удовлетворяющие этому принципу. Но исключения этого рода должны быть ограничены продукцией специального назначения, группой кадровых предприятий. Что же касается всех тех сфер индустриализации, которые в мирное время призваны обслуживать, так сказать, «гражданские» потребности, то здесь интересы обороноспособности и интересы народнохозяйственного целого совпадают: укрепление и повышение хозяйственной мощи СССР есть вместе с тем укрепление его обороноспособности.

Переходим к рассмотрению второго момента современной техники, к ее новой «энергетической базе». Электрификация открывает очень широкие горизонты в области механизации кустарно-ремесленных промыслов без превращения их в фабричное производство, т. е. с элиминированием огромных капитальных затрат на возведение технических и жилых зданий. В истории капитализма механизация любой отрасли труда была равносильна его превращению в фабрично-заводское производство. Но это далеко не всегда диктовалось техникой самой выработки продукта. Главная причина состояла в том, что тогдашняя паросиловая база не допускала ни дробления энергии, ни передачи ее на расстояние. Переход к новой электрической энергии, которая может быть как угодно дробима и передаваема на большие расстояния, означает глубокий переворот в технике и организации многих производств. Переворот этот далеко еще не освоен во всей его полноте капиталистическими странами, отягченными гигантским техническим и культурно-бытовым наследием старого века. Есть все основания думать, что казарменно-фабричный стиль индустрии и его достойное бытовое дополнение — дома-небоскребы — найдут себе место в музеях грядущего социалистического общества, как наиболее яркие проявления того культурного варварства, которое создавалось грубой техникой эпохи классического капитализма.

Мы можем и должны выступать пионерами в этом отношении, стать с первых же шагов нашей индустриализации на путь создания предприятий нового типа, вполне отвечающего возможностям новой энергетической базы. Необходимо самым тщательным образом исследовать возможности индустриализации кустарно-ремесленных промыслов с сохранением за ними их «домашнего» характера. Во всех тех случаях, — а их немало, — когда дешевый ток и дешевый автоматический станок позволяют поднять производительность труда ремесленников до уровня рабочих передовых предприятий, мы должны отказаться от шаблона индустриализации в формах фабрично-заводского урбанизма. Во всех этих случаях последнее слово современной техники — не только в области механизации, но также специализации и стандартизации — может быть, а следовательно, и должно быть привито кустарно-ремесленной промышленности. Неизбежные при этом добавочные издержки

по транспортировке изделий с лихвой окупятся огромной экономией на капитальном строительстве, не говоря уже о том колоссальном социально-культурном значении, какое имело бы внесение индустриализации в ее самых изысканных формах в отсталую крестьянскую и полукрестьянскую среду. Само собой разумеется, электрифицируя и механизируя ремесленно-кустарные промыслы, мы должны позаботиться о том, чтобы созданные этим путем индустриальные работники нового типа имели дело не с капиталистом — посредником между ними и «вольным» рынком, а с государством, которое должно, с одной стороны, выступить в качестве «заказчика» и поставщика сырья, с другой стороны, стимулировать производственное кооперирование технически обновленных промыслов.

Но и в тех случаях, когда техника производства заставляет придать ему фабрично-заводской характер, все не обязательно строить новые предприятия в городах, стягивая туда и обслуживающих их рабочих. В особенности нежелательно там, где дело идет о переработке сельскохозяйственного сырья.

Продукцию сырья и все стадии его переработки желательно сплачивать не только организационно, но и территориально, в целостные комбинаты. Помимо возможной экономии на капитальном строительстве (например, на жилстроительстве) здесь опять-таки необходимо иметь в виду еще и то более существенное обстоятельство, что такие комбинаты могли бы явиться мощными центрами индустриальной культуры в недрах самой деревни (именно под этим углом зрения говорил о слиянии города и деревни К. Маркс).

Недостаток некоторых видов сырья, необходимого для массовой продукции предметов широкого потребления, и невозможность в достаточной мере форсировать продукцию этих видов сырья в СССР заставляют поставить вопрос о всемерном расширении нашей торговли с заграницей, в частности о подготовке новых объектов массового экспорта. Однако непрерывно растущая зависимость от иностранного рынка в области основных видов массового сырья представляется нежелательной даже при устойчивости наших коммерческих отношений с внешним миром. Она превращается в прямую угрозу при наличии международных осложнений. Германия, отрезанная во время великой войны от внешнего

рынка, поставила и в течение двух-трех лет практически разрешила для целого ряда производств задачу «замещения» импортного сырья продуктами отечественного происхождения. Многие из этих «замещающих производств» (Ersatz-Industrien) оказались настолько удачными, что удержали свои позиции и по окончании войны. СССР — не Германия. Но при всей нашей культурной отсталости не будет утопией, если мы поставим перед нашими инженерами задачу создания одного или двух «замещающих производств» (а не многих, как в Германии) в течение 5—7 лет (а не 2—3, как в Германии). Представлялось бы, во всяком случае, чрезвычайно существенным выдвинуть такое задание по крайней мере по отношению к хлопку и резине.

Энергетика и транспорт занимают особое место среди отраслей индустрии. Если масштаб развертывания предприятий, производящих орудия производства, определяется фактически проявленной реальной потребностью, то энергетические установки и транспортное строительство должны ориентироваться не на реальный, а на потенциальный спрос. Так, например, широко разветвленная сеть подъездных путей, как рельсовых, так и грунтовых, является *предпосылкой* ликвидации натурального и полунатурального хозяйства в деревне. Приступая к проведению такой сети в каком-нибудь районе, мы еще не имеем тех грузовых потоков, на которые рассчитана сеть. Но уже существуют как материальные, так и персональные элементы производства, которые при бездорожье обречены оставаться в разъединенном и парализованном состоянии, а после проведения дороги должны объединиться в акте производительного труда, насытив его продуктами вновь созданные транспортные артерии.

Однако и для сооружений, обслуживающих такие потенциальные, находящиеся, так сказать, *in statu nascendi** нужды народного хозяйства, применим тот общий критерий, который был формулирован выше. Очередность строительства должна и здесь определяться максимальным производственным эффектом этих потенциальных, вновь вызываемых к жизни отраслей труда при минимальных капитальных затратах. Например, при проведении в жизнь плана электрификации в пер-

* В состоянии зарождения (лат.). — Примеч. сост.

вую очередь надлежит строить станции, необходимые для электрификации существующих промышленных и горнопромышленных центров, а также густонаселенных аграрных районов, и приступать с особой осмотрительностью к силовым установкам, мощность которых может быть полностью утилизирована лишь после того, как в обслуживаемом ими районе будут созданы новые виды индустрии, требующие больших капитальных вложений и длительных сроков строительства.

Наличность значительной явной и скрытой безработицы выдвигает идею «трудоемкости» в качестве одного из основных критериев целесообразности реконструктивных начинаний. В чем же состоит этот критерий? Нередко он формулируется так: «при прочих равных условиях реконструкция должна быть направлена в сторону предприятий, характеризуемых наибольшей трудоемкостью». Формулировка эта невразумительна, ибо при различных затратах живого труда равенство *всех* прочих условий немыслимо. Из огромного числа возможных комбинаций в области «прочих условий» существенно рассмотреть две полярные.

Комбинация первая: «при равенстве капитальных вложений более трудоемкий вариант дает по сравнению с менее трудоемким рост физического объема продукции в той или даже еще большей пропорции, чем рост числа занятых рабочих» (т. е. повышение трудоемкости сопровождается *повышением* производительности труда). В таком понимании критерий трудоемкости бесспорно правilen и имеет в наших условиях огромное значение в качестве регулятивной идеи при выборе способов и форм реконструкции народного хозяйства. Именно этим критерием мы и руководствовались выше, выдвинув вперед момент рационализации массовых производств, электрификацию и механизацию ремесленно-кустарных промыслов без превращения их в фабричные предприятия, построение индустриально-земледельческих комбинатов в деревне, вместо того чтобы сосредоточивать индустриальную часть этих комбинатов в городах и т. п.

Вторая комбинация: «при равенстве капитальных вложений более трудоемкое предприятие дает меньше продукции на каждого занятого в нем работника, чем предприятие менее трудоемкое» (т. е. повышение трудоемкости сопровождается *понижением* производительно-

сти труда). Принимая в качестве критерия идею трудоемкости в этой второй комбинации, можно отстаивать и действительно отстаивают целесообразность больших капитальных вложений на ремонт и подновление технически отсталых предприятий в противовес строительству заводов нового типа, которые-де грозят пролетариату увеличением безработицы, чрезмерно повышая производительность труда. С такой постановкой вопроса никак нельзя согласиться. Консервация на многие годы отсталой техники при помощи значительных затрат на ее воспроизводство в неизменном или почти неизменном виде есть прямое отрицание плановой реконструкции, очевиднейшее *testimonium paupertatis** планового принципа. Как уже было отмечено, в условиях советского строя развертывание физического объема продукции в том же масштабе, в каком растет производительность труда, не может натолкнуться на препятствие в ограниченности внутреннего рынка. Поэтому увеличение безработицы под влиянием прогресса техники отнюдь не является у нас экономической необходимостью, и если все же наблюдается, то это свидетельствует о нашей организационной неумелости, каковая едва ли заслуживаетувековечения в генеральном плане.

Итак, критерием трудоемкости не может быть перекрыт основной критерий реконструкции: повышение уровня производительных сил. Лишь при равенстве этого главного показателя показатель трудоемкости приобретает свое регулятивное значение.

Особого упоминания заслуживает тот случай, когда техническое усовершенствование производства хотя и повышает производительность труда, но с капиталистической точки зрения представляется *нерентабельным*, так как требует труда, более высоко оплачиваемого. Критерий частнохозяйственной рентабельности для нас, конечно, необязателен, лозунг нашей реконструкции: высокая напряженность и производительность труда при высокой оплате и коротком рабочем дне. Возможна, однако, и такая ситуация, когда не только с частнохозяйственной, но и с народнохозяйственной точки зрения «рентабельность» приобретает решающее значение при выборе типа реконструктивных работ. Это имеет ме-

* Признание слабости, несостоятельности (лат.).—Примеч. сост.

сто тогда, когда, используя имеющиеся в избытке запасы низкооплачиваемой рабочей силы, можно при ничтожных капитальных вложениях широко развернуть такие реконструктивные работы, которые являются *необходимой предпосылкой повышения уровня производительных сил для целого района или для значительной отрасли народного хозяйства*. Классический пример: земляные работы при проведении дорог или при гидроэлектрических сооружениях. Если вести их вручную, силами избыточного аграрного населения и при той зарплате, какая существует на «вольном» крестьянском рынке, то они обходятся очень дешево и могут быть поставлены достаточно широко. Если же платить рабочим по ставкам союза строителей, то зарплата (со всеми начислениями) будет раза в три-четыре выше «вольной». Стоимость работ при этом настолько увеличивается, что становится выгодным выписать из-за границы и пустить в дело экскаваторы. Возможности приобретения этих последних, однако, очень ограничены скучностью наших валютных ресурсов. Таким образом, при высокой оплате и механизации труда мы вынуждены до крайности сузить объем работ, широкий размах которых (например, местного дорожного строительства) безусловно необходим для того, чтобы создать элементарнейшие предпосылки нормального развития для обширных и густонаселенных территорий. Здесь не с точки зрения предпринимателя, а прежде всего с точки зрения трудящейся массы данного района, которая выступает одновременно и в качестве рабочей силы, и в качестве потребителя продукта, первый тип постановки работ несравненно «рентабельнее» второго.

Все предыдущее построение пронизано той идеей, что план реконструкции должен базироваться на экономическом районировании хозяйства СССР. Основная конструктивно-производственная задача плана — провести в жизнь тщательно продуманную систему общественного разделения труда как в смысле рациональной дифференциации хозяйства СССР по отраслям, так и в смысле рационального размещения этих последних по территории страны. Наблюдающаяся среди некоторых районных работников тенденция истолковывать «индустриализацию районов», в смысле насаждения в каждом районе возможно большего количества индустриальных отраслей, должна быть в корне отвергнута. Та-

кая универсальная программа привела бы не к мощному росту, а к параличу и упадку производительных сил в хозяйстве СССР вообще и в хозяйстве каждого ее района в частности. Действительная индустриализация Союза возможна лишь при условии, что все усилия местных хозяйственников и местной советской общественности будут концентрированы на развитии той специальной функции в системе общественного разделения труда, которая выпадает на долю данного района в силу его географических, геофизических, демографических и других особенностей. Вокруг этой основной функции, делающей район необходимым и незаменимым органом общесоюзного хозяйственного организма, должны быть *рационально скомбинированы* все промыслы, имеющие местное значение. Такой и только такой смысл может иметь популярная у нас идея «районных комбинаций».

Уже из приведенной выше схематической характеристики рационального распорядка реконструктивных работ ясно, что сколько-нибудь толково построить перспективный план возможно лишь при том условии, что по каждой отрасли народного хозяйства мы будем иметь в своем распоряжении не только общие предположения о размерах потребного для реконструкции *финансирования* и ожидаемых от оного «экспертных» коэффициентов роста производительности, снижения себестоимости и т. д., но в достаточной мере *конкретный и детализированный план реконструктивных и строительных процессов, так сказать, в натуре*. Мы должны знать, что именно, где именно и как именно будет построено. Дело идет, разумеется, не об инженерных проектах, а об указании размера и типа новых сооружений. Столь же необходимо знать, в какие сроки будут ликвидированы или преобразованы на новой технической базе существующие предприятия (например, наши технически отсталые универсальные металлургические заводы превращены в специализированные предприятия современного типа, вырабатывающие стандартную продукцию). Только на основании таких конкретных данных можно критически судить о вероятных темпах роста производительной силы труда, о потребной для производства рабочей силе, необходимых сдвигах в ее квалификации и о целом ряде других элементов, без которых перспективное планирование лишено всякого мате-

риального содержания. Конечно, силами одних плановых органов эта проблема не может быть решена; необходимо привлечение к ней ведомств. Напомним, что необходимость эта давно уже осознана; однако до сих пор, несмотря на неоднократные запросы Госплана СССР и СТО, мы не имеем сколько-нибудь вразумительной ведомственной информации о размере, типе и эффективности строительства, и притом не только того строительства, которое еще планируется, но и того, которое уже осуществлено за последние годы.

Необходимо проявить непреклонную настойчивость, мобилизовать все силы для того, чтобы получить наконец как отчетные, так и перспективные данные, касающиеся строительства. Только при наличии такой материальной опоры имеет смысл отлить перспективный план в форму цифровой гипотезы. Конечно, и в этом случае гипотеза будет грубо ориентированной и наверное разойдется с действительностью. Но поскольку в основе ее лежат все же не гадания, а технические расчеты эффективности, свойственной предприятиям данного типа, самые эти расхождения будут очень поучительными. Исследование их причин даст обильный материал для непрерывного совершенствования нашей плановой работы. Если же окажется невозможным добить указанные выше сведения, то все цифровые прикидки перспективного плана не будут иметь никакого реального значения. Ибо тогда мы будем вращаться в призрачном мире экспертиных цифр, в основе которых лежат, вероятно, какие-то подсознательные экстраполяции, но точный смысл которых не может быть расшифрован не только посторонними людьми, но и самими экспертами.

3. Методология

Выше было сказано, что основные методологические принципы построения перспективного плана вытекают из постулата «бескризисного расширенного воспроизведения». В самом деле, «бескризисным» народнохозяйственное развитие можно назвать лишь в том случае, если оно не только в конечном пункте, запроектированном пятилеткой, но и на всех промежуточных ступенях представляет собой систему динамического равновесия, чуждую сколько-нибудь резких «диспропорций». Вы-

явить наличие или отсутствие равновесия возможно только при помощи построения баланса. Поэтому балансовый метод является основным методом построения перспективного плана.

Само собою разумеется, что о построении законченного «баланса народного хозяйства» на пять лет вперед не может быть и речи. До настоящего времени, несмотря на большие усилия, затраченные в этом направлении работниками ЦСУ, мы не имеем еще баланса ни за один из истекших годов. Под балансовым методом в многолетнем перспективном планировании, как и в однолетних «контрольных цифрах», мы разумеем не исчерпывающий сводный баланс, а *совокупность отдельных балансовых расчетов*, вскрывающих условия равновесия важнейших элементов народнохозяйственного целого. Так, например, построение баланса реального накопления и капитальных затрат, баланса платежеспособного спроса и продукции предметов потребления в ценностном ее выражении, «баланса города и деревни», баланса топливно-энергетического, баланса экспортно-импортного, баланса государственного бюджета одинаково необходимо и для контрольных цифр, и для пятилетки. Было бы потому излишним повторять здесь все то, что уже не раз говорилось и в методологической части контрольных цифр, и в других трудах Госплана о балансовом методе, о присущих ему в его теперешнем виде несовершенствах, о необходимых его улучшениях. Здесь уместно будет упомянуть лишь о тех новых задачах, которые вносятся в балансовые расчеты *многолетностью* перспективных планов.

В интервалах пятилетнего и в особенности генерального плана достигают весьма значительной величины такие хозяйствственные сдвиги, которые в течение годового периода почти неприметны. Отсюда, применительно к перспективным планам, возникает настоятельная необходимость в таких добавочных расчетах, которых контрольные цифры могли и не делать. Формулировать все такие добавочные расчеты возможно лишь после специального анализа тех требований, которые предъявят к перспективному плану каждая отдельная отрасль хозяйства. Мы ограничимся здесь указанием на необходимость двух новых построений, которые вытекают из формулированных выше целевых установок плана.

В существующей пятилетке даны: «баланс использо-

вания городского населения в рабочем возрасте» и «баланс труда сельского населения». Сюда необходимо присоединить расчет перспективной потребности народного хозяйства в труде, дифференцированном хотя бы по главнейшим видам его квалификации, ибо только тогда можно будет построить в виде корреспондирующей балансовой статьи «прихода» план воспроизводства квалифицированной рабочей силы. Пополнение пятилетки этим важнейшим разделом осуществимо, если будут выполнены формулированные выше задания в области построения «в натуре» плана капитального строительства.

Второе необходимое дополнение должно состоять в учете избыточной рабочей силы и ее перспективной динамики. Опубликованная пятилетка подходит к этой проблеме с точки зрения баланса рабочего времени. Такой подход необходим, но недостаточен. Поскольку дело идет о скрытой безработице (аграрное перенаселение), критерием является не наличие незанятого рабочего времени, а нищенский уровень жизни, который нередко сочетается с чрезвычайно интенсивным и экспенсивным использованием рабочего времени. Но что такое «уровень нищеты»? Определить этот уровень какими-либо объективными признаками едва ли возможно, да для нашей цели было бы и нецелесообразно. В хозяйственном планировании скрытая безработица выступает прежде всего как источник давления на рынок труда. С этой точки зрения «избыточным» должен быть признан всякий, кто настолько не удовлетворен своим положением, что при малейшей возможности готов сняться с насиженного места и предоставить свою рабочую силу к продаже. Разумеется, это пояснение мало облегчает отыскание точных признаков скрытой безработицы; из области социально-экономической проблема переносится в область социально-бытовую, но от этого не становится менее сложной. Для решения ее потребуется, по-видимому, кооперация Госплана с целым рядом исследовательских учреждений и отдельных специалистов (ЦСУ, Комм. академия и др.). Необходимо подчеркнуть, что в той постановке проблемы «избыточного» населения, какая дана в предыдущих строках, предметом исследования является текущий избыток, оказывающий активное воздействие на рынок труда в конкретных условиях данного хозяйственного года, а не тот об-

щий фонд избыточных рабочих сил в деревне, размеры которого выявляются в свете предельных перспектив генеральной реконструкции сельского хозяйства. Учет этого последнего фонда, как уже было сказано выше, может быть выполнен, исходя из дифференцированных по районам *рациональных технико-экономических норм*, а не путем экономического анализа существующих социально-производственных отношений или каких-либо динамических коэффициентов, выведенных из опыта.

Уже в «Материалах Центральной комиссии по пятилетнему плану» было отмечено, что при построении плана реконструкции народного хозяйства можно лишь с величайшей осторожностью и в очень небольшой степени использовать статические и динамические коэффициенты, выведенные из наблюдения народнохозяйственных процессов за истекшие годы. Но, как сказано выше, некоторые самые общие указания относительно темпов роста основных показателей все же могут быть даны.

Остановимся сначала на показателе производительности труда. Мерою роста этой последней для планового хозяйства является индекс, учитывающий средний прирост выработки *всех работоспособных членов общества*, а не одних только фактически работающих. Плановое хозяйство не может, подобно капиталистическим предприятиям, рассматривать безработных как некоторый вне его находящийся, стихийно пополняемый резервуар рабочей силы. Резервы рабочей силы, как и всякие иные резервы, находятся *внутри* народного хозяйства, объемлемого планом, и должны быть учтены в его калькуляции. Если вследствие технической реконструкции производительность работающих увеличилась в n раз, а процент неработающих также вырос в n раз, то уровень производительных сил в каждой отдельной отрасли, охваченной реконструкцией, возрос, а в обществе в целом остался неизменным. *Оптимальным* план реконструкции народного хозяйства может быть признан лишь при условии, что уровень производительных сил общества не прерывно и плавно возрастает; всякие перебои, заминки, значительные ослабления темпов в этом движении свидетельствовали бы о дефектности плана.

То же самое надо сказать и о росте физического объема продукции, так как этот показатель связан с показателем производительности труда отношением прямой пропорциональности (темпер роста физического объе-

ма пропорционален произведению прироста численности трудящихся на прирост производительности их труда).

Что касается роста народного дохода (благосостояния трудящихся масс), производительно затрачиваемого накопления, прогресса социализации, то хотя все эти моменты определяются в конечном счете ростом производительных сил, но зависимость эта в достаточной степени сложна и не только в действительности, но даже в оптимальной конструкции едва ли может быть выражена однозначной математической функцией. Можно, однако, и здесь признать априори явным «противопоказанием» длительные остановки роста и, само собой разумеется, резкие регressive движения («кризисы»).

Недостаточность наших знаний лишает нас возможности найти сразу, чисто аналитическим путем, такое построение перспективного плана, которое в наибольшей мере удовлетворяло бы всем предъявляемым к реконструкции народного хозяйства целевым установкам. Нам приходится разрешать эту задачу методом последовательных вариантов приближений. Обычно мы строили до сих пор два варианта — максимальный и минимальный — при той же самой общей установке плана. Максимальный вариант рисует те достижения, какие можно получить при очень благоприятном стечении конъюнктурных и других не поддающихся предвидению обстоятельств, минимальный исходит из гипотезы менее благоприятной конъюнктуры.

При окончательной компоновке и опубликовании перспективного плана построение минимального и максимального варианта является целесообразным, так как дает диапазон возможных колебаний, нижний и верхний пределы, между которыми, по мнению самих составителей плана, могут колебаться проектируемые хозяйствственные достижения в зависимости от обстоятельств, не поддающихся учету. Но в самом процессе построения плана, в процессе отыскания оптимума при тех «конъюнктурных» предпосылках, какие условно приняты за данное (например, «средний» урожай, возможность иметь иностранные кредиты в определенной форме и в определенных размерах и т. п.), максимальный и минимальный варианты ни в коем случае не могут послужить нам путеводной нитью.

Для метода последовательных приближений к опти-

муму нужны варианты, построенные на другой основе. Так как различные требования, предъявляемые к перспективному плану, не всегда находятся между собой в гармонии, а зачастую и прямо противоречивы, то, при единстве основной концепции, в частностях — и порой очень существенных частностях — у нас имеется несколько конкурирующих проектировок. Поскольку чисто теоретической аргументации недостаточно для того, чтобы с полной убедительностью отдать предпочтение тому или другому из конкурентов, приходится испытать их на деле, приходится каждую проектировку положить в основу особого варианта плана. Только такая проработка дает возможность конкретно сопоставить все плюсы и минусы, присущие построенным указанным способом гипотезам, без чего нельзя с достаточной обоснованностью признать оптимальной одну из этих гипотез или нашупать оптимальный компромисс между несколькими из них.

Если разработать теорию метода вариантовых приближений совершенно отвлеченно и учесть (пользуясь теорией сочетаний), какое количество вариантов *формально* необходимо для того, чтобы сопоставить всего каких-нибудь четыре-пять различных установок плана, то получатся гигантские цифры, заставляющие, по-видимому, сразу опустить руки и признать метод вариантовых приближений в силу его громоздкости неосуществимым при построении перспективного плана в те жесткие сроки, которые нам заданы. Однако на практике едва ли можно представить себе случай, когда потребовалось бы сделать законченные варианты двух различных качественных установок. В огромном большинстве случаев достаточно будет немногих балансовых расчетов, чтобы решить вопрос в пользу того или другого варианта. Необходимо, конечно, оговориться, что метод вариантов пригоден лишь в тех случаях, когда спор возникает вследствие неясности связи между теми или другими производными установками и основными целевые заданиями, которые понимаются спорящими сторонами совершенно одинаково. Если различное понимание касается самих первичных заданий, никакого общезначимого *теоретического* метода для устранения разногласия вообще изобрести нельзя.

Так как генеральный план еще далек от своего завершения, то для построения пятилетки придется вос-

пользоваться ориентировочным предвосхищением его конечных итогов. В форме перспективных балансовых расчетов,— расчетов, разумеется, очень суммарных и грубых,— надо показать, как могут быть осуществлены и в каких глобальных цифрах должны быть выражены в генеральном плане те основные целевые задания, о которых шла речь выше.

Пятилетка должна дать уже в несколько более детализированном виде ближайший отрезок пути к тому преобразованному народному хозяйству, которое вырисовывается в свете перспектив генеральной реконструкции.

В статье, предписанной председателем Госплана СССР «Материалам», уже было подчеркнуто, что пятилетка отнюдь не задается целью дать «календарный» план развертывания народного хозяйства. «При некоторых определенных конъюнктурных условиях и нашего, и мирового хозяйства может случиться, что цикл хозяйственных событий, отмечаемых нашей пятилеткой, найдет свое завершение в какое-нибудь трехлетие, а при условиях обратного направления наша пятилетка может быть выполнена в шесть и более лет» («Материалы», стр. XIX).

Отсюда, однако, отнюдь не следует, что разбивкой пятилетнего плана по годам можно пренебречь или сделать ее совершенно произвольно. Чтобы выполнить постулат бескризисного развития, надо применить балансовую проверку не только к конечному пункту плана, но и к его промежуточным этапам, разделенным возможно более короткими интервалами. Работа по пятилетнему плану не может быть признана законченной до тех пор, пока мы не докажем, что не только в целом, но и на промежуточных этапах, условно помеченных той или другой календарной датой, наша проектировка дает более или менее уравновешенную систему¹, т. е. органически связанное целое, а не случайное переплетение раздельных линий развития. Необходимо доказать, сверх того, что каждый следующий этап органически вытекает из предыдущего. Таким образом, разбивка по годам

¹ Выше уже было отмечено, что некоторые диспропорции роста в отдельные годы могут оказаться неустранимыми. В таких случаях задача погодной проектировки будет состоять в том, чтобы для каждого года свести эти диспропорции к возможному минимуму.

представляется весьма существенной и ответственной частью работы по построению перспективного плана. И можно сказать почти с полной уверенностью, что, как бы тщательно мы ни продумали конечные итоги плана, балансовая проработка промежуточных звеньев заставит внести в построение последнего звена целый ряд поправок, необходимость которых мы не осознали бы без такой вспомогательной проработки¹.

Для того чтобы разрешить проблему о размерах резервов, необходимых для бесперебойного развития нашего народного хозяйства, было бы целесообразно предусмотреть в составе пятилетки один неурожайный год. Всего целесообразнее принять за неурожайный второй год. Это отнюдь не значит претендовать на пророческий дар; такая проектировка не имеет ничего общего с *предсказанием* неурожая именно в 1930 году. Приняв ее, мы обязуемся лишь показать, что наше народное хозяйство, в его теперешнем состоянии, имеет достаточные ресурсы для того, чтобы без нарушения плавного хода развития накопить резервы, позволяющие уже на втором году пятилетки бескризисно пережить неурожайный год. Если такое задание окажется невыполнимым, придется перенести неурожай на третий год, и т. д. Гарантируем ли мы этим, что на деле неурожай не случится на первом же году пятилетки? Ни в какой мере. Мы только утверждаем, что подготовить наше народное хозяйство в плановом порядке к бескризисному изживанию неурожая невозможно ранее, чем по прошествии одного, двух, трех и т. д. лет.

4. Регулятивные идеи

Снижение индекса цен на промтовары по сравнению с индексом сельскохозяйственных товаров является одной из самых важных регулятивных идей периода реконструкции. Это главное орудие ликвидации натурально-потребительского хозяйства и рациональной специализации как земледельческих, так и внеземледельческих промыслов деревни. Вместе с тем это один из важнейших рычагов повышения крестьянского потребления и

¹ Более подробно о связи между генеральным и перспективным планом см. принятый Методологической комиссией Госплана СССР доклад В. Базарова (напечатан в № 7 «План. хоз.» за 1926 г.).

постепенного выравнивания уровней жизни города и деревни.

За последнее время мы и в текущей практике, и в перспективных построениях старались осуществлять эту тенденцию, понижая цены на промтовары и удерживая стабильными сельскохозяйственные цены. Необходимо отметить, что этот модус возможен лишь при определенных конъюнктурных условиях и никоим образом не должен рассматриваться как какая-то непререкаемая догма. В зависимости от колебаний урожая и других элементов текущей конъюнктуры может быть целесообразным сжимать «ножницы» и при одновременном понижении того и другого индекса, и при движении их на встречу друг другу. Только одновременное повышение обоих индексов не может быть приемлемо в качестве регулятивной идеи, ибо до тех пор, пока покупательная сила червонца на внутреннем рынке не сравнялась с его номинальным паритетом, повышение курса рубля остается одной из существеннейших директив плановой политики.

В эпоху восстановительного процесса регулятивной идеей в политике зарплаты был принцип, что зарплата должна расти вровень с ростом производительности труда.

И в условиях восстановительного процесса, когда, с одной стороны, абсолютный уровень зарплаты был чрезвычайно низок, а с другой стороны, производительность труда росла главным образом за счет увеличения нагрузки без затрат на механизацию, эта регулятивная идея была вполне правильна. Но она перестает быть правильной в период реконструкции, тогда рост производительности труда должен происходить главным образом за счет технических улучшений производства, повышающих «производительную силу» труда, но не затрагивающих его интенсивности. Для того чтобы создать на фабриках и заводах коллективную атмосферу, благоприятную для проведения мероприятий, повышающих производительную силу труда, целесообразно известную часть выгоды, извлекаемой отсюда, тратить на увеличение заработной платы рабочих того предприятия, где эти меры непосредственно проводятся. Но, конечно, доля эта не должна быть чрезмерно большой: повышение производительной силы труда есть тот ресурс, который позволяет систематически снижать цены

на промышленную продукцию и в то же время увеличивать затраты на расширенное воспроизводство. Значительно урезав его, мы иссушали бы один из главнейших источников роста производительных сил в стране.

Однако технический прогресс (в частности, рационализация и специализация производства) в очень многих случаях повышает не только производительную силу, но и напряженность труда, в особенности *напряженность внимания*. В СССР эта сторона рационализации должна быть ограничена, конечно, пределами санитарно-допустимых норм и не может выродиться в те эксцессы сверхнапряженного труда, которыми современный капитализм выматывает силы, например, американского рабочего. Но и в рамках санитарно-допустимого напряженность индустриального труда у нас должна очень значительно повыситься в процессе реконструкции. Рабочий класс примет это необходимое последствие рационализации без сопротивления при условии, что вся та доля повышения производительности, какая осуществляется за счет роста интенсивности труда, будет *целиком возмещена пролетариату посредством соответственного подъема уровня жизни*.

Таким образом, регулятивная идея реконструктивного периода может быть формулирована так: заработная плата должна повышаться быстрее повышения интенсивности труда, но медленнее роста его совокупной производительности. Другими словами, тот плюс, который получается в результате увеличения производительной силы труда, должен в известной пропорции делиться между зарплатой рабочих данного предприятия и всем общественным целым. В каком именно отношении следует производить этот раздел, зависит от конкретной обстановки места и времени и не может быть предугадано в виде регулятивной идеи общего значения.

При изложении целевых установок плана и в непосредственной связи с ними нами указан целый ряд регулятивных идей перспективного планирования; намечены и те условия, при которых они имеют силу.

Исчерпать все циркулирующие среди наших планировиков регулятивы нет никакой возможности, да едва ли в этом есть и надобность. Достаточно будет в заключение суммарно коснуться группы регулятивных идей, сформулированных в виде *директивных неравенств*, намечающих темпы нашего планового строительства и со-

отношение между темпами его отдельных отраслей. Таковы, например, директивы: «темпер роста производительных сил в СССР должен быть больше, чем в капиталистических странах»; «продукция средств производства должна расти быстрее продукции предметов широкого потребления»; «промышленная продукция должна расти быстрее сельскохозяйственной» и т. д.

Возникает прежде всего вопрос, в какой степени все эти неравенства совместимы друг с другом и с основными целевыми установками перспективного плана.

Допустим, что ближайшая проверка показала их полную совместимость. Другими словами, мы допускаем, что каждое из директивных неравенств правильно намечает одну из тех частных тенденций, которые, взятые в совокупности, образуют целостный комплекс развивающегося народного хозяйства. Даже и в этом случае директивные неравенства нельзя рассматривать как рецепты, пригодные на каждый день и час. Могут быть такие периоды, на протяжении которых, в силу некоторых специфических условий, общая тенденция отчетливо не проявляется и не может проявиться без нарушения системы народнохозяйственного равновесия. В каждом конкретном случае для каждого конкретного года вопрос о соотношении темпов должен решаться на основании анализа сложившейся народнохозяйственной обстановки и не может быть предрешен никакими директивами. Нельзя ни на минуту забывать, что регулятивные идеи, как бы ни были они поченны в их общей формулировке, реально осуществимы лишь *при наличии определенных условий*, которых иногда может и не быть.

Плановое хозяйство, 1928, № 2

В. А. Базаров

О ПЕРСПЕКТИВАХ ХОЗЯЙСТВЕННОГО И КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ¹

Плановые органы республик и районов Союза приступают в настоящее время к построению пятилетнего плана нашего экономического и культурного развития. Опорными пунктами для этой огромной работы являются: опыт построения пятилетки Госпланом СССР, доло-

¹ От редакции. Статья печатается в порядке обсуждения.

Статья тов. Базарова затрагивает основные вопросы социалистического строительства, которые партия, советское государство и широчайшие массы рабочих и крестьян с величайшим напряжением сил и энергии решают и будут решать весь ближайший этап развития.

Откладывая более подробный разбор положений, защищаемых тов. Базаровым, до следующего номера, мы ограничиваемся пока лишь несколькими замечаниями.

Мы не являемся сторонниками теории «затухающей кривой» развития нашего хозяйства. В советском хозяйстве заложены силы, толкающие к ускорению его развития в дальнейшем. Жизненная практика уже доказывает ошибочность первой теории. Именно преимущества советской системы объясняются в первую очередь (а не только одними так наз., восстановительными возможностями) быстрый темп роста за истекшие годы. Конечно, быстрый темп развития и ускорение этого темпа в дальнейшем ни в малейшей степени не обеспечены механически: претворены в жизнь они могут быть лишь при гигантском напряжении ума и воли миллионных масс трудящихся. Только при этом условии.

Нам представляется, что тов. Базаров недооценивает преимущества, заложенные в советской системе, как в прошлом, так и в настоящем и будущем. В частности, это относится и к вопросу об уничтожении непроизводительного потребления капиталистов и помещиков. Имеющиеся исчисления говорят о возможности значительного ускорения темпа развития нашего хозяйства по сравнению с капиталистическим за счет этого источника, даже при повышении доли заработной платы.

Совершенно справедливо указание автора, что успешность дальнейшего социалистического строительства упирается в проблему культуры. Однако, по нашему мнению, тов. Базаров слишком пессимистически оценивает возможность преодоления нашей культурно-технической отсталости. В частности, он не учитывает и того, что рекордные темпы восстановления и развития нашего народного хозяйства достигнуты нами, несмотря на нашу культурно-техниче-

женный XV съезду ВКП, и принятые съездом директивы; новые варианты плана, скомпонованные ВСНХ и другими ведомствами; наконец, составленные Госпланом СССР на основе всех перечисленных материалов и руководящих указаний инструкции, в которых намечаются главнейшие качественные установки для более детальной и углубленной разработки плана как в отраслевом, так и в районном разрезе.

Лишь после тщательной проработки на местах план приобретет ту отчетливость очертаний, которая позволит подвергнуть его систематическому анализу и детальной конкретной критике. Имеющиеся в настоящее время эскизы набросаны такими широкими и грубыми мазками, что произвести сколько-нибудь точный анализ их цифровых прикодок не представляется возможным. Пока нет достаточного материала для построения хотя бы самых основных балансовых расчетов. Следовательно, нельзя еще сказать с уверенностью, мыслим или немыслим бесперебойный рост в запроектированных темпах, совместимы или несовместимы эти последние с необходимой пропорциональностью в развитии отдельных сторон и отраслей народнохозяйственного целого. Сверх того, в теперешнем построении, как и во всех ему предшествовавших, не выявлена конкретная материальная структура развертывающихся производительных сил; не обрисованы те производственно-технические преобразования, которые обеспечивают достижение принятых пятилетним планом количественных и качественных показателей в области роста физического объема продукции, производительности труда, снижения себестоимости и т. д. Как и ранее, мы имеем перед собою лишь денежную оценку предполагаемых капитальных вложе-

скую отсталость и прочие трудности. Это обстоятельство должно еще сильнее подчеркнуть те исключительные возможности дальнейшего хозяйственного и культурного развития СССР, которые будут все более открываться перед нами по мере преодоления всех этих трудностей. Происходящая в стране культурная революция подымет наше хозяйство на качественно более высокую ступень и даст сильнейший толчок хозяйственному развитию. Колossalное значение при этом приобретает развертывающаяся на низах самокритика, захватывающая все более и более широкие массы рабочих и крестьян. Эта струя критицизма, являющаяся важнейшей составной частью в общей культурной революции, по мере своего расширения преобразует качественно все наше строительство, в том числе строительство хозяйственное.

ний и ожидаемых от них производственных эффектов.

Судить о реальности темпов расширенного воспроизведения на основании одних только ценностных или ценовых соотношений между его элементами чрезвычайно трудно, а в эпоху радикальной реконструкции совершенно невозможно. В самом деле, те технические приемы и организационные формы производства, которые кладутся нами в основу проводимой в настоящее время реконструкции народного хозяйства, представляют собой совершенно своеобразный комплекс явлений. В своей конкретной определенности, в данном сочетании всех своих частей и элементов, комплекс этот есть нечто единичное, неповторимое, нечто такое, что еще нигде и никогда не встречалось в истории хозяйственного развития. Поэтому здесь менее, чем где-либо, правомерны всякого рода экстраполяции, всякого рода умозаключения от прошлого к будущему. Если бы, например, оказалось, что на каждый рубль вложений в основной капитал пятилетка ВСНХ проектирует ценностный рост продукции примерно в такой же пропорции, какая наблюдалась в этой области в довоенной России, в период ее наиболее интенсивного промышленного развития, или в какой-нибудь иной быстро индустриализировавшейся стране, то из такого сопоставления нельзя было бы сделать решительно никакого вывода ни о теоретической приемлемости проектировки ВСНХ (в смысле наилучшего использования всех имеющихся возможностей), ни о практической ее осуществимости. *Обоснование количественных и качественных коэффициентов может дать только технико-производственный план реконструкции в его, так сказать, натуральной форме.*

Необходимость такого обоснования достаточно стечтливо отмечена в директивах XV съезда ВКП; с особенной настойчивостью подчеркнута она в разосланных недавно на места директивах Госплана СССР, которые в отдельных случаях (например, для сельского хозяйства) дают уже и некоторые вехи качественной реконструкции в отраслевом и районном разрезах. Однако в достаточно детализированном виде такая конкретная разработка плана реконструкции может быть выполнена, конечно, только самими районными и отраслевыми плановыми органами. И лишь по завершении этих частных и местных работ мы получим сколько-нибудь

надежный и проверенный материал для построения народнохозяйственного плана как связного, внутренне согласованного целого.

Таким образом, пройдет еще немало времени до той поры, когда перспективный план дозреет до конкретной цифровой критики. На теперешней же стадии его созревания позволительно высказать лишь самые общие замечания по поводу запроектированных темпов роста и тех срывов или «узких мест», опасность возникновения которых можно предвидеть уже теперь, при беглом взгляде на опубликованный ВСНХ эскиз пятилетки¹.

За пятилетие 1927/28—1932/33 гг. ВСНХ предполагает увеличить валовые размеры промышленной продукции на 135%, в том числе по отраслям, производящим средства производства, на 160,8%, по отраслям, производящим предметы потребления,— на 122,3%. Для сравнения теперешней прикидки ВСНХ с предыдущими вариантами, созданными им самим и Госпланом СССР, приводим следующее сопоставление:

«Аппетит приходит с едой». При каждой новой переработке перспективы хозяйственного развития СССР становятся все более и более оптимистичными. Совещание плановых работников, рассматривавшее *минимальный* из приведенных выше вариантов — так называемый «отправной вариант» Госплана СССР,— признало, что осуществление намеченного им роста продукции потребует большого напряжения всех хозяйственных сил и ресурсов страны. Между тем теперешняя проектировка ВСНХ далеко оставляет позади не только этот отправной, но и «оптимальный» вариант, казавшийся несколько месяцев тому назад пределом возможных достижений. Нынешний вариант ВСНХ дает за сравниваемый с предыдущими пятилетками период прирост валовой продукции на 140% против 108% оптимального и 87% отправного варианта Госплана. Как уже было сказано выше, при наличии тех до крайности скучных данных, которыми оперируют пока составители нового варианта, нельзя сколько-нибудь доказательно ни защищать, ни опровергать запроектированные им темпы. Рост физического объема продукции в текущем 1927/28 г. обещает превысить предложения промфинплана и вместе с тем несколько превзойти прошлогодний темп

¹ «Торгово-промышленная газета», № 97.

Рост валовой продукции в %	Вариант пятилетки	Госплан	Бюджетные показатели							
			Товарная	Промышленная	Материально-техническая	Химическая	Лесная	Текстильная	Кооперативная	Промснаба
I отправной 31/32 г. к 26/27 г. . .	181,6	225,2	225,8	183,2	236,5	168,8	193,5	154,6	195,9	180,8
II оптимальный ¹ 31/32 г. к 26/27 г.	200,0	216,0*	315,3	230,0	305,0	227,0	184,4	190,0	224,0	195,0
Последний вариант ВСНХ										
31/32 г. к 26/27 г.	213,0	307,0	350,0	258,7	366,0	263,0	214,0	300,0	250,0	233,0
32/33 г. к 27/28 г.	209,4	295,0	312,9	265,3	373,1	242,6	206,1	259,4	260,8	222,3

¹ «Оптимальный» вариант Госплана совпадает с первоначальным вариантом ВСНХ (с так наз. «контрольными цифрами пятилетки»).

роста. И если за два года не произошло затухания темпа валовой продукции, то почему же, спрашивается, этот темп не может бытьдержан еще в течение 3, 5 и более лет? Почему не признать, что ежегодный прирост продукции в 20 с лишком процентов есть прочное завоевание советской экономики и что все теории затухания «в корне ошибочны», «ни на чем не основаны» и свидетельствуют лишь о нежелании или неумении их авторов оценить все творческие потенции нашего социалистического строительства? В свете такого настроения перспектива, намеченная ВСНХ, может показаться даже чрезмерно скромной. ВСНХ обещает нам по разделу средств производства неизменный из года в год прирост в 20%, по разделу предметов непосредственного потребления — в 17%, так что для всей промышленности в целом ежегодный темп роста определяется «всего» в 18%. Только 18%, в то время как текущий год обещает дать 23%! Многих это не удовлетворяет; среди ответственных работников самого ВСНХ существует мнение, что рассматриваемый вариант является минимальным и что он может быть существенно превзойден на практике.

Посмотрим, однако, что сулит нам ближайшее будущее, если принять «скромный» коэффициент 18% за упрощенный, нормальный темп нашего промышленного развития. Через 5 лет продукция промышленности увеличится, как мы видели, в 2,4 раза, через 10 лет — в 5,4 раза, через 15 лет — в 12,6 раз, через 20 лет — в 29,3 раза, через 30 лет — почти в 160 раз. Итак, менее чем через 20 лет мы по уровню промышленного развития далеко оставим за собой Сев. Америку (предполагая притом, что эта последняя в свою очередь будет развивать свою индустрию не медленнее, чем в настоящее время), а через 30 лет на каждого гражданина Советского Союза будет приходиться во сто раз больше промышленной продукции, чем в наши дни. Другими словами, еще при жизни современного поколения производительные силы СССР достигнут такого мощного расцвета, что государственное нормирование производства и потребления станет излишним и народы, населяющие территорию теперешнего Советского Союза, смогут перейти к безгосударственномульному коммунизму, начертав на своих знаменах девиз: «от каждого по его силам, каждому по его потребностям».

Да и только ли народы *теперешнего СССР*? При таком размахе успехов нашего планового хозяйства преимущества его над капитализмом через самое небольшое количество лет стали бы настолько очевидными, настолько бьющими в глаза, что никакие ухищрения капиталистов и их «прислужников» не смогли бы удержать рабочие массы буржуазных стран в рамках политической лояльности. Мировая коммунистическая революция стала бы неизбежной в самом непродолжительном будущем, что, конечно, чрезвычайно повысило бы возможности и темпы хозяйственного развития во всех странах земного шара. Таким образом, если 18—20-процентный ежегодный рост действительно обеспечен на длительный срок положительными особенностями нашего хозяйственного строя, то уже не через 30, а через каких-нибудь 15—20 лет земное человечество развернутым фронтом, в «планетарном масштабе», подойдет к осуществлению вольного коммунизма. Значит, не только наши дети, но и некоторые из нас, старики, сподобятся собственными глазами увидеть предвозвещенный Энгельсом прыжок из царства необходимости в царство свободы и на пороге крематория успеют от всего сердца произнести свое «ныне отпущаёши».

Захватывающая, чарующая перспектива! Но именно грандиозность замысла и заставляет относиться с особенной требовательностью к его обоснованию, ибо, приступая к решению великих исторических задач, нет ничего опаснее «оптимизма», преуменьшающего предстоящие трудности, а следовательно, и необходимые для их преодоления усилия.

Из завершенных Советским Союзом крупных исторических дел крупнейшим является бесспорно военная победа над контрреволюцией и интервенцией. В период гражданской войны тяжесть стоявшей перед революционным пролетариатом задачи отнюдь не преуменьшилась, а временами, может быть, даже несколько пересчитывалась. Ни на какой стадии борьбы не возникало теории, что достигнутый темп успехов гарантирован Красной Армии самой ее природой и будет развиваться дальше, так сказать, «самотеком», вплоть до полной победы над врагом. Наоборот, ответственные руководители революционной борьбы всегда подчеркивали ее огромные трудности и опасности. Отчетливое сознание этих последних как раз и поддерживало в пролетариате

то героическое, сверхчеловеческое напряжение энергии, которое было необходимо для того, чтобы с честью выдержать жестокое историческое испытание.

Побить кичливый Запад экономически на поприще социалистического хозяйственного строительства — задача еще гораздо более сложная и трудная, чем победа на фронте гражданской войны. Здесь необходима величайшая трезвость и критическая зоркость; всякое сознательное или бессознательное затушевывание, всякие убаюкивающие нотки официального оптимизма должны встречать самый беспощадный отпор со стороны работников, отдающих себе отчет в условиях предстоящей борьбы. В своем напутствии местам Госплан СССР говорит о том, что он ожидает от них самой «придирчивой» критики. Объектом такой придирчивой критики должно быть прежде всего обоснование запроектированных темпов хозяйственного роста.

К сожалению, апелляция к великим возможностям, присущим советскому хозяйству, не опирается на сколько-нибудь развернутую и общепризнанную теорию этого хозяйства, ибо таковой до сих пор не создано. Когда говорят о наших преимуществах перед капитализмом, имеют в виду общие соображения о преимуществах планового хозяйства по сравнению с буржуазной анархией. Придется, следовательно, и нам ограничиться учетом этих общих соображений.

Качественное превосходство социалистической экономики над буржуазной выявляется в двух основных разрезах: 1) изменение социальной структуры общества позволяет производительно затратить всю ту долю общественного труда, которая в капиталистическом строе обслуживает личное потребление буржуазии; 2) плановое хозяйство ликвидирует ту стихийную растрату производительных сил, которая при капитализме является неизбежным последствием господства частной конкуренции.

Остановимся сначала на первом моменте. Повышение темпа хозяйственного развития за счет ликвидации непроизводительного потребления буржуазии должно быть, очевидно, тем больше, чем многочисленнее был сам ликвидированный класс капиталистов. В странах высокоразвитого капитализма, где наряду с капиталистами, стоящими во главе предприятий, успел сложиться обширный слой паразитов — рантье, этот фонд очень

велик. Удовлетворительных попыток количественно учесть его в дореволюционной России не имеется; однако существовавшая в те времена социальная структура нашей страны заставляет думать, что у нас личное потребление капиталистического класса пожирало относительно не очень большую долю народного дохода. Необходимо сверх того принять в расчет, что далеко не все ресурсы, поглощавшиеся буржуазией, могут получить в новейшее время производительное назначение. Плановая система нуждается в разветвленном административно-хозяйственном аппарате, не существовавшем при капитализме. За последние годы наши высшие органы употребляют все усилия к тому, чтобы в максимальной степени сократить и удешевить этот аппарат. Однако и по завершении рационализации потребуются затраты очень значительных средств для поддержания его сложной и ответственной работы на достаточной высоте. Наконец, в советском хозяйстве доля рабочего класса в чистой продукции, при прочих равных условиях, неизбежно должна быть выше, чем в хозяйстве капиталистическом. Одна из основных тенденций капитализма — систематическое снижение реальной зарплаты; и только напряженной организованной борьбой удается рабочему классу парализовать эту тенденцию и при благоприятной конъюнктуре добиваться повышения своего жизненного уровня. Советское хозяйство характеризуется, наоборот, интенсивным ростом реальной заработной платы, вследствие чего прибавочная продукция относительно меньше, чем при капитализме; меньше, следовательно, и возможности ее использования в целях расширенного воспроизводства. Исчислить количественные итоги взаимодействия этих противоположно направленных факторов — задача методологически чрезвычайно трудная. Можно, однако, сказать с полной уверенностью, что если бы такого рода подсчет и дал положительное сальдо на стороне советского хозяйства, сальдо это ни в коем случае не могло бы достигнуть таких размеров, которые обеспечили бы для советского строя возможность регулярно, из года в год, осуществлять темпы роста, в несколько раз превышающие рекордные достижения капитализма.

Неизмеримо большие возможности открывает второй момент: преодоление капиталистической анархии плановой системой хозяйства. Капитализм, даже в са-

мых высших его формах, есть чрезвычайно расточительная система хозяйствования. Период капиталистического расцвета характеризуется качественной деградацией производительных сил, периоды капиталистических кризисов — резким сокращением количественных показателей производства. Принцип наибольшей «рентабельности» — верховный критерий капитализма — направляет развитие производительных сил по таким каналам и руслам, которые отнюдь не гарантируют наилучших эффектов с точки зрения народнохозяйственного целого. Рациональная очередь хозяйственного строительства и вообще строгая рационализация хозяйственного развития во времени и пространстве несовместима с критерием капиталистической *рентабельности*. При капитализме рост производительных сил идет беспорядочными толчками и зигзагами, причем нередки случаи, когда прямое расхищение «народного богатства» оказывается более рентабельным, нежели его сбережение и приумножение. Мы не говорим уже о том, что генеральные реконструктивные работы, необходимые для того, чтобы поднять народное хозяйство на более высокую ступень, зачастую до чрезвычайности затрудняются институтом частной собственности (пример: электрификация). Наконец — и это самое главное — классовая структура производственных отношений убивает творческую инициативу рабочей массы и парализует изобретательский гений ее отдельных выдающихся представителей. Не улучшению хозяйства, а классовой борьбе отдает свои лучшие силы пролетариат в эпоху капитализма.

Поскольку все перечисленные дефекты капитализма устраниются организацией планового социалистического хозяйства, это последнее должно в колоссальной степени ускорить процесс хозяйственного роста страны. После социалистической революции не только 20%-ные, но и 40—50%-ные коэффициенты ежегодного роста могли бы оказаться вполне достижимыми, при одном, однако, непременном условии: при условии, что общество, совершившее социалистический переворот, обладает достаточной общей культурностью и всей той суммой технико-экономических знаний и умений, которые необходимы для рационализации народнохозяйственного развития. Но как раз этого-то условия у нас и нет. История земного человечества сложилась таким образом, что пионером социалистической революции выступила не са-

мая передовая, а самая отсталая капиталистическая страна. В царской России три четверти населения по своему хозяйственному и культурно-бытовому укладу принадлежало к докапиталистической формации. И уже один тот факт, что в этой полуварварской стране советский строй, провозгласивший и систематически проведший в жизнь национализацию земли, обобществление крупной промышленности и торговли, благополучно просуществовал 10 лет, восстановил разрушенное войной народное хозяйство и в настоящий момент приступает к его генеральной реконструкции,— уже один этот факт свидетельствует об огромной созидающей силе планового начала.

Но сила эта все же не безгранична, чудес и она производить не в состоянии. Общеизвестно, что новые производства, которые мы за последние годы пытались организовать у нас по последнему слову заграничной техники, прививаются в нашей стране очень туго. Новые предприятия переживают процесс упорных и тяжелых «детских болезней», да и после завершения этих последних далеко отстают по своей эффективности от европейских и американских образцов. С другой стороны, мы имеем такие факты, как «Шахтинское дело». Сотни и тысячи честных, преданных социалистическому строительству техников в течение целого ряда лет не замечали манипуляций, производившихся у них на глазах кучкой «вредителей». Донбасс — одна из важнейших командных высот. Предполагать, что здесь средний уровень технической культуры советских хозяйственников был значительно ниже, чем в других отраслях производства, мы не имеем решительно никаких оснований.

Мне скажут в ответ на это, что в нашей технической и культурной отсталости никто не сомневается; недаром в настоящее время провозглашен лозунг «культурной революции» и кое-где уже организуются «кампании» для проведения этого лозунга в жизнь. Факт тот, что, несмотря на наше общее и техническое невежество, народное хозяйство развивается у нас неслыханным для капитализма темпом. В 1924, в 1925, в 1926 гг. эти огромные темпы объяснялись восстановительным процессом. Однако, согласно самим же теоретикам восстановительного процесса, ресурсы этого последнего в основном были исчерпаны уже на рубеже 1926/27 г., когда промышленность подошла к довоенным размерам

продукции; между тем и до сих пор средний темп годового роста превышает 20%; очевидно, в советских условиях реконструкция обеспечивает этот высокий процент даже при самых технически несовершенных приемах ее осуществления.

Соображение это можно бы признать довольно убедительным, если бы хозяйственный процесс, по типу своему аналогичный восстановительному, действительно прекратился с достижением нашей промышленностью довоенного уровня продукции. Но это не так. Капитализм, в силу присущей ему тенденции к ограничению платежеспособного спроса основной массы населения, никогда не работает с полной нагрузкой своих предприятий,— экономически предельная нагрузка при капитализме значительно ниже технически возможной. Советский строй чужд этого противоречия; у нас наблюдается даже прямо противоположная тенденция: рост платежеспособного спроса, как общее правило, несколько обгоняет рост физического объема продукции; поэтому в советской промышленности технический и экономический максимум нагрузки предприятий совпадают между собой. Этот технический максимум и до сих пор не исчерпан в ряде производств, давно уже перешагнувших за довоенный уровень продукции. И не подлежит сомнению, что высокий темп роста выработки в *некоторой части* обусловливается этой сверхвосстановительной загрузкой унаследованных от капитализма предприятий. В *какой именно* части, мы не знаем, хотя узнать это было бы очень нетрудно. Для этого стоило бы только ежемесячно публикуемые ЦОСом ВСНХ данные о валовой продукции, списочном числе рабочих и т. д. разбить на рубрики, подведя отдельно итоги по группам предприятий, в различной степени затронутых реконструкцией (напр., 1-я группа — капитальные вложения меньше одной трети основного капитала, 2-я группа — капитальные вложения от одной трети до двух третей основного капитала, 3-я группа — капитальные вложения выше двух третей основного капитала, 4-я группа — новые предприятия). Мы получили бы тогда грубо суммарные, но все же достаточно показательные данности для суждения об эффективности капитальных вложений. Добавочные расходы, потребные для этих исчислений, совершенно ничтожны; необходимость иметь хоть какое-нибудь фактическое освещение карди-

нальной проблемы эпохи реконструкции очевидна; работники Госплана уже два года настаивают на производстве указанных расчетов — и все же они до сих пор не производятся... по соображениям экономии средств. Такой мотив отказа в таком вопросе как нельзя лучше характеризует тот уровень сознательности, с каким мы вступаем в сложную и ответственную fazу реконструкции нашего народного хозяйства.

Все высказанное выше отнюдь не направлено к тому, чтобы подорвать намеченную ВСНХ перспективу, признать ее априори нереальной и примириться с гораздо более скромным темпом роста. Я хочу лишь подчеркнуть необходимость огромных организованных усилий для поддержания таких мощных скоростей. Для «самотека», создававшегося до сих пор повышенной загрузкой готового оборудования, остается все меньше и меньше места; все труднее и труднее становится достигать значительного расширения продукции путем частичной перестройки существующих предприятий; все в большей и большей степени каждый новый шаг по пути индустриализации делается функцией нового капитального строительства. Вот почему приходится пожелать, чтобы тот несколько прекраснодушный оптимизм, который за последнее время стал обволакивать наши хозяйствственные перспективы, рассеялся как можно скорее и уступил место настороженности и подобранности, отвечающей трезвому сознанию стоящих перед нами огромных трудностей.

Приведу несколько иллюстраций.

Для того чтобы достигнуть запроектированной к концу пятилетки выплавки чугуна (7,6 млн. тонн), необходимо, по мнению специалистов, в максимальной степени использовать все существующие предприятия и, сверх того, построить три новых металлургических завода очень значительной, небывалой еще у нас мощности, и притом построить их с таким расчетом, чтобы в пятом году они дали на рынок полную продукцию (в общей сложности до 100 млн. пуд. чугуна). Физически в этом задании нет ничего невозможного, но оно во много раз превосходит все то, чего нам до сих пор удавалось достигать в нашем промышленном строительстве.

Прирост производительности труда запроектирован ВСНХ в размере 75%. Здесь опять-таки нет ничего принципиально неосуществимого. В Германии, в период

недавней рационализации промышленности, во многих отраслях получались коэффициенты того же порядка, несмотря на то что исходный уровень промышленной техники был гораздо выше, чем тот, от которого отправляемся мы в настоящее время. 75% прироста за пятилетие даст в среднем за год около 12%, т. е. примерно тот же самый темп, который фактически наблюдался за последние годы, когда, с одной стороны, производительность труда повышалась автоматически по мере более полного использования наличного оборудования и, с другой стороны, большие сдвиги в этой области достигались посредством самых первых, элементарных, а потому и самых легких шагов по пути рационализации производства¹. В грядущем пятилетии эти ресурсы будут все более и более снижаться, и потому удержание среднегодового роста производительности труда на уровне 12% потребует с каждым новым годом все больших и больших усилий.

Бурному росту промышленности должен корреспондировать соответственный рост добычи сырья, в частности сырья сельскохозяйственного происхождения. Между тем при темпах ВСНХовской пятилетки даже самые смелые проектировки развития сырьевых культур не могут привести к смягчению нашей зависимости от заграничного рынка. Наоборот, для удовлетворения промышленности, растущей со скоростью, запроектированной ВСНХ, нам придется все большие и большие количества хлопка и шерсти закупать за границей. Это крупный дефект планировки не только с оборонной точки зрения, но и с точки зрения рационального международного разделения труда.

¹ В текущем 1927/28 г. промфинпланом запроектирован рост производительности труда на 17,6% по сравнению со среднегодовой за 1926/27 г. Однако фактически за истекшее полугодие средняя взвешенная выработка на человека-день дает такие темпы роста в процентах к среднегодовой прошлого года:

Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль	Март
101,4	105,5	108,7	108,6	110,8	114,7

В среднем за полугодие — 108,0. Обычно март является рекордным месяцем; летом как общая выработка, так и производительность труда несколько падают. Но допустим, что в нынешнем году, по исключению, все второе полугодие удержится на уровне, достигнутом в марте; даже и в этом случае мы получим для средней годовой не 17,6%, а всего только 12% роста.

Но самое узкое из узких мест — воспроизведение квалифицированной рабочей силы. Грубые расчеты показывают, что, увеличив расходы на социально-культурные нужды к концу пятилетия раза в полтора (т. е. приблизительно в той же пропорции, в какой предложен рост государственного бюджета), мы сможем обслужить промышленность квалифицированной рабочей силой того же качества и в тех же соотношениях по степеням квалификаций, как в настоящее время. Но, само собой разумеется, такая перспектива совершенно неудовлетворительна. Если уже теперь наше народное хозяйство испытывает острый недостаток в инженерах, техниках и рабочих надлежащих квалификаций, то во столько крат хуже будет обстоять дело через пять лет, если и тогда, в самом разгаре социалистического строительства, мы будем иметь в своем распоряжении столь же скучные и столь же плохо подготовленные кадры руководителей и исполнителей.

«Культурная революция» есть основа всех наших реконструктивных надежд. Но центр тяжести лежит здесь не в количественном росте культурно-просветительных учреждений, не в устраниении «диспропорций», наблюдавшихся в системе нашего народного и рабочего образования, и даже не в пересмотре самой этой системы, а в гораздо более мощных и глубоких, стихийно развивающихся процессах ломки наших социально-бытовых укладов. Не следует забывать старой истины: «не в школе, а в жизни учимся». И если эта жизненная, почвенная социально-культурная революция развернется в надлежащих формах, масштабах и темпах, победа *нашего социалистического строительства, а вместе с ним и социализма «планетарного»*, будет обеспечена.

Как и всякая подлинная революция, культурная революция не может быть «сделана» — она *происходит*, и сознательные усилия революционеров могут быть направлены лишь к тому, чтобы ускорить ее осуществление, «облегчить муки родов».

В чем же в данном случае должны состоять эти акушерские услуги? Очевидно, в том, чтобы везде и всюду, в индивидуумах и коллективах, выискивать и заботливо растить дух изобретательства, дух творческой инициативы, и к этой основной цели приспособлять все социальные «надстройки», т. е. формы государственного, коммунального и хозяйственного управления, формы

вольных ассоциаций, юридические и даже идеологические формы, поскольку эти последние поддаются сознательному воздействию революционного авангарда.

Достаточно бросить самый беглый взгляд вокруг себя, чтобы убедиться, что в этой области далеко не все обстоит благополучно.

Все формы управления в большей или меньшей степени запечатлены у нас так называемыми «бюрократическими извращениями», причем термин этот употребляется обыкновенно не совсем правильно. Так, напр., нравы и обычаи смоленских административных сфер отнюдь нельзя охарактеризовать как «извращение» или деградацию чего-то высшего, чем бюрократия, в бюрократизме. Систематические кутежи на казенные средства; оргии, терроризующие местное население, волокита и застой в делах; неисполнение законов и распоряжений высшей власти; покровительство тем слоям населения, которые, согласно нормам действующего права, должны быть унижены, а унижение тех, которые должны быть возвыщены,— все это такие деяния, которые были бы признаны криминальными и повлекли бы за собой достаточно суровые кары во всякой буржуазной стране, обладающей более или менее упорядоченной и выдрессированной бюрократией. Перед нами не просто бюрократы-чиновники, а скверные, даже с чисто бюрократической точки зрения никуда не годные, недобросовестные чиновники. В таких уголках, где уровень командующих организаций стоит на смоленской высоте, очередным и немалым достижением было бы не преодоление бюрократизма, а насаждение на место бесчестных и бездельных бюрократов честных и исполнительных.

Но будем надеяться, что смоленский уровень представляет собой редкое исключение. Представим себе губернию, администраторы которой аккуратно, без всякой волокиты исполняют свои текущие обязанности, вежливы с просителями и жалобщиками, сугубо предупредительны по отношению к представителям пролетариата и беднейшего крестьянства, неукоснительно и четко выполняют ниссылаемые из центра директивы, бойко проводят все очередные «кампании», немедленно превращают все лозунги текущего момента в яркие, на видных местах развесенные плакаты и по завершении своего трудового дня направляются не в кабак, но, в со-

проводении своих законных, зарегистрированных в загсе супруг, идут отдохнуть в кинематограф.

Такая идиллическая администрация как раз и представляет собой чистейшую форму бюрократизма. На творческую инициативу низов она действует как масло на морские волны. Именно идеальность бюрократа, горячая преданность делу, сознание свято выполненного служебного долга делают его непримиримым врагом всякого радикального новаторства, всякой принципиальной критики сложившегося положения вещей. Идеальный чиновник не меньший враг творческого изобретательства, нежели чиновник-шкурник, но враг более принципиальный, а следовательно, и более опасный.

Возьмем теперь проблему культивирования творческого гения в ином аспекте. Спросим себя, какие шансы имеет молодой рабочий, одержимый беспокойным духом изобретательства, получить ту образовательную подготовку, какая ему необходима для того, чтобы реализовать свои способности на практике? У нас имеются институты, задача которых — помочь рабочим, выделившимся своей даровитостью, получить законченное высшее образование. Но какого рода одаренность легче всего может быть замечена и премирована? По преимуществу одаренность пропагандиста, популяризатора, т. е. человека, легко схватывающего известное учение, быстро его усваивающего и способного передавать усвоенное менее подготовленным товарищам в живой, увлекательной форме. И такие таланты, в основе своей *педагогические*, конечно, нуждаются в величайшем поощрении в нашей безграмотной стране.

Но творческий талант изобретателя прямо противоположен по своей внутренней структуре и по внешним формам своего обнаружения таланту педагога. Прирожденный изобретатель ничего не приемлет на веру, но все подвергает кропотливому исследованию; ни к чему не присоединяется «целиком и полностью», но всегда склонен выдвинуть бесчисленные оговорки; ставит разъедающий вопросительный знак там, где пропагандист мощно ударяет по сердцам восклицательным знаком. В нашей обстановке такой персонаж вряд ли может обратить на себя благосклонное внимание окружающих. Если его отметят, то в лучшем случае как «малосознательный элемент», в худшем как элемент «разложившийся», склонный к «бузотерству».

В. А. Базаров

К ВОПРОСУ О ХОЗЯЙСТВЕННОМ ПЛАНЕ

Плановое хозяйство обычно противопоставляется хозяйству товарному. И вообще говоря, это, конечно, совершенно правильно: **законченное** плановое хозяйство предполагает непосредственное общественное управление всеми сторонами производства и распределения,— социализм несовместим с товарным рынком, как известно каждому школьнику первой ступени. Однако диалектика развития к социализму чрезвычайно сложна и, как всякая диалектика, движется противоречиями. В частности, на той ступени развития, которую переживает народное хозяйство СССР, сочетание товарного рынка и планового хозяйства является таким диалектическим, движущим вперед противоречием, а отнюдь не простым компромиссом между социалистическим и капиталистическим началом. В рамках общественно-производственных возможностей данной эпохи и данной страны нэп есть основная предпосылка успешного хозяйственного планирования, диктуемая внутренней структурой государственной промышленности, и было бы глубоко ошибочно видеть в современной экономической политике какое-то самоограничение планового принципа в интересах мелкобуржуазной крестьянской стихии.

Период так называемого военного коммунизма был эпохой идеологического и юридического торжества хозяйственного плана при его фактическом бессилии. В эти годы планомерность и рациональность отсутствовали не только в государственном производстве как целом, но даже и в отдельных отраслях, в отдельных предприятиях его, т. е. там, где строгий план и учет присущи частнокапиталистическому хозяйству. В деле использования производственных механизмов и живой рабочей силы, в деле распределения этой последней по цехам господствовали случай и стихия. И только принцип «хозяйственного расчета», неразрывно связанный с восстановлением товарного рынка, позволил приступить к обузданию этой стихии путем более или менее планомерного осуществления, более или менее рационально построенных программ. Только «новая экономическая политика» дала возможность провести на деле некоторое сокращение контингентов, более правильное распределение в производстве работников различной квалификации, повысить нагрузку регулярно действующих предприятий и перевести на «консервацию» или ликвидировать предприятия, не могущие по тем или иным причинам действовать регулярно.

Товарный рынок явился *предпосылкой* этих успехов в двояком смысле. Во-первых, он облегчил восстановление личной заинтересованности каждого трудящегося в результатах труда и личной ответственности за добросовестность труда. Во-вторых, и это особенно важно, он чрезвычайно упростил функции фактической проверки работы предприятий, а следовательно, и всяческое хозяйственное регулирование. Я позволю себе пояснить это одним житейским примером. В настоящее время во многих московских домах, освещая-

емых электричеством, один счетчик приходится на несколько квартир, причем оплата энергии, учитываемой таким «коллективным» счетчиком, раскладывается на отдельных квартиронанимателей пропорционально имеющемуся у каждого из них числе лампочек. Наблюдение показывает, что при такой системе каждый житель расходует, как общее правило, больше энергии на одну лампочку, чем это он делал в дореволюционное время при наличии «индивидуальных» счетчиков, несмотря на то, что энергия теперь обходится значительно дороже, а бюджет пользователя обычно ниже довоенного. Нечто подобное имеем мы и в государственном хозяйстве. Товарный рынок и базирующийся на нем «хозяйственный расчет» создают своего рода индивидуальный счетчик, автоматически отмечающий результаты деятельности каждого отдельного предприятия, что, конечно, очень упрощает задачу контроля и самоконтроля. При отсутствии товарного рынка экономическое значение каждого отдельного хозяйственного акта реально оказывается не там, где такой акт имел место, а лишь на общих результатах всего государственного хозяйствования в целом. И само собой понятно, что в этих суммарных результатах, где причудливо перекрещиваются между собой и накладываются друг на друга ошибки и достижения, удачи и неудачи тысяч предприятий, практически невозможно выделить долю, падающую на каждое отдельное из них. Таким образом, стихийный «коллективный счетчик», действующий при системе непосредственно государственной организации производства и распределения, совершенно недостаточен для цели планирования и регулирования, а создание точного и детализированного искусственного учета представляет задачу, не разрешимую на той ступени общественной организованности, какая определяется достигнутым у нас уровнем развития производительных сил.

Если бы наша промышленность уже доросла до того уровня, при котором завершенное плановое управление ее является возможным и целесообразным, то не представляло бы никаких особых затруднений в организации планового продуктообмена между деревней и госпромышленностью. Тогда не было бы необходимости создавать вольный рынок в качестве «смычки» города с деревней, и даже при легализации свободного товарооборота этот последний фактически существовал бы лишь в отношениях мелких товаропроизводителей между собой. Поэтому в противовес господствующему взгляду можно сказать, что смычка между государственной промышленностью и мелким самостоятельным товаропроизводителем требует свободного товарного рынка лишь постольку, поскольку сама государственная промышленность, на данном ее уровне, нуждается в нэпе как основной предпосылке своего нормального существования и развития.

Однако сказать, что государственный капитализм нуждается в товарном рынке для успешного осуществления своих хозяйственных планов, значит сказать еще очень немного. В этом отношении между государственным и частным капитализмом нет принципиальной разницы. Ведь и частный капитализм, когда он дорастает до синдикации и трестиования, вводит строгую планомерность и техническую рациональность не только в отдельные предприятия, но и в целые отрасли производства. В указанных рамках наш юный государственный капитализм, естественно, является учеником западноевропейского и американского капитала; он стремится усвоить выработанные этим последним методы концентрации и спе-

циализации производства (стандартизация, типизация, нормализация, НОТ и т. д.). И в необходимости усвоения этих методов не может быть никакого сомнения; здесь существуют огромные фактические трудности, на которых я не могу останавливаться, но нет никакого принципиального вопроса.

Принципиальный вопрос возникает дальше и состоит в следующем. Должно ли наше народное хозяйство, пока оно стоит на почве государственного капитализма и нэпа, т. е. в настоящее время и в обозримом будущем, ограничить плановый принцип теми рамками, в каких он практикуется капиталистическими странами, или же необходимо некое планирование в более широком масштабе по отношению ко всему хозяйственному целому? Господствующие у нас на сей предмет взгляды, поскольку они выражались в литературе и официальных заявлениях руководителей экономической политики страны, довольно разнообразны, занимая обычно середину между двумя полярно противоположными взглядами. Первый из этих крайних взглядов, исходя из абсолютной необходимости плана, объемлющего все народное хозяйство, связывает расширение планового начала с ограничением и ущемлением нэпа и, следовательно, проектирует с теми или другими оговорками и поправками возвращение к методам эпохи военного коммунизма. Другой крайний взгляд исповедуют те, которые, не видя возможности без тяжелых экономических потрясений отступить от основных начал нэпа, относятся ко всяkim универсальным планам народного хозяйства скептически. Согласно этому второму течению «единий хозяйственный план» является при системе государственного капитализма утопией, и регулирование отдельных отраслей и сторон государственного производства должно опираться не на широкие перспективные планы, а на точный учет фактически сложившейся и намечающейся на ближайшее будущее «конъюнктуры».

Отвергая *a limine*¹ первую точку зрения, мы не можем согласиться и со второй, несмотря на то, что ее исходное положение представляется нам бесспорным. Государственный капитализм по объему своего планирования действительно ограничен примерно теми же рамками, как и высокоразвитый частный капитализм. Верно ли, однако, что трестированный и синдикатированный частный капитализм в состоянии вести производство, руководясь учетом рыночной конъюнктуры без всякого широкого перспективного планирования? Это не вполне верно даже применительно к нормальным эпохам, ибо капиталистические тресты и синдикаты, как известно, не только приспособляются к рыночной конъюнктуре, но и делают конъюнктуру, для чего им в той или другой степени необходимо ориентироваться на перспективу развития народного или даже мирового хозяйства в его целом. Но если при обычных условиях организованный капитал не может ограничиться одним только регулированием сообразно наметившейся уже конъюнктуре, то это сугубо невозможно при такой далеко не обычной и нормальной структуре производства, какая имеется у нас сейчас в России. При тех колоссальных деформациях, которые произвело в нашем народном хозяйстве десятилетие империалистической и революционных войн, толковое управление промышленностью республики невозможно без более или менее продуманного восстановительного плана.

¹ Сразу (лат.).

В этом и лежит центр тяжести вопроса о плановом хозяйстве в его теперешней конкретной постановке. Даже условно соглашаясь, что государственный капитализм при нормальных условиях не нуждается в перспективном плане и может обойтись одними только производственными программами на текущий год, мы для современной России должны выработать широкий план возрождения народного хозяйства,— план, осуществление которого как раз и призвано создать условия здорового естественного развития, позволяющего успешно хозяйствовать, руководясь текущими показателями конъюнктуры.

Что же должен дать нам восстановительный план и как его построить?

Ответим сначала на первый вопрос. Восстановительный план должен точно учесть диспропорции современного народного хозяйства, наметить меры к их устраниению и доказать практическую осуществимость последних. В настоящее время у нас относительно благополучно обстоит дело с предметами широкого потребления; рынок предъявляет к ним все растущий спрос, и, несмотря на чрезвычайно высокие издержки производства и продажные цены, соответственные отрасли развиваются быстрее других и приносят, по-видимому, достаточную прибыль. В гораздо более тяжелом положении находится производство средств производства, обслуживающее по преимуществу государственную промышленность и транспорт. Здесь сокращение производства несравненно значительнее, нагрузка предприятий меньше, убыточность пока неустранима. Таким образом, стихийно сложившаяся конъюнктура отнюдь не создает тенденций к выравниванию имеющихся диспропорций, а, наоборот, стремится еще усугубить их. И если бы наша экономическая политика руководилась исключительно текущей конъюнктурой, т. е. непосредственной рентабельностью предприятий, мы быстро пришли бы к почти полному аннулированию металлургии, металлообработки, силового хозяйства, а вместе с тем подорвали бы тот базис, на котором может развиваться сравнительно рентабельная легкая индустрия.

Вообще, не надо закрывать глаза на то, что форсирование нашей крупной индустрии по непосредственным своим результатам есть дело весьма малорентабельное, требующее огромных затрат, которые начнут окупаться лишь в более или менее отдаленном будущем. С точки зрения ближайших интересов нашего государственного бюджета, который тесно связан с бюджетом крупной индустрии, всего рентабельнее было бы, конечно, ликвидировать госпромышленность, открыть таможенные заставы и насытить крестьянский спрос дешевыми продуктами иностранного производства. Это повысило бы налоговую платежеспособность основной массы населения, сняло бы с государства бремя дотаций, поглощаемых промышленностью, и позволило бы чрезвычайно упростить и удешевить аппарат государственного управления. Несмотря, однако, на всю соблазнительность с точки зрения непосредственных интересов фиска¹, такая программа всеобщего окрестьянивания России никем у нас не защищается, ибо очевидно, что по своим политическим и экономическим последствиям она прямо противоположна той задаче,

¹ Государственная казна.

которую ставят перед собой руководители нашей экономической политики.

А раз это так, раз последовательно руководиться принципом максимальной рентабельности при данной конъюнктуре мы не можем и должны вопреки конъюнктуре идти на крупные затраты для поддержания и развития крупной промышленности, необходимо последовательно продумать этот второй путь, заранее учесть и оценить, во что он нам обойдется при наиболее рациональном его прохождении. Это и есть задача перспективного восстановительного плана.

Как построить такой план?

Уже из сказанного ясно, что восстановительный план не может ограничиться перспективой роста продукции, выраженного в натуральных единицах, хотя бы с примерным учетом необходимых для этого дотаций. Составленные по этой схеме пяти-семи-десятилетки различных хозорганов оставляют совершенно невыясненным вопрос: что же будет представлять собой данная отрасль промышленности по достижении ею конечного пункта перспективного плана? Будет ли она доведена по своей технической организации до уровня зарубежных конкурентов и таким образом прочно станет на собственные ноги, или же она по-прежнему останется музеем устарелого и лишь кое-как подправленного оборудования, а следовательно, по завершении данной пятилетки вступит в новую пятилетку столь же неустойчивого, подкрепляемого непрерывными дотациями бытия? Точного ответа на этот вопрос не дает ни одна из существующих попыток построения перспективного плана. Да это и неудивительно. Для учета тех затрат, которые связаны с переоборудованием существующих государственных предприятий по технически наиболее совершенным образцам, необходимо по каждому отдельному предприятию располагать самыми исчерпывающими сведениями о фактическом состоянии основного капитала, необходимо оценить не только его физическое, но и его моральное изнашивание за годы войны и революции. Между тем таких сведений ни по одной отрасли госпромышленности у нас не имеется. И когда наши экономисты и статистики пытаются осветить современное состояние основного капитала, они вынуждены довольствоваться грубейшими прикидками: например, взять основной капитал акционерных обществ по последним опубликованным данным, вычесть из него нормальный довоенный процент ежегодной амортизации, помноженный на число лет, в течение которых амортизация не производилась, и оперировать с остатком, как с якобы наличным основным капиталом. Само собой ясно, что такими приемами позволительно пользоваться лишь при самых общих соображениях, да и то с большими оговорками; но они совершенно недопустимы там, где дело идет о конкретном учете и точной оценке технических преобразований, потребных для реконструкции каждого отдельного предприятия, каждой отдельной отрасли производства.

Здесь нельзя ограничиться примерными статистическими прикидками или отдельными обследованиями и анкетами более или менее любительского типа,— необходима тщательнейшим образом подготовленная и осуществленная перепись госпромышленности, промышленный кадастров. Беспорно, подобного рода специальная перепись обойдется очень недешево, но с расходами в данном случае придется помериться, ибо, приступив к делу реконструкции без точного предварительного учета, мы неизбежно сделаем ряд ошибок,

за которые государственная казна будет расплачиваться многомиллионными убытками.

Учет и оценка технической реконструкции государственной промышленности составляют одну сторону восстановительной программы. Другая ее сторона заключается в согласовании или, употребляя модный термин, в *вязке* отдельных технических программ. Восстановительный план должен доказать не только свою техническую, но и свою экономическую рациональность, другими словами, должен доказать, что предложенная им продукция различных отраслей при данных ее размерах и данной себестоимости будет соответствовать структуре рынка. Таким образом, восстановительный план необходимо разработать в виде перспективного баланса народного хозяйства; только балансовый метод позволяет убедиться в том, что предложенная реконструкция создаст единое и стройное целое, возрожденный народнохозяйственный *организм*, способный к здоровому развитию, а не *membra disjecta*¹ единичных органов, быть может абсолютно нежизнеспособных в своей совокупности, несмотря на техническое совершенство каждого из них в отдельности.

Из сказанного ясно, что смысл перспективного планирования вовсе не заключается в погодном расписании той или другой производственной перспективы. Осуществим ли мы преобразования, необходимые для возрождения нашего хозяйства в течение пяти, семи, десяти или двенадцати лет,— это нельзя заранее предвидеть: это зависит и от размеров урожаев, и от конъюнктуры мирового рынка, и от политической международной ситуации, позволяющей нам в большей или меньшей степени использовать приток иностранного капитала. Но какую бы долю перспективного плана мы ни реализовали в течение данного года, какие бы отступления от программы ни заставляли нас делать текущая экономическая или политическая конъюнктура, мы ни на минуту не должны упускать из виду конечной задачи — возрождения нашего народного хозяйства. К точной формулировке этой задачи, и только к ней, сводится восстановительный перспективный план.

Я ограничился указанием наиболее общих и, как мне кажется, наиболее бесспорных подходов к разрешению вопроса о хозяйственном плане. При разработке его встанут десятки методологических проблем более частного порядка, о которых говорить в этой связи было бы неуместно.

Экономическое обозрение, 1924, № 6

¹ Разрозненность (лат.).

Содержание

Возвращение к истокам	3
Глеб Максимилианович Кржижановский	10
Г. М. Кржижановский	
К построению перспективной пятилетки	24
Станислав Густавович Струмилин	38
С. Г. Струмилин	
К теории планирования	54
Николай Дмитриевич Кондратьев	78
Н. Д. Кондратьев	
Критические заметки о плане развития народного хозяйства	95
Владимир Александрович Базаров	136
В. А. Базаров	
Принципы построения перспективного плана	166
О перспективах хозяйственного и культурного развития	199
К вопросу о хозяйственном плане	218

Каким быть плану: дискуссии 20-х годов

Автор-составитель

Эдуард Брониславович Корицкий

Младшие редакторы Л. Ю. Киреева, Ю. С. Фадеева. Художник И. Г. Архипов. Художественный редактор А. А. Власов. Технический редактор В. И. Демьяненко. Корректор Н. Р. Качалова.

ИБ № 5280

Сдано в набор 14.06.89. Подписано к печати 05.12.89. М-18320. Формат 84×108^{1/32}. Бумага тип. № 2. Гарн. литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 11,76. Усл. кр.-отт. 11,97. Уч.-изд. л. 13,49. Тираж 15 000 экз. Заказ № 144. Цена 95 коп.

Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Типография им. Володарского
Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

95 коп.

Лениздат